

Л. Е. БАЛАШОВ

КАК МЫ ДУМАЕМ?

(ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ МЫШЛЕНИЯ)

- ◆ **УМ, РАЗУМ, РАССУДОК**
- ◆ **ИДЕЯ — МЫСЛЬ РАЗУМА**
- ◆ **КАТЕГОРИИ МЫШЛЕНИЯ**
- ◆ **ЗДРАВОМЫСЛИЕ, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ**

МОСКВА • 2012

Балашов Л. Е.
Как мы думаем? (Введение в философию мышления) —
М., 2012. — 226 с.

Книга посвящена философии мышления. По мнению автора, ни логика, ни психология не рассматривают мышление в его тотальности, как вид человеческой деятельности. Только философия может ответить на вопросы «что такое мышление?» и «как мы думаем?»

Конкретно в книге рассматриваются: особенность мышления как формы деятельности, структура мышления, его виды-способности (ум, разум, рассудок), идея как мысль Разума, место идеи в творческом процессе, категориальный строй мышления, соответствия и несоответствия между категориями, место мышления в структуре человеческой деятельности, нормативное ядро мышления (здравомыслие, здравый смысл).

В книге развиваются идеи, изложенные в: Л.Е. Балашов. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). — М., 1997.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся философией, логикой и психологией мышления.

© Л. Е. Балашов, 2012 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Раздел 1. Способности и качества мышления</i>	11
Глава 1. Ум, разум, рассудок, вероятностное мышление	11
Глава 2. Качества мышления	28
Смекалка, сметливость, сообразительность	28
Проницательность	29
Хитрость	29
Мудрость	31
<i>Раздел 2. Рассудок (дедуктивная логика)</i>	33
Глава 1. Рассудок и логика	33
Глава 2. Естественная логика и рефлексия (наука) логики	33
Глава 3. Дедукция, рассуждение	34
Понятие	36
Суждение	37
Умозаключение	37
Глава 4. Основные правила логики	37
Глава 5. Дедуктивное умозаключение	39
Силлогизм	40
Глава 6. Пределы дедуктивной логики	44
<i>Раздел 3. Вероятностное мышление</i>	44
Предположение	45
Предположение и догадка	45
Умозаключения неполной индукции	46
Ограниченность метода индукции	47
Умозаключения по аналогии	48
Выводы от утверждения следствий	52
<i>Раздел 4. Ум (интуиция)</i>	53
Чутье, наитие, умонастроение, догадка	53
Что нужно для развития чутья, интуиции?	54
Ограниченность и абсолютизация интуиции	56
Мистицизм, мистическое умонастроение	57
Зыбкость интуиции	64
Образное мышление	65
<i>Раздел 5. Разум (диалектическое мышление)</i>	67
Глава 1. Убеждения	67
Отличие убеждения от веры	71
Глава 2. Идея — мысль Разума	72
Диалектика идеи	73
Как идея развивает мышление	79
Место идеи в творческом процессе	83

Глава 3. Категориальный строй мышления	93
Категории мышления.....	93
Категориальная логика мышления	94
Как категории работают-проявляют себя?.....	107
“Кухня” категориальной логики.....	111
Категории — краски и кисти философа	118
Логика соответствий и несоответствий между категориями.....	119
Методологическая функция категориальной логики.....	138
<i>Раздел 6. Здравомыслие, здравый смысл</i>	<i>141</i>
(норма в мышлении, нормальное мышление).....	141
Глава 1. Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность	141
Глава 2. К истории вопроса	143
Глава 3. Против оценки здравого смысла как действующего лишь в “стенах домашнего обихода”	147
«Сумасшедшие» идеи и здравый смысл.....	149
Глава 4. Пределы здравого смысла	151
Глава 5. Разнокачественность и разноколичественность здравомыслия.....	152
Глава 6. Здравомыслие можно развивать и корректировать	153
Глава 7. Нездравомыслие, больной смысл.....	154
<i>Раздел 7. Как мы думаем, так и живем</i>	<i>155</i>
К вопросу об оценке умственных способностей человека и разных способах тестирования интеллекта.....	156
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Что такое глупость? (наброски и заметки)	160
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Парадоксы и парадоксальное мышление (нелепость и идиотизм парадоксального мышления).....	167
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Из переписки	200
Об уме-разуме.....	200
Быть умным — всегда благо. Если ты умный, тебе с ЛЮБИМ интересно общаться!	203
Влияние наших мыслей на здоровье. Аффирмация	205
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Разные заметки	211
Рассудок, разум и другие способности мышления. К истории вопроса.....	211
Как люди сами себя обманывают (недальновидность)	214
Самоанализ	215
Мышление животных	215
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Высказывания разных авторов об уме, способностях и качествах мышления	216

Побеждай сперва мыслью, а потом делом.

А.В. Суворов. Наука побеждать.

*...думать — это значит ставить вопросы
и пытаться находить ответы на них.*

В. Рубцов¹

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена философии мышления. Что это такое? Мышление изучают с разных сторон логики, психологи, психиатры, психофизиологи, кибернетики, креатологи и т. д. Нет, однако, единой науки о мышлении. Поэтому осмысление процесса мышления в целом остается прерогативой философии. Именно она пытается исследовать во всей полноте вопросы “что такое мышление?”, “как мы думаем?” и предложить разные варианты ответа на них. Великие философы прошлого — Декарт, Локк, Лейбниц, Кант, Гегель — посвятили этим вопросам свои главные труды. В принципе для каждого интеллектуально развитого человека безразлично то, как он думает.

Вообще, думать о том, *как мы думаем* — привилегия *Разума, высшей* способности мышления. Кто желает повысить свои умственные способности, не просто мыслить, а мыслить *разумно*, тот должен постоянно отдавать себе отчет в том, *как он думает* и, соответственно, больше знать о процессе мышления как таковом. Мышление о мышлении имеет также важное практическое значение. Знаменитый физик Кельвин, возражая сторонникам узкой специализации студентов, заметил: “Из-за незнания логики погибло больше кораблей, чем из-за незнания навигации”.

Прежде всего, *что такое мышление?* В самом общем виде это — *постановка и решение задач* на идеальном, психическом уровне.

Это определение мышления расходится с общепринятыми определениями. Но вот мнение специалиста, которое очень близко по смыслу приведенному определению: “акт мышления,

¹ См.: журнал “Здравый смысл”, 1998/99, № 10. С. 85.

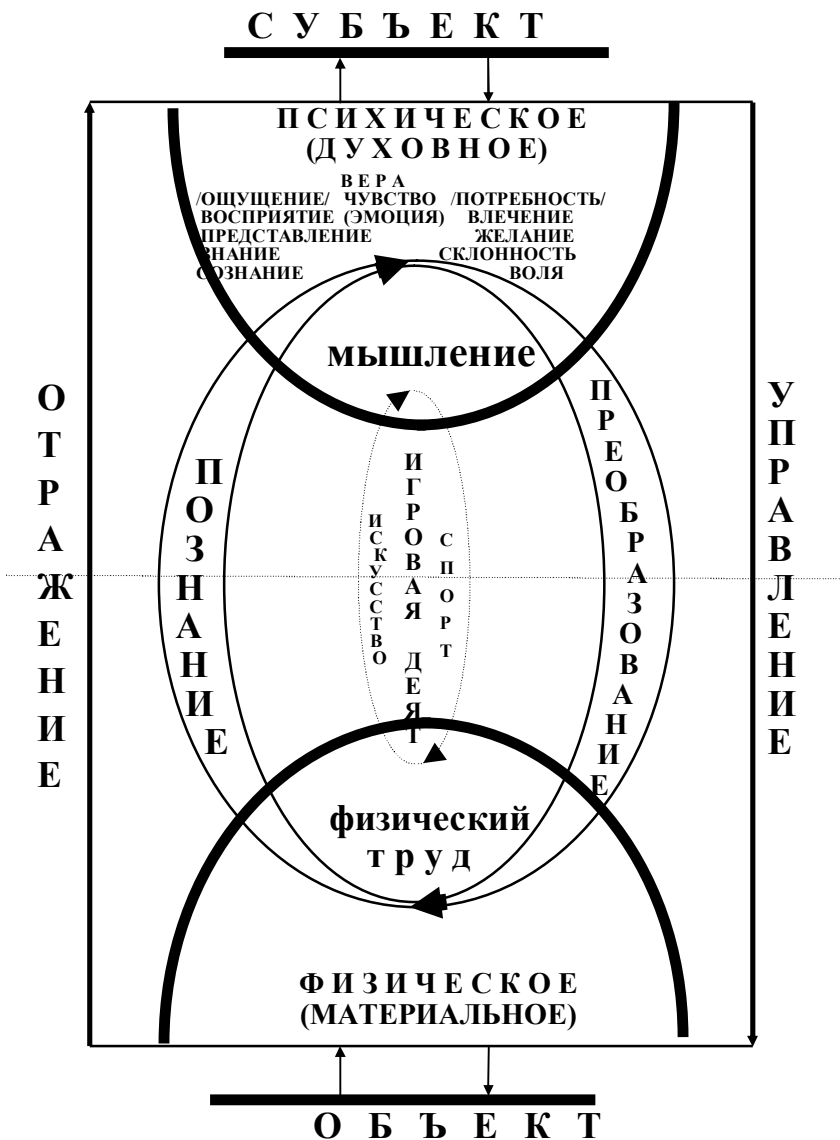

Рис. Схема “ВИДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ”

— писал известный нейропсихолог А. Р. Лурия (1966), — возникает только тогда, когда у субъекта существует соответствующий мотив, делающий задачу актуальной, а решение ее не-

обходимым, и когда субъект оказывается в ситуации, относительно выхода из которой у него нет готового решения — привычного (т. е. приобретенного в процессе обучения) или врожденного”.

Задачи могут быть самые разные. Нет ни одного вида деятельности, который не предполагал бы решение задач. Даже во сне человек думает и, следовательно, решает задачи.

Как видно из схемы “Виды (стороны) человеческой деятельности” (см. выше), мышление объединяет на идеальном, психическом уровне три формы деятельности: познавательную, игровую (художественную и спортивную) и управляюще-преобразовательную¹. Оно, следовательно, не сводится ни к одной из этих форм деятельности. Между тем среди философов и ученых довольно распространено понимание мышления как познавательной деятельности. Вот некоторые цитаты:

ПсевдоПлатон: «Мышление — начало знания» (Определения)

«Мудрость — беспредпосылочное знание; знание вечных вещей; умозрительное знание причины существующего» (там же)

Р. Декарт: «ПРАВИЛО I: Целью научных занятий должно быть направление ума таким образом, чтобы он мог выносить твердые и истинные суждения обо всех тех вещах, которые ему встречаются». (Р. Декарт. Правила для руководства ума).

Ламетри: «Размышление — это способность души вспоминать и собирать все знания, необходимые ей для открытия истин, которые она ищет» (Ламетри. Сочинения. М., 1976. С. 130)

Кант: «Мышление есть познание через понятия.» (Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 80)

Кант: Категории «лишь правила для такого рассудка, вся способность которого состоит в мышлении, т. е. в действии, которым синтез многообразного, данного ему в созерцании со стороны, приводит к единству апперцепции, так что этот рассудок

¹ Ж. Пиаже писал: Интеллект «строго говоря, не является одной из структур, стоящей наряду с другими структурами. Интеллект — это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов. Этот способ рассуждения приводит нас к убеждению, что интеллект играет главную роль не только в психике человека, но и вообще в его жизни.» — Ж.Пиаже. Психология интеллекта. — Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981. С.49.

сам по себе ничего не познает, а только связывает и располагает материал для познания, а именно созерцание, которое должно быть дано ему через объект."» (Там же, с. 107).

Кант: «Основоположения рассудка суть лишь принципы описания явлений... Мышление есть действие, состоящее в том, чтобы относить данное созерцание к предмету.» (Там же. С. 190).

Кант: «Разум, рассматриваемый как способность определенной логической формы познания, есть способность умозаключать, т. е. строить суждение опосредованно (через подведение условия возможного суждения под условие данного суждения).» (Там же. С. 234).

Кант: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцания и для подведения его под высшее единство мышления. Я должен теперь дать дефиницию этой высшей способности познания и чувствую себя в несколько затруднительном положении.» (Там же. С. 218).

Гегель ничуть не сомневался в том, что мышление — часть или ступень познавательного процесса. Об этом свидетельствует хотя бы такой отрывок из введения к «Науке логики»: «Если вообще логику признают наукой о мышлении, то под этим понимают, что это мышление составляет голую форму некоторого познания, что логика абстрагируется от всякого содержания, и так называемая вторая составная часть всякого познания, материя, должна быть дана откуда-то извне, что, следовательно, логика, от которой эта материя совершенно независима, может только указать формальные условия истинного познания, но не может содержать самое реальную истину, не может даже быть путем к реальной истине, так как именно суть истины, содержание, находится вне ее.» (Гегель. Наука логики.)

С нашей точки зрения, это односторонняя и потому неверная трактовка мышления. Между мышлением и познанием есть существенное различие и не только в том, что познание включает в себя также чувственные формы отражения. Мышление в равной степени “участвует” как в познавательной, так и в управляюще-преобразовательной деятельности, т. е. является идеальным орудием познания и управления-преобразования. Последние противоположны по своей направленности. Познание — это преимущественно отражательная деятельность, осуществляющая перевод материального в идеальный план (распредмечивание). В познании субъект стремится разделять то, что разделено в объекте, и соединять то, что соединено в объек-

те¹. Напротив, управляюще-преобразовательная деятельность осуществляет “перевод” идеального в материальный план (опредмечивание). В этой деятельности субъект стремится разделять то, что соединено, и соединять то, что разделено (т. е. он поступает прямо противоположно тому, что он делает в процессе познания).

Мышление же осуществляет на идеальном, психическом уровне взаимодействие (взаимопереход, взаимоопосредствование) этих противоположно направленных форм деятельности.

Очень близкую точку зрения на соотношение мышления, познания и практики высказал А. А. Сорокин. Он писал в 1984 году: “С этим обстоятельством связана необходимость более полной трактовки вопроса о единстве (тождестве) мышления и бытия по сравнению с той, которая обычно имеет место в философской литературе. Нужно видеть не одну, а две — противоположные — стороны (или два противоположных аспекта) этого вопроса. Речь должна идти не только о совпадении наших представлений, знаний, отражающих объективный мир, с самим этим миром — этот аспект выдвигается на первый план в процессе теоретического освоения человеком действительности, и именно он анализируется главным образом в нашей философской литературе, — но и о совпадении (тождестве) мира, создаваемого человеком, результатов его реально практической деятельности с его знаниями, программами и идеалами. Эта сторона единства мышления и бытия выдвигается на первый план в ходе развития различных форм творческой, реально практической деятельности людей. Другими словами, задача состоит не только в том, чтобы сделать свои знания адекватными глубинной сущности предметов, законам их существования и развития, но и в том, чтобы реальный мир сделать адекватным своим собственным потребностям и целям (...)

Поскольку задачей мышления является не только познание, но и преобразование мира, постольку и в области философии деятельность мышления должна исследоваться не только в его познавательной функции (не только в плане производства научного знания), но и в его практических аспектах, в плане проектирования практической деятельности”².

¹ Еще Аристотель указал на этот критерий познавательной деятельности: “...истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное — связанным, а ложное — тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами” (Метафизика 1051b 3-6). — Аристотель. Соч. в 4-х т.т. Т. 1, М., 1976. С. 250.

² См.: Принципы материалистической диалектики как теории познания. М., 1984. С. 276.

(В скобках заметим. Если познание и практика — *противоположно* направленные формы связи субъекта с объектом, то игровая (художественная и спортивная) деятельность — *промежуточная* форма связи. Не являясь по настоящему ни познавательной, ни практической деятельностью, она включает в себя элементы той и другой. В сфере субъекта ей соответствует чувство (эмоция), занимающее промежуточное положение между знанием и потребностью.)

Мышление и интеллект. Во многих европейских языках в качестве синонима слова «мышление» употребляется слово «интеллект» (от латинского «*intellectus*»). В широком смысле «интеллект» употребляется в том же значении, что и «мышление». В Словаре иностранных слов (М., 1982) читаем: «ИНТЕЛЛЕКТ — ум, рассудок, разум; мыслительная способность человека». Существует, однако, традиция понимать слово «интеллект» исключительно в значении «рассудок, логическая способность». См., например, цитату из «Творческой эволюции» А. Бергсона ниже, на стр. [14](#).

Такое понимание слова «интеллект» аналогично тому, как понимают слово «разум». Последнее употребляется и в значении «мышление вообще», и в значении «собственно разум, высшая способность мышления», и в значении «рассудок, логическая способность». Нужно всегда помнить о многозначности слов «интеллект» и «разум» и не попадать в капкан словоупотреблений.

Итак, как процесс решения задач мышление предполагает использование тех или иных средств.

Мыслительные средства условно можно разделить на два класса:

способности мышления — собственно мыслительные средства (ум, разум, рассудок);

категории мышления — мыслительные средства, отображающие структуру мира, выражающие связь мышления со всем, что находится за его пределами.

Кроме того, мышление как форма деятельности нормативно по своей сути, т.е. имеет нормативное ядро в виде *здоровомыслия, здравого смысла*.

Рассмотрим сначала способности и качества мышления.

Раздел 1. Способности и качества мышления

Глава 1. Ум, разум, рассудок, вероятностное мышление

К способностям мышления относятся *ум, разум, рассудок, вероятностное мышление*. Этим способностям соответствуют четыре вида мыслей:

- интуитивная мысль (догадка) — произведение УМА;
- логическая мысль (вывод, заключение) — произведение РАССУДКА;
- предположение — вероятностная мысль;
- идея — мысль РАЗУМА.

1

Ум и рассудок — противоположные способности мышления.

В естественном языке между ними, как правило, проводится разграничение и порой весьма существенное. К слову “ум” присоединяются эпитеты: “живой”, “яркий”, “острый”, “блестящий”, “пытливый”, “оригинальный”, “необыкновенный”, “парадоксальный”. К слову “рассудок” такие эпитеты неприложимы. Деятельность рассудка понимается как нечто сухое, схематичное, неживое.

Весьма точно передает характер ума, его отличие от рассудка следующий фрагмент стихотворения А.Ф. Лосева:

Ум не рассудок, не скелет
Сознания, духа и природы.
Ум — средоточие свободы,
Сердечных таинств ясный свет.
Ум — вечно юная весна.
Он — утро новых открытий,
Игра бессменных удивлений.

Ум не стареет никогда.¹

О важном значении дистинкции ума и рассудка говорил наш замечательный философ П.Я. Чаадаев. Он называл “воображение и рассудок” двумя “*великими началами духовной природы*”.

Вообще, сопоставление «воображения» и рассудка как двух противоположных способностей мышления, которые вместе делают ум умом (в широком смысле) или ум разумом, имело место неоднократно в истории человеческой мысли. Вот, что писал, например, Т. Гоббс: «под умом же мы подразумеваем сочетание воображения со способностью суждения»². Подобные мысли высказывали Р. Декарт, И. Кант, не говоря уж о Гегеле.

Если Ум способен вырабатывать, генерировать новые мысли из немислительного материала, то Рассудок способен организовывать мысли, выводить одни мысли из других. Ум отвергает готовые, устоявшиеся мыслительные штампы. Он — поклонник вечно меняющегося живого опыта общения с реальной действительностью. Он черпает мысли из этого опыта, а не высасывает их из пальца и не заботится при этом об их соответствии прежним мыслям. Рассудок же подобно пауку тклет паутину мыслей из самого себя. Он консервативен, сам себе ставит границы и не пытается выйти за их пределы. Рассудочное мышление не рождает новых мыслей. Оно только перерабатывает, организует имеющиеся в наличии. В противоположность рассудку ум переменчив и даже анархичен. Он — низвергатель всех канонов, правил, традиций. В своем крайнем выражении живой ум алогичен и парадоксален.

2

Ум и Рассудок — односторонние и потому низшие способности мышления. Разум включает в себя то, что присуще уму и рассудку, и потому лишен их односторонности. Он — высшая способность мышления. Разум с одина-

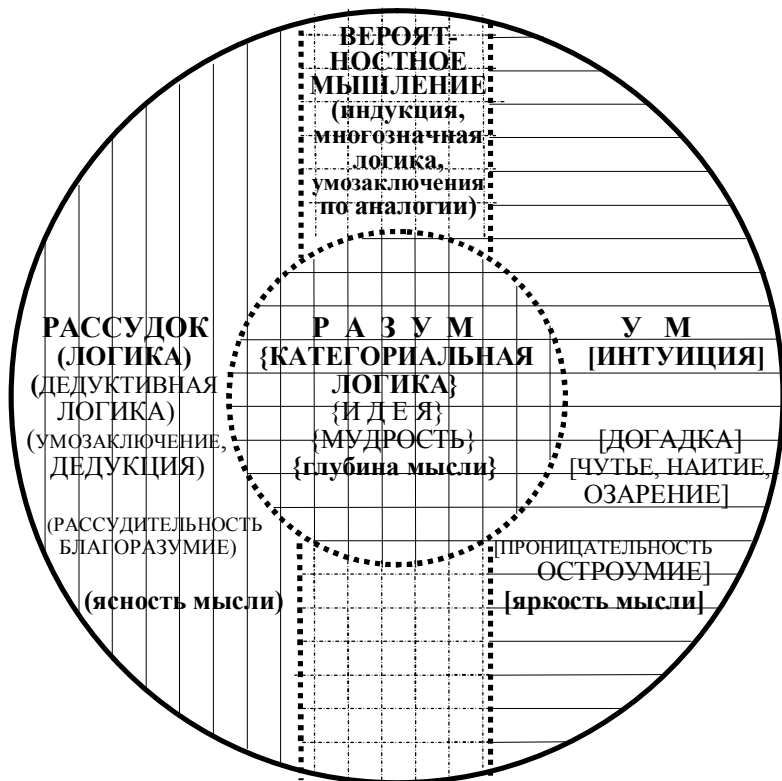
¹ Цит. по: А.Ф. Лосев. Бытие—имя—космос. М.: Мысль, 1993. С. 30.

² Т.Гоббс. Человеческая природа, X, 4. См.: Гоббс Т. Соч. в 2-х тт. Т. 1, М., 1989. С. 556.

ковым успехом умеет *вырабатывать* новые мысли и *организовывать* их.

Если Рассудок — консервативное мышление, а Ум — импульсивное, скачкообразное мышление, то Разум — развивающееся мышление.

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) мышления*.

На диаграмме в наглядно-логической форме представлено соотношение четырех различных способностей мышления. Между рассудком и умом расположено промежуточное “пространство” мышления, отделенное от них вертикальными линиями. В этом “пространстве”, которое справедливо назвать *вероятностным мышлением*, рассудок и ум плавно переходят, перетекают друг в друга. В центральном круге, залезающем на “территории” рассудка и ума, расположен Разум. Он осуществляет органический

синтез, взаимоопосредствование Рассудка и Ума. Чем шире круг охватывает “территории” Рассудка и Ума, тем величественнее и глубже сам Разум.

3

Вероятностное мышление или промежуточное “пространство”, способность мышления. Если рассудок уподобить твердому кристаллу¹, а ум — газу, то вероятностное мышление — это как бы жидкое состояние мышления.

(Разум в таком случае можно уподобить живому организму, в котором присутствуют все три агрегатные состояния вещества).

Промежуточная способность — это то, чем занимаются индуктивная, многозначная, вероятностная логики. Умозаключения, основанные на таких логиках, являются вероятностными, не носят категорического характера (как дедуктивные умозаключения) и в то же время они, в отличие от чисто интуитивных мыслей, строятся по определенным правилам, т. е. в известном смысле логичны.

4

Ум есть способность мышления извлекать многое из немногого. (“Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять” — Дж.Бруно. Диалоги. М., 1949. С. 448).

¹ Во Введении к «Творческой эволюции» А. Бергсон, понимавший интеллект как рассудок, сравнил его с твердым телом: «Мы увидим, что человеческий интеллект чувствует себя привольно, пока имеет дело с неподвижными предметами, в частности, с твердыми телами, в которых наши действия находят себе точку опоры, а наш труд — свои орудия; что наши понятия сформировались по их образцу и наша логика есть, по преимуществу, логика твердых тел, Благодаря этому наш интеллект одерживает блистательные победы в области геометрии, где проявляется родство логической мысли с инертной материей и где интеллект, слегка соприкоснувшись с опытом, должен лишь следовать своему естественному движению, чтобы идти от открытия к открытию с уверенностью, что опыт сопровождает его и неизменно будет служить ему подтверждением.

Но отсюда также следует, что наша мысль в ее чисто логической форме неспособна представить себе истинную природу жизни, глубокое значение эволюционного движения.» (Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001., с.33.)

Напротив, рассудок есть способность мышления извлекать немного из многого (из всей массы материала быстро находить то, что нужно). Это можно сравнить с таким бытовым примером. Если в жилой комнате много разных вещей и все они лежат в беспорядке, то очень трудно отыскать нужную вещь. И, наоборот, если вещи лежат в определенном порядке, то нужную вещь найти значительно легче. Так обстоит дело и с мышлением. Поскольку рассудок организует мыслительный материал, то благодаря ему из многого можно быстро извлечь то, что нужно в данный момент.

Если благодаря уму человек может довольствоваться малым, тем, что есть, — то благодаря рассудку он умело ориентируется в океане знания, мыслительного материала.

Известный афоризм Гераклита гласит: многознание уму не научает. Если сопоставить афоризм с тем, что было сказано об уме и рассудке, то можно увидеть, что в нем неявно проводится разграничение этих двух способов мышления. Рассудок зиждется на многознании. Умом же человек может обладать вопреки многознанию, эрудиции. Особенность ума и состоит в том, что он проявляет свою силу наиболее полно как раз в тех случаях, когда мало знаний, не хватает информации.

Умным мы называем не того, кто много знает, а того, кто до всего (или, во всяком случае, до многого) доходит своим умом¹. Рассудок же необходимо предполагает эрудицию, многознание. Без этого он не может командовать мыслями, сдерживать их своевольное течение. Если знаний мало, то они свободно плавают в океане мышления, не поддаваясь, так сказать, кристаллизации, упорядочиванию. Если же знаний много, то им становится тесно; сталкиваясь, взаимодействуя, они постепенно образуют кристаллическую решетку мышления.

Рассудок и ум опираются на разные психические способности. Рассудок — на память; ум — на воображение. Это подметил еще Р. Декарт. Сопоставляя рассудок и ум

¹ Всякий своим умом живет. “Чужим умом жить — добра не нажить” — говорит пословица.

как дедукцию и интуицию, он писал: дедукция — ум памяти; интуиция — ум воображения.

5

Орудием деятельности ума является *интуиция*. Орудием деятельности рассудка — (*дедуктивная*) *логика*. А. Пуанкаре писал: “Одни прежде всего заняты логикой; читая их работы, думаешь, что они продвигались вперед шаг за шагом с методичностью Вобана, который готовит штурм крепости, ничего не оставляя на волю случая. Другие руководствуются интуицией и с первого удара добиваются побед, но иногда ненадежных, так же, как отчаянные кавалеристы авангарда”¹.

Если механизм интуиции лежит, по выражению А.Я. Пономарева, в сфере “интимно психологического”², то механизм логики лежит в сфере родового, общечеловеческого, исторического. Ум и рассудок, интуиция и логика так относятся друг к другу как неповторимое, индивидуальное и общее, родовое, повторяющееся, как случайное и необходимое, явление и закон.

Логическое рассуждение игнорирует случайности психического процесса. Более того, они — его враги. Напротив, интуитивная мысль возникает именно на гребне таких случайностей, аномалий. Нельзя, конечно, сказать, что интуитивная мысль всецело случайна, но ей все же присущ элемент случайности, чего не скажешь о логической мысли, необходимо (однозначно) вытекающей по строго определенным правилам из исходных посылок. Логическое мышление — мышление по правилам³. Интуитивное мышление — мышление без правил.

Ум — это гибкость мышления, своевольная игра мыслей. Рассудок — это жесткость мышления, упорядоченность мыслей, их строго направленное течение. В этом плане ум и рассудок, интуицию и логику можно рассмат-

¹ Цит. по: Ж.Адамар. Исследование психологического процесса изобретения в области математики. М., 1970, С. 101.

² См.: сб. “Научное творчество”, М., 1969. С. 310.

³ Правилами логического мышления являются так называемые законы логики: закон тождества, закон запрета противоречия, закон исключенного третьего... См. об этом ниже [«Основные правила логики»](#).

ривать как *случайностный* и *необходимостный* “механизмы” мышления. Поскольку разум соединяет то и другое, он — *свободное* мышление .

6

В рассудочной деятельности мышления заложена тенденция к *догматическому* пониманию действительности, к абсолютизации определенности, устойчивости, неизменности, к абсолютизации законосообразности, порядка. Напротив, в интуитивной деятельности мышления заложена возможность *релятивистского* понимания действительности, абсолютизации неопределенности, изменчивости, случайности, беспорядка.

Если интуиция и логика — совместимые противоположности, то рассудочность и алогизм — несовместимые противоположности, крайности. Рассудочность — абсолютизация логики; алогизм — абсолютизация интуиции.

Существуют различные типы человеческого мышления в зависимости от того, какая способность преобладает. Если преобладает рассудок, то это рассудочное, дискурсивное мышление. Если преобладает ум, то это — афористическое, фрагментарное, интуитивистское мышление². Если в мышлении одинаково сильны позиции ума и рассудка, то это — разумное, диалектическое мышление. Если в мышлении одинаково слабы позиции ума и рассудка, то это — эмпирическое, вероятностное мышление.

Можно привести примеры философов, для которых характерен какой-то один тип мышления. Например, в мышлении Спинозы, Лейбница, Х. Вольфа явно преобладала рассудочность¹, для Л. Фейербаха, Ф. Ницше или нашего Н.А. Бердяева³ характерно живое, интуитивно-

¹ В структуре мышления воспроизводится категориальная структура мира. Ум, рассудок, вероятностное мышление, разум — мыслительные «аналоги» случайности, необходимости, вероятности, свободы или явления, закона, статистической закономерности, сущности. Об этих категориях см.: Л.Е.Балашов. Мир глазами философа. М., 1997.

² Разновидностью такого мышления является мистическое мышление (умонастроение).

³ Последний в своей автобиографии “Самопознание” прямо указывает на это: “мое мышление интуитивное и афористиче-

афористическое мышление. Философами-эмпириками рационалистического толка были Гоббс, Локк. Философами-эмпириками иррационалистического толка — Беркли, Юм.

Удивительным примером человека, у которого интуитивный ум явно преобладал над рассудком, был наш император Павел I. Князь А. Чарторыйский писал о нем:

«Император Павел правил вспышками, скачками, порывами, без всякой связи, не смущаясь совершенно последствиями; правил, как человек, который не дает себе никогда труда размыслить, взвесить все за и против, который приказывает и требует немедленного исполнения всякой фантазии, приходящей ему на ум. Его царствование стало, в конце концов, царствованием настоящего террора. Его ненавидели даже за его добрые качества — потому что, в сущности, он желал справедливости, если только не забывал о ней в минуты своих вспышек, и порой его кары поражали тех, кто их действительно заслуживал (...) Но эта справедливость императора совершенно слепая, поражала без разбору; всегда пристрастная, часто капризная и жестокая, она беспрестанно висела над головами генералов, офицеров армии, гражданских чиновников и заставляла их втайне ненавидеть человека, перед которым они застывали от ужаса и который держал их в вечной неизвестности относительно их участи»¹.

7

Рационализм и иррационализм — это рассудочность и алогизм, возведенные в ранг философской концепции или сознательно принятые в качестве методологических установок, парадигм.

Эмпиризм — абсолютизация промежуточной способности мышления, вероятностного подхода, опыта².

ское, в нем нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать” (стр. 92).

Мемуары князя Адама Чарторыйского, т. 1, с. 221. Цит. по: В. Коровин. Поэт и мудрец. Книга об Иване Крылове. М., 1996. С. 194-195.

² Вот как говорит об этой абсолютизации Б. Рассел: “Эти две части (юмовской — Л.Б.) доктрины можно изложить следующим образом: 1) в причинности нет неопределяемого отношения, за исключением совпадения или последовательности; 2) индукция через перечисление не является действительной формой доказательства. Эмпиристы в общем принимали первый из этих тезисов и отвергали второй. Когда я говорю, что они отвергали второй, я имею в виду, что они верили, что при достаточно большом количестве примеров совпадений вероятность обнару-

Рационалисты склонны к порядку, любят его и абсолютизируют его. Соответственно они абсолютизируют знание, всё непознанное пытаются истолковать с позиций познанного, наличного знания.

Иррационалисты, наоборот, не любят обычный порядок вещей, склонны к беспорядку, готовы допустить все, что угодно. Иррационалисты — это любители парадоксов, загадок, мистики, и т.п. Они абсолютизируют незнание, сферу неизведанного, непознанного, тайну.

Различие между рационализмом и иррационализмом не только в их отношении к порядку и беспорядку. Слово “рационализм” происходит от французского “rationalisme”, которое в свою очередь происходит от латинского “rationalis”, а последнее от латинского же “ratio”. Одно из основных значений слова “ratio” — разум. Соответственно рационализм часто понимают как концепцию, утверждающую верховенство разума, мышления в жизни человека. А иррационализм методом от противного рассматривается как концепция, отвергающая верховенство разума-мышления в жизни человека. Кто же прав?

Кажется очевидным непререкаемый авторитет разума¹ и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т.д. и т.п.

В том, что разум управляет человеком, его поведением, есть *противоречие*. С одной стороны понятно, что в разуме сосредоточены основные нити управления человеческим поведением. Но, с другой, как может “часть” (а разум лишь “часть” человека, пусть главная, но всё же “часть”) управлять, “вертеть” целым?

Да, действительно, разум лишь “часть”, но такая, которая делает целое целым. Разум — интегральное “свойство”

жения совпадения в следующем примере будет больше половины, или если они не придерживались в точности этого, то выдвигали какую-то теорию, имеющую те же следствия.” — Рассел Б. История западной философии. Т. 2, Новосибирск, 1994. С. 166.

¹ Здесь и далее в п. 6 слово “разум” употребляется в значении “мышление вообще”.

человека, делающее его целым, т.е. он в известном смысле и часть, и целое, является связующим звеном между “частями” человека и человеком как целым.

Рационалисты любят декартовское “я мыслю, следовательно, существую”. Иррационалистам ближе шекспировские слова: “есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам”.

Рационалисты акцентируют внимание на верховенстве разума, а иррационалисты — на его ограниченности, на том, что разум меньше самого человека, меньше жизни, и поэтому не может быть верховным руководителем жизни. И те и другие правы по-своему. Истина, как всегда, где-то посередине. Человек, с одной стороны, старается руководствоваться в своем поведении доводами разума, а, с другой, ведет себя порой как существо *вне*разумное, лишенное разума, а то и просто безумное, как чувствующее¹, наслаждающееся или страдающее, как волящее или безвольное и т.д.

(В скобках заметим: гуманизм не приемлет крайностей рационализма и иррационализма. Рационализм, как мы уже говорили, склонен абсолютизировать порядок; для него порядок может быть выше человека. Иррационализм, напротив, — в форме мистики, полумистики, любви к паранормальному и аномальному — склонен к анархии, пренебрежительно относится к порядку, и, в конечном счете, к ценностям нормальной человеческой жизни.

И пренебрежение разумом, и ориентация только на разум нечеловечны, а то и бесчеловечны.)

Можно различать **умеренный** и **крайний рационализм**, **умеренный** и **крайний иррационализм**.

Умеренный рационализм достаточно самокритично относится к себе (пример: критический рационализм К. Поппера), отвергает чисто рассудочный, чисто логический подход к оценке явлений мира.

Крайний рационализм рассудочен, до омерзения логичен, расчетлив как вычислительная машина, выступает в таких мировоззренческих установках как лапласовский детерминизм, механицизм, технократизм, техницизм.

¹ Некоторые люди на полном серьезе утверждают, что они живут чувствами, а не разумом. Так порой говорят женщины.

Умеренный иррационализм делает упор на эмоциональность, неповторимость, индивидуальность, пренебрежительно относится к логике, любит парадоксы и загадки (пример: философия С.Кьеркегора, экзистенциализм). Он абсолютизирует плюрализм. В искусстве выступает в форме абсурдизма, сюрреализма...

Крайний иррационализм обычно выступает в форме мистицизма. Для него всё тайна, всё чудо, возможно любое нарушение естественного порядка вещей (законов, правил, естественного течения жизни и т. п.).

Теперь об *эмпиризме*. Почему он занимает промежуточное положение между рационализмом и иррационализмом? Это видно из следующего.

Первое. Ясно, что между рационализмом и иррационализмом более глубокое различие, чем между рационализмом и эмпиризмом. И если располагать указанные философские-методологические позиции-установки в один ряд, то рационализм и иррационализм будут крайними членами этого ряда, а эмпиризм — средним членом.

Второе. На промежуточный характер эмпиризма указывает и то, что он может тяготеть к рационализму, быть, так сказать, рационалистическим и к иррационализму, быть иррационалистическим.

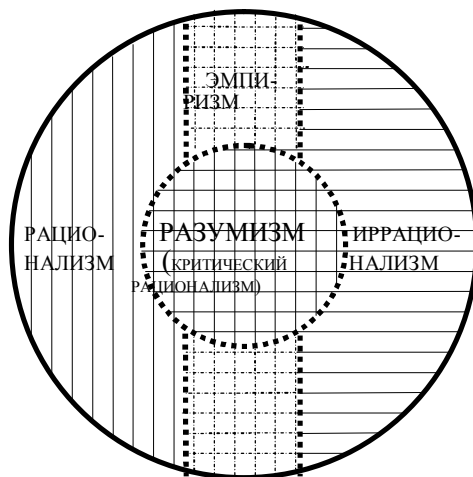
Третье. Эмпирики отвергают крайности рационализма и иррационализма. Они не жалуют и рассудочную, дедуктивную логику, и интуицию, фантазию. Вспомним, как Ф. Бэкон, эмпирически ориентированный философ, выступал против дедуктивной логики Аристотеля. Органону Аристотеля он противопоставил свой “Новый Органон”, в котором пытался обосновать универсальное значение индукции как научного метода. С другой стороны, эмпирики не жалуют интуицию (догадку, воображение, фантазию) и выступают против мистицизма.

Вообще эмпирики слишком скромно оценивают человеческое мышление и разум, в частности. Эмпирики-сенсуалисты, например, отдают предпочтение чувственному опыту. Их наиболее яркий представитель — Д. Локк — утверждал: “Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах”. Вдумайтесь в эти слова: какое, в сущности,

уничтожение разума! (Зачем тогда разум, если в нем нет ничего, чего не было бы в чувствах?)

Такая скромная оценка мышления и разума вполне корреспондируется с вероятностным характером эмпирического мышления. Ведь на основе опыта можно получить только вероятные выводы. В этом случае нет места ни дедукции, ни интуиции. А где нет дедукции и интуиции, там нет и Разума как высшей способности мышления, объединяющей то и другое. Да и о мышлении в целом приходится говорить как о некоторой условности, как о каком-то непонятном доведении к чувственности. В самом деле, что такое мышление без Разума, т. е. без Силы и Глубины?! Да и вообще, возможно ли мышление без взаимодействия (в широком смысле) логики и интуиции?!

Ниже приводится **схема соотношения рационализма, эмпиризма, иррационализма и “разумизма”**.

Как видим, она аналогична структурной схеме мышления. Это позволяет не просто говорить о различии или противоположности указанных подходов, а классифицировать их, уточнить их место и роль в человеческой культуре.

Из схемы можно видеть, что наиболее сбалансированная позиция — это позиция “разумизма”. Она охватывает все типы мышления (логику, интуицию, вероятностное

мышление) и избегает крайностей-односторонностей рационализма, иррационализма, эмпиризма. Мы вынуждены придумать для обозначения этой сбалансированной позиции новый термин — “разумизм”, поскольку не нашли ничего подходящего в существующем арсенале терминов.

Термин “рационализм” не подходит для обозначения указанной позиции, так как по-русски он может пониматься и как “разумизм”, и как “рассудизм”. Эта неопределенность в понимании термина создает постоянную опасность истолкования его в одностороннем смысле (как “рассудизм”). Это — во-первых. Во-вторых, односторонность рационализма как бы продуцируется-задается фактом существования противоположной позиции — иррационализма. Спор между рационализмом и иррационализмом — это, в сущности, ситуация позиционного конфликта, как в суде: между обвинением и защитой. Соответственно, как и в суде, должен быть верховный арбитр между рационализмом и иррационализмом. Им не может быть рационализм, поскольку он сам — одна из спорящих сторон.

(К. Поппер попытался преодолеть односторонность рационализма и иррационализма в концепции *критического рационализма* и это получилось у него в общем-то неплохо. Неудачно только название концепции. Критический, да еще рационализм! Поппер не учел того, что выражение “критический рационализм” довольно-таки неопределенно, допускает разные толкования, не только то, которое он дал. Например, “критический рационализм” можно понимать как признание критики главенствующим способом мышления. Или его можно понимать как рационализм, критикующий всё, что не является рационализмом. И т. д., и т. п.)

8

В пользу того, что *разум соединяет противоположные способности мышления*, говорит такой факт. Различные философы, в зависимости от склонности к тому или иному типу мышления, то сближают разум с рассудком (благо, есть термин, который одинаково применим к тому и другому: *ratio*, рациональное, рационализм), логицируют его и противопоставляют интуиции, эмоциям, то сближают разум с интуитивным способом мышления и противопостав-

ляют логическому, рассудочному, дискурсивному мышлению.

9

Различие между Рассудком и Разумом проявляется в их отношении к чувствам, эмоциям. Если рассудок “спорит” с чувствами, действует помимо их и даже подавляет их, то разум стремится к гармонии, согласию с чувствами. Разум не подавляет чувства, а включает их в себя, управляет ими. Рассудку чувства не нужны, они даже мешают ему. Разум же опирается на чувства. Ведь существенным элементом разумного мышления является интуиция, а она невозможна без эмоций, без определенного эмоционального настроя. Разумное мышление — это творческое мышление и в качестве такого оно не может творить без вдохновения.

Об отношении ума, рассудка и разума к чувствам можно сказать еще так. Ум ближе других способностей мышления “стоит” к чувствам. Он “опалается” их огнем. И хотя по сравнению с чувствами ум холоден и трезв, по сравнению с рассудком он выглядит живым, пламенным. Рассудок наиболее удален от чувств и поэтому кажется ледяным, мертвым, сухим. Разум и близок к чувствам, и далек от них.

10

Положительные качества человеческого мышления распределяются неодинаково между различными способностями. Ум сообщает мышлению живость, свежесть, остроту, яркость, оригинальность. Рассудок сообщает мышлению ясность, прозрачность, определенность. Глубокомыслие — черта Разума.

УМ ЯРОК, РАССУДОК ЯСЕН, РАЗУМ ГЛУБОК.

Ум воспитывает остроумие и проницательность. Рассудок — отец благоразумия, рассудительности. Разум рождает мудрость.

Умный находит нужные решения с помощью интуиции, чутья, проницательности, смекалки.

Рассудительный находит нужные решения путем рассуждения, расчета, отмеривания, взвешивания «за» и «против». Рассудительный придерживается поговорки «семь раз отмерь, один — отрежь».

То же можно сказать о распределении *отрицательных качеств человеческого мышления*. Рассудочность, косность, догматизм, консерватизм свойственны тем, у кого преобладает рассудочная способность мышления. Напротив, безрассудство, парадоксальность, импульсивность, склонность к мистицизму свойственны тем, у кого преобладает интуитивная способность мышления.

11

Рассудок и ум — простые, нерелективирующие способности мышления. Они непосредственно направлены на предмет мышления, находящийся вне его. *Разум же — это рефлектирующая способность мышления*. Он в известном смысле, является мышлением о мышлении, метамышлением. Одним словом, разум направлен не только на предмет вне мышления, но и на само мышление.

Способность рефлексирования дает разуму большие преимущества перед умом и рассудком. Благодаря ей разум может отдавать себе отчет в том, что он делает, контролировать себя выбирать и проверять эффективность тех или иных мыслительных средств.

Разум — совесть мышления, судья в собственном стане. Он оценивает, какое средство использовать в той или иной ситуации, искать ли помощь у интуиции, довериться ей, или же руководствоваться логикой, расчетом.

В отличие от разума ум и рассудок безотчетны. Человек, живущий умом или рассудком, может думать о себе, давать отчет в своих действиях, но при этом он не задумывается над тем, *как* он думает, не анализирует ход своего мышления и т. д. и т. п.

Если ум и рассудок — непосредственные способности мышления, то разум — опосредованное мышление, т. е. его направленность на объект опосредуется направленностью на само мышление. Разум осмысливает весь ход размышления, как бы освещает его изнутри, высвечивает.

12

Ум, разум, рассудок по-разному относятся к связи *общего и частного*. Если в *рассудке* мы видим диктат общего над частным, а в *уме* — диктат частного над общим, то в *разуме* одинаково сильны позиции общего и частного.

Прав был И. Кант, утверждавший: “разум есть способность видеть связь общего с частным”. Рассудок выводит частное из общего, подгоняет, подводит частное под общее. Ум ищет общее в частном, основывает общее на частном. В рассудке частное опосредует общее:

(О — Ч — О)

В уме общее опосредует частное:

[Ч — О — Ч]

В разуме имеет место взаимоопосредствование частного и общего:

(О — [Ч — О] — Ч) .

Примерно о таком соотношении общего и частного (тождественного и различного) применительно к способностям мышления писал Т. Гоббс:

“Противоположная склонность обуславливается быстрым движением ума, (...) сопровождающимся стремлением сравнивать между собой представляющиеся нам предметы. При этом сравнении люди любят открывать неожиданное сходство между вещами, на первый взгляд не имеющими друг с другом никакого сходства. В способности к таким открытиям люди видят преимущество *фантазии*, порождающей те приятные подобия, метафоры и фигуры, которыми пользуются ораторы и поэты, для того чтобы сделать предметы приятными или неприятными, представить нам эти предметы в хорошем или дурном свете, смотря по тому, как им заблагорассудится. И в других случаях они путем сравнения неожиданно открывают иногда различия между вещами, которые на первый взгляд представляются тождественными.

При помощи этой способности люди достигают точного и совершенного знания. Наслаждение, которое вытекает отсюда, состоит в непрерывном обогащении ума новыми знаниями и в правильном различии времени, места и лиц, т.е. в тех актах, которые мы называем суждениями. Ибо суждение есть не что иное, как акт различения: под умом же мы подразумеваем сочетание воображения со способностью суждения”¹.

13

Человек, который обладает Разумом, т.е. может мыслить разумно, не всегда пользуется этой способностью. Он может пользоваться только рассудком или только умом, если, конечно, это оправдано ситуацией. Например, при решении простой вычислительной или логической задачи нет необходимости привлекать силы Разума; здесь вполне

¹ Гоббс Т. Соч. в 2-х т.т. Т. 1., М., 1989. С. 555-556.

можно обойтись логикой, расчетом. С другой стороны, когда требуется незамедлительное решение умственной задачи, некогда раздумывать, рассчитывать и разум не может проявить себя в должной мере, на помощь приходит интуиция, ум проявляет свою находчивость. Разум не отменяет другие способности мышления. Он является, образно говоря, тяжелой артиллерией мышления, с помощью которой сокрушают лишь наиболее мощные преграды.

14

С точки зрения рассмотренной структуры мышления эволюцию мышления отдельного человека можно представить следующим образом.

В детском возрасте гибкость мышления не знает границ; это скорее не гибкость, а разорванность, фрагментарность, почти полная бесформенность, неопределенность, направленность, хаотичность. В этом возрасте встречаются лишь отдельные островки направленного мышления. Чем ближе к зрелому возрасту, тем мышление человека все больше определяется, становится направленным, упорядоченным. Это происходит благодаря естественному развитию, накоплению информации, знаний и умений.

В зрелом возрасте мышление человека приобретает достаточную определенность, жесткость, но вместе с тем оно не утрачивает и своей гибкости. В этом возрасте гибкость и жесткость, ум и рассудок идут рядом, помогая друг другу, дополняя друг друга. Вот почему именно в этом возрасте мышление человека наиболее могуче и продуктивно.

Ближе к старости, к концу жизни мышление становится менее гибким, нарушается равновесие между гибкостью и жесткостью в сторону преобладания жесткости. Старик силен своим рассудком, многознанием, благоразумием, но он не способен вырабатывать новые идеи. Мышление старика — все более окостеневающее мышление.

15

Помимо мыслей, идей важное место в структуре мышления занимают **убеждения**. Они составляют верхний этаж мышления или, напротив, лежат в глубинах мышления, определяют самые основы мышления и поведения человека.

Если рассматривать убеждения как верхний этаж мышления, то здесь вырисовывается такая схема-иерархия:

Мыслей может быть много, очень много, бесчисленное количество. И большей частью они случайны. Идеи — важные, значимые для человека мысли. А вот убеждения — не просто идеи, а такие регулятивы мысли-поведения, которые настраивают человека на определенный лад-стиль жизни.

Убеждения, безусловно, относятся не вообще к мышлению, а к сфере Разума. Они — идеи и притом такие, которые определяют, конституируют жизнь человека.

Глава 2. Качества мышления

Смекалка, сметливость, сообразительность

Смекалка, сметливость, сообразительность — положительные качества ума.

Смекалка, сметливость — способность догадываться и соображать.

Сообразительность — способность быстро находить нужное решение, понятливость.

Пример сметливости: в кинофильме «Кутузов» солдат подарил главнокомандующему французскую подкову. Дело было поздней осенью 1812 г. Наши войска гнали французов к западной границе. М.И.Кутузов поинтересовался, в чем значение подарка. Солдат объяснил: французская под-

кова без шипов; следовательно, на обледенелой дороге французские лошади будут подскользываются, падать. У наших же лошадей подковы с шипами. Отсюда вывод: русские войска могут действовать смелее. М.И.Кутузов похвалил солдата за смекалку.

Понятливость — это когда человек адекватно воспринимает, схватывает то, что ему говорят или объясняют.

Проницательность

Проницательность — способность видеть за видимым невидимое, заглядывать в глубь явлений, угадывать за поверхностью явлений суть вещей.

Обычно проницательность нужна там, где имеет место несоответствие внешнего внутреннему. За внешним проницательный человек угадывает-видит другое, внутреннее.

«Неправ тот, — писал *Ф. Ларошфуко*, — кто считает, будто ум и проницательность — различные качества. Проницательность означает лишь особенную ясность ума; она добирается до сути вещей, отмечает все, что следует отметить и видит порою даже то, что кажется невидимым. Поэтому нужно признать, что все приписываемое проницательности, является лишь следствием ясности ума».

Неизвестный автор: «Чем более совершенно существо, тем больше выводов оно способно делать из тех сигналов мира, которые ему доставляют его органы чувств. Мы видим не глазами и слышим не ушами, а мозгами. Орел видит лучше человека — с высоты птичьего полета он способен заметить мушку на стволе ружья целящегося в него охотника, но при этом не может понять, что через секунду может покинуть лучший из миров. Гений видит то же самое, что видят все, но при этом думает по-другому, поэтому совершает открытие. Сигналы мира не всегда лежат на поверхности — требуется проницательность ума, чтобы их заметить. Чем более развито существо, тем больше сигналов мира оно замечает и более адекватно их интерпретирует».

Хитрость

Гегель говорил: “хитрость — слабость ума”¹. Это утверждение верно лишь отчасти. Человек порой вынужден

¹ Такое мнение не единственное для философа. Д. Локк, весьма далекий от Гегеля по менталитету, утверждал почти то же самое: «...хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как

хитрить, поскольку не знает иных способов решить проблему. Конечно, стремление везде и всюду хитрить, обманывать отнюдь не свидетельствует о большом уме хитрящего. Но в иных ситуациях применение хитрости существенно облегчает решение проблемы или даже является единственным способом ее решения. Военная хитрость — необходимая вещь. Она свидетельствует отнюдь не о слабости ума военачальников, а, напротив, об их умудрости. В хоккее спортсмены применяют много разных хитростей. Например, используют финт — обманное движение. То же в конкурентной борьбе... Одним словом, человек применяет хитрость там, где ему нужно кого-нибудь обмануть.

Хитрость — вполне положительное качество мышления. Слабостью ума она становится в тех случаях, когда используется как основная или единственная способность мышления.

Хитрость обычно применяют в тех случаях, когда один ум сталкивается с другим умом, человеческим или животным. Хитрость — это смекалка в конфронтационных отношениях с людьми и животными, смекалка, применяемая в ситуации обмана.

Когда человек постоянно хитрит в отношениях с другими людьми, это значит, что он находится с ними в состоянии конфронтации, противоборства, конфликта, вражды, войны. Здесь могут быть два объяснения: 1) человек вынуждается обстоятельствами к такому поведению (например, дитя по отношению к взрослым или женщина по отношению к мужчине или слабый человек по отношению к сильным и недобрым людям); 2) человек, настроенный на волну конфронтации с другими людьми либо из-за болезненной мнительности, либо из-за патологической злобности.

нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна...» — Локк Д. Педагог. соч., М., 1939. С. 169.

А еще у Ф. Искандера есть такая стихотворная шутка:

Хитрость

Этой темы коснемся слегка, / Человека понять нам поможет: /
Хитрость — развитый ум дурака, / Он иначе развиться не может.

Теперь хотелось бы обсудить вопрос, почему такие выдающиеся философы как Д. Локк и Гегель и такой замечательный писатель как Ф. Искандер оценивали хитрость столь уничижительно.

Думается, дело в том, что хитрость — специфическое качество ума, которое в случае его неумеренного или неправильного применения превращается в слабость ума. Она может навредить человеку. Не случайно порой говорят: сам себя перехитрил. Такого не скажешь, например, о смекалке (сметливости). Последняя во всех случаях хороша.

Хитрость — инструмент мышления, которым надо **уметь** пользоваться. Она как бритва: не умеешь пользоваться — порежешься. Вот почему некоторые философы и писатели склонны оценивать хитрость скорее отрицательно, чем положительно. С другой стороны, следует признать, что эти философы и писатели явно не додумали, увидев в хитрости лишь слабое подобие или неудачливую соперницу ума-мудрости.

Мудрость

Мудрость — высшая степень разумности, почти физическая мощь мышления.

“Разумность, — писал Николай Кузанский, — есть знание истины, чувство красоты и желание блага”. И в самом деле, в мудрости добро, красота и истина соединяются как в фокусе. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово “синергизм”. Она не является в отдельности, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

Для того чтобы быть мудрым, нужно две вещи: опыт и труд мысли.

Мудрый человек — здравомыслящий; он избегает крайностей. (П. Буаст: “Чтобы стать циником, нужно быть умным, чтобы хватило ума не стать им, нужно быть мудрым”)

Мудрый человек способен решать и решает большие задачи. (“Сильный телом одолеет одного, сильный мудростью одолеет многих”)

Мудрый человек впитывает в себя мудрость многих. (Вудберри: “Знанием может владеть ум ученого, но мудрость — это дыхание народа”)

Мудрый человек становится таковым лишь благодаря себе. (М. Монтень: “Если можно быть учеными чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью”. Л. Н. Толстой: “Для того, чтобы человеку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать”).

Мудрость — сплав личного опыта и коллективного разума людей.

Мудрый человек по-хорошему всеяден, любознателен и пытлив, извлекает пользу из всего. (Индийская мудрость: “Мудр человек, умеющий всюду найти достойное изучения и из каждой незначительной вещи извлечь полезный для себя урок”. Д. Рёскин: “Мудрый находит себе помощь во всем, потому, что его дар состоит в том, чтобы извлекать добро из всего”).

Мудрый человек — дальновидный, прозорливый. (Китайская мудрость: “мудрый человек не лечит болезни, а предотвращает их”).

Мудрость — воплощение глубины разума, притом бездонной. Правильно сказал Олджер: “Ученый человек — сосуд, мудрец — источник”.

Мудрость — соединение знания с благом (Эсхил: “Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны”. “Мудр — кто знает нужное, а не многое”).

Мудрость рождается в союзе знания и умения. Она не в том, чтобы владеть истиной, а в том, чтобы уметь находить истину. И не в том, чтобы уметь, а в том, чтобы знать, как научиться умению.

Мудрость не в знании самом по себе, а в том, чтобы уметь применять знание на деле, и не в умении самом по себе, а в том, чтобы принимать решения со знанием дела.

Мудрость — интегральное качество человеческого мышления, объединяющее способность логически мыслить и интуитивную способность.

Раздел 2. Рассудок (дедуктивная логика)

Глава 1. Рассудок и логика

Слово “рассудок” в естественном языке употребляется и в значении “дедуктивное мышление”, и в значении “вероятностное мышление”. В обоих случаях люди *рассуждают*, а поэтому мыслят *рассудком*. Мы предлагаем под деятельностью рассудка понимать только дедуктивное мышление, дедуктивную логику, поскольку именно дедукция является в наибольшей степени мышлением по правилам, *правильным* мышлением. А правильное, строго логическое мышление — идеал ясного рассудка, недвусмысленного, четкого рассуждения.

То же можно сказать о логике. Под ней понимают любое упорядоченное мышление (а в отдельных случаях и объективный порядок — когда говорят о логике вещей). Мыслительный же порядок бывает разный: больший или меньший, подобный порядку в кристаллическом теле или в жидкости, порядку в живом организме или в сообществе организмов. Соответственно, и логики строят разные: формальную и неформальную, дедуктивную и индуктивную или вероятностную, двужначную и многозначную, символическую или математическую и диалектическую, категориальную, органическую и т. д. Если использовать критерий “больше порядка, больше логики”, то названия логики заслуживает именно дедуктивное (силлогистическое) рассуждение. Мышление же индуктивное, вероятностное лишь отчасти является логичным и поэтому настоящему не заслуживает того, чтобы его именовали логическим.

Глава 2. Естественная логика и рефлексия (наука) логики

Итак, с терминами “рассудок” и “логика” мы определились. Орудием деятельности рассудка, как уже говорилось,

является логика. Эта логика действует в нашем мышлении большей частью автоматически, непринужденно-естественно, не осознается или полусознается. Ее можно назвать *естественной* логикой мышления. Начиная с Аристотеля люди стали *рефлексировать* по поводу этой логики, строить разные логики, которые в той или иной мере отображают естественную логику мышления.

Логика как *рефлексия* логики делится на традиционную или аристотелевскую и современную (символическую или математическую). Аристотелевская логика — это, по преимуществу, силлогистическая логика. По сравнению с современной она более проста и, следовательно, примитивна. Зато такая логика легче для понимания и доступна широкому кругу людей.

Глава 3. Дедукция, рассуждение

Роль, которую играет в науке дедукция, гораздо значительнее, чем предполагал Бэкон. Часто, когда нужно проверить гипотезу, происходит длительный дедуктивный процесс от гипотезы к некоторым последствиям, которые могут быть проверены наблюдениями. Обычно дедукция является математической, и в этом отношении Бэкон недооценивал важность математики в научных исследованиях.

Б. Рассел¹

Рассуждение — это половина спасения.
(*Написано в старинной русской книге*)

Как мы уже говорили, логика — это прежде всего дедукция (выведение, по-русски).

Дедукция сама по себе есть нечто формальное и пустое; она имеет смысл лишь в общем контексте мышления и человеческой деятельности вообще.

¹ Рассел Б. История западной философии. Т. 2, Новосибирск, 1994. С. 56. Кстати, об этом же (и со знанием дела!) писал наш русский ученый Д. И. Менделеев. См. ниже цитату из его учебника «Основы химии».

Логическое мышление, деятельность рассудка, рассуждение — это, образно говоря, раскладывание по полочкам и пользование полочками. Хорошей иллюстрацией такого раскладывания и пользования является открытие и утверждение периодического закона. Вот что писал об этом Д. И. Менделеев: “Утверждение закона возможно только при помощи вывода из него следствий, без него невозможных и не ожидаемых, и оправдания тех следствий в опытной проверке. Поэтому-то, увидев периодический закон, я со своей стороны (1869-1871) вывел из него такие логические следствия, которые могли показать — верен или нет... Без такого способа испытания не может утвердиться ни один закон природы. Ни Шанкартуа, которому французы приписывают право на открытие периодического закона, ни Ньюлэндс, которого выставляют англичане, ни Л. Майер, которого цитировали как основателя периодического закона, не рисковали предугадывать свойства неоткрытых элементов, изменять “принятые веса атомов” и вообще считать периодический закон новым, строго поставленным законом природы, могущим охватывать еще доселе необобщенные факты, как это сделано мною с самого начала” (Менделеев Д. И. Основы химии. Т. 2, М., 1947. С. 389).

Сфера применения дедукции:

1) все формы деятельности, в которых используются правила, нормы, каноны и т.п. Яркий пример: нормотворческая (законодательная) и нормоприменительная деятельность в юридической практике;

2) все формы деятельности, в которой используется математика и производятся математические расчеты;

3) все формы деятельности, в которых производятся измерения.

Уже из этого неполного перечня форм деятельности можно сделать вывод, что дедукция используется практически во всех формах деятельности. Иными словами, никакая человеческая деятельность невозможна без дедуктивного мышления.

Одной из самых характерных сфер жизни, в которой дедуктивная логика действует по максимуму, является юриспруденция. Когда закон принят, то его соблюдение

основывается прежде всего на дедукции. (Например: “За такое-то воровство по закону полагается такое-то наказание. Иванов совершил это воровское деяние. Следовательно, ему полагается такое-то наказание”). Не случайно поэтому будущие юристы во всем мире изучают логику в *обязательном* порядке. Не случайна также популярность выражения: *Fiat justitia et pereat mundus* (“Да свершится правосудие и да погибнет мир” или “Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир”). Этот девиз принадлежит германскому императору Фердинанду I (1556-1564). Его истолковывают двояко: в положительном и критическо-ироническом смыслах. В первом случае мы имеем дело с абсолютизацией дедуктивной логики (шире: порядка вообще). Во втором — с нормальной реакцией здравомыслящих людей, понимающих ограниченность дедуктивной логики применительно к человеческой жизни. Различие между буквой и духом закона основано как раз на различии этих двух подходов к дедукции.

Итак, логическое мышление протекает в форме *рассуждения, деятельности Рассудка*. Положительная форма рассуждения — доказательство, обоснование тезиса. Отрицательная форма — критика, опровержение.

Рассуждение — это цепь умозаключений. Умозаключение — элементарная клеточка рассуждения.

Умозаключение, в свою очередь, состоит из суждений, а суждения — из понятий. Суждения и понятия могут полноценно “работать” как формы мысли лишь в составе умозаключения. Суждение вне умозаключения — всего лишь мнение. Понятие вне суждения — всего лишь представление.

Таким образом, в основе рассуждения лежат три логические формы мышления: понятие, суждение, умозаключение.

Понятие

Понятие — словесно оформленное представление о чем-либо или представление, выраженное в одном слове или словосочетании. “Иметь понятие о чем-либо” — почти то же, что “иметь представление о чем-либо”. Для образования понятия требуется труд мысли. Для образования

представления достаточно памяти и воображения. Понятие — это представление, пропущенное через горнило мышления и зафиксированное в одном слове или словосочетании.

Понятий вне суждений не существует, как не существует и суждений без понятий.

Понятие — элемент мысли (мышления) лишь в составе суждения. Вне суждения оно — всего лишь представление, даже если выражается в виде слова или словосочетания.

Суждение

Суждение — словесно оформленная мысль, элементарная клеточка умозаключения, связь понятий. Суждение вне умозаключения — всего лишь мнение.

Умозаключение

Умозаключение — форма мышления, посредством которой из одного или нескольких суждений выводится новое суждение.

Посылками умозаключения называются исходные суждения, из которых выводится новое суждение.

Заключением называется новое суждение, полученное логическим путем из посылок.

Вывод — логический переход от посылок к заключению.

Глава 4. Основные правила логики

В логике эти правила именуют законами. Их четыре:

Закон тождества — всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественной самой себе (**а** есть **а** или **а=а**).

Согласно этому закону каждая мысль в процессе данного рассуждения сохраняет одно и то же содержание, сколько бы она ни повторялась. Иными словами, закон требует определенности, то есть ясности и точности мысли. Он направлен против туманности, расплывчатости в мыслях, в рассуждениях, в аргументации.

В жизни мы нередко сталкиваемся с людьми, которые выражаются туманно, двусмысленно, перескакивают с одной мысли на другую. Именно о них говорят: «С ворон на-

чал, а на сорок перевел» или «Начал за здоровье, а кончил за упокой».

Закон тождества служит также основой взаимопонимания людей. Поговорка «Я ему про Фому, а он мне про Ерему» иллюстрирует как раз нарушение этого закона в человеческом общении.

Закон непротиворечия — два несовместимых друг с другом суждения не могут быть одновременно и в одном и том же отношении приемлемыми, правильными; по крайней мере одно из них неприемлемо, неправильно, ошибочно (— неправильно, что **a** и не-**a** или $\neg(p \wedge \neg p)$).

«Кто объявляет все истинным, тем самым делает истинным и утверждение, противоположное его собственному» — говорил Аристотель. Иллюстрация к этому: К судье пришли двое спорящих с просьбой рассудить их. Судья внимательно выслушал доводы истца и, когда тот кончил говорить, заявил ему: "Да, ты, безусловно, прав!" Тогда заговорил ответчик. Судья и его внимательно выслушал от начала и до конца, и потом сказал: "Ты совершенно прав!" Тут вмешалась жена судьи. "Как это может быть, чтобы оба спорящих были правы?" — спросила она с возмущением. Судья подумал и сказал ей: "Знаешь что? Ты тоже права."¹

Закон запрещает отвечать на один и тот же вопрос, в одно и то же время и в одном и том же смысле "да" и "нет". Он учит последовательности в рассуждении, помогает распознавать логические ошибки, уловки и софизмы. Вот два литературных примера:

В поэме Гоголя «Мертвые души» при покупке мертвых душ Чичиков говорит Собакевичу:

« — Вы, кажется, человек умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фу-фу. Что ж он стоит? Кому нужен?

— Да вот вы же покупаете, стало быть нужен.

Здесь Чичиков закусил губу и не нашелся, что отвечать.»

В романе И.С.Тургенева "Рудин" есть такой диалог Рудина и Пигасова:

¹ См.: Молла Насреддин. М., 1970. С. 64-65

« — Прекрасно! — промолвил Рудин. — Стало быть, по-вашему, убеждений нет?

— Нет и не существует.

— Это ваше убеждение?

— Да.

— Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно, на первый случай.

Все в комнате улыбнулись и переглянулись».

Закон исключенного третьего — два противоречащих суждения не могут быть вместе правильными, приемлемыми или неприемлемыми, неправильными: одно из них необходимо правильно; другое необходимо ошибочно (а есть либо **b**, либо не-**b** или $p \vee \neg p$).

Этот закон является основой важного метода доказательства, так называемого доказательства “от противного”.

Закон достаточного основания — всякая мысль признается правильной, если она имеет достаточное основание. Если есть **a**, то есть и его основание **b**.

Этот закон утверждает, что всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, правильность которых доказана практикой. Когда мы утверждаем что-то, то мы не должны делать это голословно, а обязаны обосновать наше утверждение, доказать его правильность. Закон требует обоснованности, доказательности, то есть связи любой мысли с действительными фактами, примерами из реальной жизни, а также с научно обоснованными законами, теоретическими положениями. Он предостерегает против необоснованных, декларативных суждений, “волевых” решений, слепого преклонения перед авторитетами.

Глава 5. Дедуктивное умозаключение

Дедуктивное умозаключение — умозаключение, в котором переход от общего к частному является логически необходимым.

Непосредственное умозаключение — дедуктивное умозаключение, в котором заключение выводится из одной посылки. Его видами являются превращение, обращение, противопоставление предикату, умозаключение по логическому квадрату.

Превращение — преобразование одного суждения в другое, противоположное по качеству с предикатом, противоречащим предикату исходного суждения. Заключение опирается на правило вывода: двойное отрицание равносильно утверждению ($\neg\neg p \equiv p$).

Обращение — преобразование суждения, в результате которого субъект исходного суждения становится предикатом, а предикат — субъектом заключения. Обращение подчиняется правилу распределенности терминов, согласно которому субъект распределен в общих суждениях, а предикат — в отрицательных.

Противопоставление предикату — преобразование суждения, в результате которого субъектом становится понятие, противоречащее предикату, а предикатом — субъект исходного суждения.

Силлогизм

Простой категорический силлогизм — опосредствованное умозаключение, заключение в котором получается из двух категорических суждений. Это умозаключение о связи двух крайних терминов на основании знания их связи со средним термином.

Аксиома силлогизма — все, что утверждается или отрицается относительно всех предметов некоторого класса, утверждается или отрицается относительно каждого предмета и любой части предметов этого класса.

Большое открытие маленького человека

Наиболее известный силлогизм гласит:

Все люди смертны

Сократ — человек

Следовательно, Сократ смертен

Этот силлогизм кажется взрослому человеку трюизмом, не дающим никакой информации, никакой пищи для размышления (Гегель говорил о нем: “Такое умозаключение

сразу же наводит скуку, как только его услышат”¹). Но представим ситуацию, когда маленький человек, ребенок, впервые делает для себя вывод, что он смертен *как и все* люди. Скорее всего ребенок впервые задумывается о смерти (что это такое), когда видит смерть близкого или знакомого человека и слышит разговоры по этому поводу. Он узнает, что люди, живущие рядом с ним, могут умереть. Следующий шаг в его познании: это когда он узнает от одного или, скорее всего, нескольких людей (сверстников или старших), что все люди рано или поздно умирают, т. е. смертны. И вот он примеряет эту страшную истину к себе: если он *как все* (человек), то, следовательно, рано или поздно умрет. Для маленького человека это большое открытие². С этого момента он начинает размышлять о своей жизни как таковой, о том, что она не так прочна, что она имеет свои границы. И не просто размышлять, а делать дальнейшие выводы, выводить практические следствия из факта своей смертности, наконец, менять поведение. Например, он выясняет, что умирать плохо, что после смерти он превратится в прах, в ничто. Далее, он выясняет, что может умереть в любой момент, если не будет, например, осмотрительным и осторожным (при обращении с огнем, на улице, на воде и т. д. и т. п.).

В итоге указанный выше силлогизм не только приводит ребенка к важному открытию, но и в конечном счете меняет его поведение³.

¹ Гегель. Наука логики. Т. 3, М., 1974. С. 112.

² В. А. Сухомлинский описывает мальчика, у которого мысль о неизбежности собственной смерти вызвала нервное потрясение: «никогда не забуду тихого сентябрьского утра, когда до начала уроков ко мне в сад пришел Костя (воспитанники мои учились тогда в восьмом классе). В глубоких, тревожных глазах парня я чувствовал какое-то горе. «Что случилось, Костя?» — спросил я. Он сел на скамью, вздохнул и спросил: «Как же это так? Через сто лет не будет никого — ни вас, ни меня, ни товарищей... все умрем. Как же это так? Почему?...»

³ Любопытную интерпретацию этого силлогизма дает Б. Рассел. Он пишет: “Мы согласимся, что, скажем, мистер Смит смертен, и мы свободно можем сказать, что знаем это, потому что мы знаем, что все люди смертны. Но в действительности мы знаем не то, что “все люди смертны”, а скорее что-то вроде: “все люди, рожденные более полутора года назад, — смертны, и

И так со всяким другим силлогизмом. Когда человек впервые умозаключает от общего к частному, он переживает это умозаключение как решение важной мыслительной и, в конечном счете, жизненной задачи.

Общие правила категорического силлогизма:

Правила терминов:

- 1) в силлогизме должно быть только три термина.
- 2) средний термин должен быть распределен хотя бы в одной из посылок.
- 3) термин, не распределенный в посылках, не может быть распределен и в заключении.

Правила посылок:

- 1) хотя бы одна из посылок должна быть утвердительным суждением.
- 2) если одна из посылок — отрицательное суждение, то и заключение должно быть отрицательным.
- 3) хотя бы одна из посылок должна быть общим суждением.
- 4) если одна из посылок — частное суждение, то и заключение должно быть частным.

Фигуры простого категорического силлогизма — это его разновидности, различающиеся положением среднего термина в посылке. В *первой* фигуре средний термин занимает место субъекта в большей и место предиката в меньшей посылке. Во *второй* фигуре — место предиката и в большей, и в меньшей посылках. В *третьей* фигуре — место субъекта в обеих посылках.

таковы же почти все люди, рожденные более ста лет назад”. Таково наше основание для того, чтобы думать, что мистер Смит умрет. Но это доказательство является индукцией, а не дедукцией.” (Рассел Б. История западной философии. Т. 1, Новосибирск, 1994. С. 199). Можно согласиться с тем, что некоторые люди именно так рассуждают, когда приходят к выводу о том, что они когда-то умрут. Такой индуктивный путь рассуждения возможен, но он отнюдь не исключает дедуктивного пути. Есть люди, которые любят ползать по фактам и мыслить пошагово, идти от частного к общему, а есть люди, которые любят из принимаемых на веру или условно допускаемых общих утверждений делать частные заключения. Каждому свое.

Чисто условное умозаключение — умозаключение, в котором обе посылки и заключение являются условными суждениями. Вывод в этом умозаключении основывается на правиле: следствие следствия есть следствие основания.

Условно-категорическое умозаключение — умозаключение, в котором одна из посылок — условное, а другая посылка и заключение — категорические суждения. Из четырех модусов этого умозаключения, исчерпывающих все возможные комбинации посылок, достоверные заключения дают два: утверждающий (*modus ponens*) и отрицающий (*modus tollens*). Они называются правильными модусами. Для них действует правило: утверждение основания ведет к утверждению следствия и отрицание следствия — к отрицанию основания. Два других модуса (от отрицания основания к отрицанию следствия и от утверждения следствия к утверждению основания) достоверных заключений не дают. Они называются неправильными модусами и подчиняются правилу: отрицание основания не ведет с необходимостью к отрицанию следствия и утверждение следствия не ведет с необходимостью к утверждению основания.

Разделительно-категорическое умозаключение — умозаключение, в котором одна из посылок — разделительное, а другая посылка и заключение — категорическое суждение. В утверждающе-отрицающем модусе (*modus ponendo tollens*) меньшая посылка (категорическое суждение) утверждает один из дизъюнктов, заключение отрицает другой (другие) дизъюнкты. Заключение достоверно, если соблюдается правило: большая посылка должна быть исключающе-разделительным суждением (суждением строгой дизъюнкции). В отрицающе-утверждающем модусе (*modus tollendo ponens*) меньшая посылка отрицает один (или несколько) из дизъюнктов, заключение утверждает оставшийся дизъюнкт. Заключение достоверно, если соблюдается правило: в большей посылке должны быть перечислены все возможные суждения — дизъюнкты, иначе говоря, большая посылка должна быть полным (закрытым) дизъюнктивным высказыванием.

Условно-разделительное умозаключение — умозаключение, в котором одна посылка условное, а другая — разделительное суждение.

Глава 6. Пределы дедуктивной логики

Дедукция — наиболее точный способ мышления и в то же время (по принципу “крайности сходятся”) наиболее уязвимый, шаткий. Отправным пунктом дедукции является общее утверждение, которое либо является достоверным, либо принимается на веру, либо условно допускается. В двух случаях из трех оно может быть ошибочным.

Раздел 3. Вероятностное мышление

Человеческое мышление носит большей частью вероятностный характер¹. Вероятностное мышление² занимает промежуточное положение между (дедуктивной) логикой и интуицией. Одним своим “концом” оно перетекает в дедуктивное мышление, другим — в интуитивное мышление.

Вероятностное мышление выражается, по крайней мере, в трех формах: умозаключений (неполной) индукции, умо-

¹ Примечательно такое высказывание Б. Рассела: У. Джеймс «говорит так, будто полная вера или неверие — это единственно возможные случаи, полностью игнорируя все оттенки сомнения. Предположим, например, что я ищу в шкафу книгу. Я думаю: «Она *может быть* в этом шкафу», — и продолжаю искать; но я не думаю: «Она *находится* в этом шкафу», — пока я ее не увижу.

Мы обычно действуем согласно гипотезам, но совсем не так, как мы бы действовали согласно тому, что считаем несомненным фактом. Ведь когда мы поступаем согласно гипотезам, то неустанно ищем новые доказательства.» — Б. Рассел. История западной философии. Новосибирск, 1994. Т. 2. С. 287.

² По К.К. Платонову термин «вероятностное мышление» ввел в 1945 г. психолог Б. М. Теплов (1896-1965). Означает «вид мышления, в структуру которого входят суждения о степени вероятности ожидаемых событий». — К.К. Платонов. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 17.

заклучений по аналогии и выводов от утверждения следствий к утверждению оснований.

Предположение

Главным действующим “лицом” вероятностного мышления является предположительная мысль или, короче, предположение. Последнее играет в вероятностном мышлении такую же роль, какую расчет или силлогизм — в дедуктивной логике, догадка — в интуитивном мышлении, идея — в разумном мышлении.

Предположение и догадка

Имеется определенная путаница в использовании слов “предположение” и “догадка”. Даже в толковых словарях их взаимоотношения определяют: догадку как предположение, а предположение как догадку. Действительно, и то и другое нуждается в проверке-подтверждении. Но: в правильности догадки человек уверен, не сомневается, а в правильности предположения он изначально неуверен.

Когда человек *делает предположение*, то он заранее (!) исходит из того, что предположение — только один из вариантов ответа-решения, что это *может быть*, может быть так, а может быть иначе. Когда же человек *догадывается*, то он поначалу воодушевлен, не сомневается в правильности догадки, считает, что найден правильный ответ, правильное решение, что это *так и не иначе*.

Сама конструкция слова “предположение” указывает на вероятностный характер суждения: пред—положение, т. е. то, что еще не полагается безусловно, однозначно, а выставляется как *могущее быть* положением (полагаться).

В догадке нечто утверждается или отрицается категорически, безусловно. Догадка для самого догадывающегося — не предположение, а нечто состоявшееся, найденное.

Предположение предвосхищает положение с той или иной степенью вероятности, а догадка предвосхищает результат как что-то уже найденное, категорически, без сомнения. Вспомним категорическое-радостное восклицание Архимеда “Эврика!” (“Нашел!”).

В догадке человек либо прав, либо неправ (ошибается), либо пан, либо пропал (третьего не дано!). Одним словом: “либо-либо”.

В предположении нет этого строгого “либо-либо”. Человек как бы вычисляет степень своей правоты, допускает, что прав лишь в какой-то степени, иными словами, допускает возможность ошибки. В предположении граница между правильностью и ошибочностью размыта, подвижна.

Еще одно существенное различие между предположением и догадкой: их отношение к эмоциям-чувствам. Предположение бесстрастно, безразлично к ним. Догадка же рождается, как правило, на гребне эмоционального возбуждения-подъема и затем создает положительный эмоциональный фон для последующих действий по ее реализации-утверждению. Догадка порой настолько воодушевляет человека, что на время он может стать невменяемым (тот же Архимед, по легенде, выскочил из ванны голым и с криком “Нашел!” побежал по улице своего города).

Умозаключения неполной индукции

В самом общем виде индукция есть умозаключение от частного к общему.

Иными словами, умозаключения, вывод в которых выходит за рамки объектов, о которых идет речь в посылках, называются индуктивными или просто индукцией (от латинского *inductio* — наведение).

Или: индуктивное умозаключение — умозаключение, в форме которого протекает эмпирическое обобщение, когда на основе повторяемости признака у предметов определенного класса заключают о его принадлежности всем предметам этого класса.

Полная индукция — умозаключение, в котором на основе повторяемости признака у каждого из предметов определенного класса заключают о принадлежности этого признака классу в целом.

Неполная индукция — умозаключение, в котором на основе повторяемости признака у некоторых предметов определенного класса заключают о принадлежности этого признака всему классу явлений.

Популярная индукция — обобщение, в котором перечислительным (энумеративным) путем устанавливают повторяемость признака у некоторых явлений класса, на основе чего проблематично заключают о его принадлежности всему классу явлений. Умозаключения популярной индукции строятся на основе повторяемости признаков при отсутствии противоречащего случая.

Научная индукция — умозаключение, в котором обобщение строится по принципу отбора необходимых и исключения (элиминации) случайных зависимостей между явлениями.

Ограниченность метода индукции

Б. Рассел писал: “Индуктивный метод Бэкона ошибочен из-за того, что он недостаточно подчеркивал значение гипотез. Он надеялся, что простое упорядочивание фактов сделало бы правильные гипотезы очевидными, но это редко случается. Как правило, формирование гипотез — это наиболее трудная часть научной работы и та ее часть, где необходимы большие способности. До сих пор не найдено ни одного метода, который бы сделал возможным изобретение гипотез по заранее установленным правилам. Обычно какая-нибудь гипотеза является необходимой предпосылкой для сбора фактов¹, так как для того, чтобы отобрать факты, требуется какой-то метод определения того, что факты имеют отношение к делу. Без этого простое умножение фактов сбивает с толку (...)

Проблема индукции через простое перечисление остается нерешенной и по сей день. Бэкон был совершенно прав, отвергая простое перечисление, когда это касается деталей научных исследований, так как в отношении деталей мы можем допустить общие законы, на базе которых, поскольку они принимаются как имеющие силу, можно построить более или менее убедительный метод. Джон Стюарт Милль сформулировал четыре правила индуктивного метода, которые могут успешно применяться, пока допускается существование закона причинности; но сам этот за-

¹ Сравн.: “Если не имеешь в голове идей, то не увидишь фактов” (И. П. Павлов).

кон, признавался он, в свою очередь должен допускаться только на основе индукции через простое перечисление. То, что достигается теоретическим аппаратом науки, — это сбор всех подчиненных индукций несколько всеобъемлющих, возможно только в одну. Такие всеобъемлющие индукции подтверждаются столь многими примерами, что, думается, законно принять в отношении их индукцию через перечисление. Это положение глубоко неудовлетворительно, но ни Бэкон, ни кто другой из его последователей не нашел из него выхода.”¹

Умозаключения по аналогии

Слово “аналогия” означает сходство, подобие в каком-либо отношении между разными предметами. Аналогия или аналогизирование носит характер универсальной мыслительной процедуры, в которой качественное отношение подобия выступает в самом общем виде. Она одинаково применяется в познавательной, практической, художественной деятельности, является мыслительным ядром во всех специальных формах, приемах и методах деятельности, связанных с использованием качественного уподобления объектов.

Аналогия имеет иерархический характер соответственно иерархии качественных уровней, как это мы наблюдаем в реальном мире. Может быть более общая и более глубокая аналогия, а может быть менее общая и менее глубокая аналогия.

Аналогизирование, являясь мыслительным процессом самого общего характера, может выступать и выступает в различных формах. Многие исследователи, например, подчеркивают важную роль аналогии в интуитивном мышлении. Но она является важным инструментом и логического мышления. Как логически осмысленный процесс она выступает либо в виде умозаключения по аналогии либо в еще более сложной форме — в виде метода аналогии. На свойствах аналогии основан метод моделирования.

¹ Рассел Б. История западной философии. Т. 2, Новосибирск, 1994. С. 56.

Умозаключение по аналогии — такое умозаключение, когда на основании сходства двух предметов в каком-либо отношении делается вывод об их сходстве в других отношениях.

Обычная схема умозаключения по аналогии:

предмет А обладает признаками a, b, c, d, e;
предмет В обладает признаками b, c, d, e;

Следовательно, предмет В, вероятно, обладает признаком a.

В этой схеме используется *аналогия признаков или свойств*.

Это только один из видов аналогии. Выявлено *более 50 форм умозаключений по аналогии*. Когда мы изучали силлогизмы, то пользовались кругами Эйлера, на которых воспроизводили отношение между терминами силлогизма. Таким образом, создавалась модель, исследуя которую мы находили отношение следования (или его отсутствие), которое затем переносилось на прототип.

Приведенный пример относится к *анalogии отношений*. Такая аналогия играет большую роль в развитии техники. Уже древние инженеры использовали модели. На моделях испытываются гидростанции, корабли и многое другое. Пренебрежение моделями может дорого стоить. Один из наиболее ярких по своему трагизму примеров — история с английским военным кораблем “Кэптен”. Инженер Рид, исследуя модели, сделал вывод о том, что “Кэптен” будет плохо держаться на воде и может затонуть во время шторма. Адмиралы ему не поверили. “Кэптен” погиб и с ним погибло 533 моряка. В Лондоне установлена мемориальная доска с “вечным порицанием невежественному упрямству лордов Адмиралтейства”.

Примерами аналогии, применяемой в экономических теориях, является разные уподобления роли государства в экономической жизни общества. В концепции активного воздействия государства на экономическую жизнь государство уподобляют дирижеру или интервенту (дирижизм, интервенционизм). В концепции классического либерализма государство уподобляют ночному сторожу; его

функции — охрана спокойствия и имущества граждан. Для неолибералов государство — футбольный судья, выходящий на поле не для того, чтобы самому играть или диктовать игрокам, куда бежать и куда бить, а чтобы гарантировать соблюдение игроками всех правил игры.

ЗаклЮчения, полученные в выводах по аналогии, бывают неодинаковыми по своей обоснованности: в одних случаях они могут претендовать на достоверность, в других — носить проблематичный характер, в третьих — давать ложное заключение. Соответственно, различают строгую, нестрогую и ложную аналогию.

Строгая аналогия отличается от нестрогой наличием необходимой связи сходных признаков с переносимым признаком. Эта связь может быть трех видов. В случае *логической связи* из утверждения о наличии у объекта некоторых признаков логически выводится утверждение о наличии у него дополнительного признака. В случае *теоретической связи* из утверждения о наличии у объекта некоторых признаков утверждение о наличии у него дополнительного признака выводится на основании принятия (или учета) законов некоторой теории. В случае *фактической связи* наличие связи устанавливается опытным путем.

Схема строгой аналогии:

Предмет А обладает признаками а, b, с, d, e.

Предмет В обладает признаками а, b, с, d.

Из совокупности признаков а, b, с, d необходимо следует e.

Предмет В обязательно обладает признаком e.

Как видим, структура строгой аналогии подобна структуре правила *modus ponens* условно-категорического умозаключения:

$$(a \wedge b \wedge c \wedge d) \rightarrow e; (a \wedge b \wedge c \wedge d)$$

Следовательно, e

Строгая аналогия дает достоверный вывод. Она применяется в математических доказательствах, научных исследованиях и проектных работах — особенно при использовании метода моделирования.

Нестрогая аналогия дает лишь вероятное заключение. Одну из ее схем мы приводили выше, на стр. [49](#).

Примером нестрогой аналогии может служить аналогия симптомов экономического кризиса в разных странах. Исходя из сходства симптомов кризиса финансисты и предприниматели делают вероятные заключения.

Условия правомерности умозаключений по аналогии

Для повышения вероятности этих умозаключений нужно соблюдать следующие правила.

1. *Должно быть установлено как можно больше признаков, общих прототипу и модели.*

2. *Необходимо, чтобы признаки, общность которых сравниваемым предметам дана в посылках, максимально отличались друг от друга, были возможно более разнообразными.*

3. *Необходимо, чтобы признаки, общность которых сравниваемым предметам установлена в посылках, были возможно более типичными признаками этих предметов.* Это означает, что они должны быть как можно теснее связанными с другими признаками прототипа и модели.

4. *Необходимо, чтобы признаки, общность которых модели и прототипу известна, и признаки, переносимые с модели на прототип, были как можно более однотипными.* В самом деле, чем больше отличаются друг от друга признаки, о которых идет речь, тем шире по объему должно быть охватывающее их понятие. Это значит, что сходство признаков, необходимое в умозаключении по аналогии, должно распространяться на больший круг объектов, что снижает вероятность умозаключения по аналогии.

5. *Переносимый признак должен распространяться на возможно больший круг предметов.* Иными словами, он не должен быть специфичным для того или иного предмета.

6. *Сопоставляемые друг с другом признаки сравниваемых предметов должны быть точечными или приблизительно равными по интенсивности.*

Ложная аналогия. При нарушении правил построения аналогия может дать ложное заключение. Ложные анало-

гии иногда делают умышленно, с целью ввести человека в заблуждение и тогда они являются софистическим приемом, в других случаях они делаются случайно, в результате незнания правил построения аналогий или недостатка фактических знаний относительно сравниваемых предметов. Яркий пример ложной аналогии: сторонники вульгарного материализма в XIX веке, проводя аналогию между печенью и мозгом, утверждали, что мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь. Еще пример ложной аналогии: уподобление государства организму; в этом случае отдельный человек рассматривается не как субъект, а по принадлежности, как ничтожная частичка, принадлежащая к той или иной части (слою, классу) государства-общества.

Выводы от утверждения следствий

В случае дедуктивных умозаключений вывод от утверждения следствия к утверждению основания рассматривается как грубая логическая ошибка. Это действительно логическая ошибка, поскольку истинность основания не вытекает из истинности следствия. Однако не менее грубой логической ошибкой являются и выводы, получаемые с помощью неполной индукции через перечисление. Но во многих случаях вынуждены их применять, стараясь компенсировать дефекты умозаключения количеством фактов и применением метода их отбора. То же самое можно сказать и о выводе от утверждения следствия.

Выдвигая ту или иную гипотезу, нам порой ничего не остается, как находить следствия из гипотезы и проверять их¹.

¹ См.: А.И. Уемов. Основы практической логики с задачами и упражнениями. С. 280-282.

См. также интересный материал у В.А.Штоффа “Введение в методологию научного познания”, раздел “Гипотеза”.

Раздел 4. Ум (интуиция)

Эскадрон моих мыслей шальных,
Ни решёток ему, ни преград.
Удержать не могу я лихих скакунов —
Пусть летят, пусть летят.
Мои мысли — мои скакуны,
Вас пришпоривать нету нужды,
Вы аллюром несётесь
И не признаёте узды.
 Мои мысли — мои скакуны,
 Словно искры зажгут эту ночь.
 Обгоняет безумие ветров хмельных
 Эскадрон моих мыслей шальных.
Никому меня не удержать,
Мои мысли умчат меня вдаль.
Может быть, я обратно уже не вернусь,
Как ни жаль, как ни жаль.
Эх, залётные мысли мои...

Олег Газманов (из песни)

Чутье, наитие, умонастроение, догадка

Чутье в одном из основных значений — способность угадывать, догадываться. В сущности, чутье — русский эквивалент интуиции.

(См.: Словарь синонимов. Справочное пособие. М., 1975. С. 638. “**ЧУТЬЕ** (подсознательное чувство, дающее возможность понять, заметить, обнаружить что-л.), **ИНТУИЦИЯ** Чутье, интуиция опытного инженера и талантливого ученого подсказывали ему, что он не ошибся (Алянский), **ИНСТИНКТ** Повинуясь какому-то особому охотничьему инстинкту, я начал сворачивать направо (Г. Линьков), **НЮХ** *разг.* — Я нюхом чувствовал опасность (Вершигора).”)

Наитие¹ — почти тоже, что и чутье, состояние вдохновенной мысли, умственного вдохновения. — *По наитию* — рождение мысли в результате вдохновения ума.

Умонастроение — своеобразный сплав мысли и чувства, буквально: ума и настроения². Настрой ума — некоторая предрасположенность ума к тому или иному направлению-течению мыслей.

Догадка — интуитивная мысль, иными словами, мысль, рожденная интуицией. Догадка относится к чутью (интуиции) так же, как отдельная мысль к мышлению в целом или акт, действие к способности, действительное к возможному.

Что нужно для развития чутья, интуиции?

1. Набираться опыта как можно больше: жизненного — для развития интуиции вообще, и специального (в частной, избранной деятельности) — для развития специальной (профессиональной и иной специфической) интуиции.

2. Быть по возможности всеядным, интересоваться всем. Богатство опыта, жизненных наблюдений и впечатлений — основа хорошей интуиции.

В самом деле, в интуиции важен момент связывания самых различных предметов, кажущихся на первый взгляд

¹ **Наитие** (книжн.) — Внезапно пришедшая мысль, вдохновение. *По наитию* (по внезапной догадке, подсознательно).” — С. И. Ожегов. Словарь русского языка

² “**НАСТРОЕНИЕ** — сравнительно продолжительные, устойчивые психические состояния умеренной или слабой интенсивности, проявляющиеся в качестве положительного или отрицательного эмоционального фона психической жизни индивида. В отличие от ситуативных эмоций и аффектов, Н. является эмоциональной реакцией не на непосредственные последствия тех или иных событий, а на их значение для человека в контексте его общих жизненных планов, интересов и ожиданий. Сформировавшиеся Н., в свою очередь, способны влиять на непосредственные эмоциональные реакции по поводу происходящих событий, меняя соответственно направление мыслей, восприятие и поведение человека...” “Настроение общественное — преобладающее состояние чувств и умов тех или иных социальных групп в определенный период времени...” — Психологический словарь. М., 1985. С. 200.

совершенно чуждыми друг другу. Это связывание тем более вероятно, чем *многообразнее, богаче* опыт человека.

3. Развивать в себе эмоциональное начало (через любовь, искусство, спортивные и иные игры).

Хороший эмоциональный фон (неравнодушие, страстность) служит питательной средой или играет провоцирующую роль в возникновении *вдохновения*. А без вдохновения невозможно рождение интуитивной мысли. С.В. Рахманинов, например, говорил, что на его творчество влияет “любовь — никогда не ослабевающий источник вдохновения. Она вдохновляет как ничто другое. Любовь становится стимулом для расцвета интеллектуальной энергии”¹.

4. Развивать невербальное, картинное, образное мышление. Картины и образы позволяют охватить одним разом (единым взором) много разных вещей. Это охватывание-схватывание — хорошая питательная среда интуиции.

5. Развивать воображение, способность к фантазии. Декарт говорил: “интуиция — ум воображения”. Точно сказано! Без развитого воображения не может быть развитой интуиции.

6. Развивать способность мечтать, строить планы. Бескрылый человек не способен творить, открывать или создавать новое.

Мечта задает вектор поиска, подталкивает к поиску, подогревает вновь возникшую мысль, в целом создает положительный эмоциональный фон для возникновения мысли и ее последующего утверждения. Д. И. Писарев отмечал: “Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руководством, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...”²

¹ См.: Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 1, М., 1978. С. 94-95.

² Писарев Д. И. Избр. соч. Т. 2, М., 1955. С. 124-125.

7. Развивать дерзость (в хорошем смысле слова), не бояться идти на риск. Дерзание, смелость — необходимое условие интуиции. Человек, боящийся вступить в область неизведанного, не может рассчитывать на развитую интуицию. Гете справедливо говорил: "В каждом художнике заложен росток дерзновения, без которого немислим ни один талант".

Ограниченность и абсолютизация интуиции

Интуиция — великая вещь, но без союза с логикой она беспомощна и даже вредна, превращается в легкомыслие и/или мистицизм. «Фантазия, лишённая разума, производит чудовищ; соединённая с ним, она — мать искусства и источник его чудес», — говорил Ф. Гойя.

В известной степени абсолютизацией интуиции является характерное для определенной части философов прошлого понимание ее как способности непосредственного постижения истины без предварительного логического рассуждения¹. На самом деле интуиция не может дать готовое знание или готовую идею. Она в лучшем случае *ведет* к знанию или к идее, но не более. Дело в том, что интуиция не имеет доказательной силы и, кроме того, далеко не всегда "попадает в точку". Мысли, возникшие интуитивным путем, могут быть как истинными, так и ложными, как ценными, так и бесполезными. Поэтому, чтобы узнать, какие из них истинные (ценные), а какие ложные (бесполезные), нужно выйти за пределы интуитивного мышления и подвергнуть их логическому или эмпирическому/практическому испытанию или тому и другому вместе.

Интуицию можно принимать лишь постольку, поскольку она является источником новых мыслей; большего от нее ждать нельзя. Очень убедительно об этом сказал М. Бунге².

¹ См.: "Интуиция — "способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства" — Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.216.

² См.: М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967. Раздел "Интуиция — недоверенный зачаток мысли".

Другим примером абсолютизации интуиции являются попытки поставить ее выше логики. Академик Б.В.Раушенбах, например, сказал буквально следующее: «Спасти мир может только внелогическое. Оно выше логического». (Из фильма, посвященного этому академику и показанного по телеканалу «Культура»).

Мистицизм, мистическое умонастроение

От понимания интуиции как способности непосредственного постижения истины один шаг к мистическому умонастроению. Питательная почва последнего — это когда человек полагается только на интуицию, т. е. на воображение и чувство и не считается ни с какими доводами рассудка или разума.

Могут спросить: а что тут плохого? Разве мистика — плохо? Резонный вопрос. Артисты, музыканты, художники, писатели и представители некоторых других профессий употребляют порой слова "мистика", "мистический" в положительном смысле (как слова "наваждение", "экстаз", "вдохновение"...). Их можно понять. Они **играют**, в том числе словами. Эта игра не вполне серьезна и часто напоминает детскую забаву или хулиганские выходки подростков. К настоящей жизни она имеет лишь косвенное отношение, расположена как бы по касательной. (Все прекрасно понимают, что в искусстве всё понарошку, в отличие от жизни, где всё взаправду. Искусство есть искусство, а жизнь есть жизнь.)

Однако то, что для художника имеет лишь значение игры, для верующего или мистически настроенного имеет вполне реальный смысл (грозный, чудесный, роковой, фатальный и т. п.).

Мистика как *мистическое умонастроение*, как *мистицизм* — это уже серьезно, это род умственной болезни. В таком виде она не забава и не предмет игры, а нечто *противоречащее разуму и разумному*.

Мистика (от греч. mystikos — таинственный) — стремление к таинственному или боязнь таинственного, страх перед таинственным. Таинственное, таинственность, таинство — все эти слова происходят от слова "тайна". Они так или иначе абсолютизируют тайну. Последняя

— то, что мы не знаем, но предполагаем, что оно может оказывать влияние на нас.

Сама по себе тайна не содержит в себе ничего мистического. Очень много тайн люди хранят друг от друга. Известны такие виды тайн как военная, государственная, коммерческая, тайна вкладов, тайна исповеди, любовная тайна. В принципе, у каждого человека есть свои тайны, которые он хранит от других.

Вот как поэтически писал о тайнах Е. Евтушенко:

...Были тайнами — Тони, Тани,
даже с цыпками на ногах.
Были тайнами звезды, звери,
под осинами стайки опят,
и скрипели таинственно двери —
только в детстве так двери скрипят...
Мы таинственно что-то шептали
на таинственном льду катка,
и пугливо, как тайна к тайне,
прикасалась к руке рука...
Но пришла неожиданно взрослость...
Нетайнственно мы грустим.
Нетайнственны нам другие,
да и мы нетайнственны им.
Ну, а если рука случайно
прикасается, глядя слегка, это только рука, а не тайна,
понимаете — только рука!..

Тайна существует только в отношениях между людьми. Для нее нужны как минимум два субъекта. Один хранит тайну, а другой хотел бы раскрыть ее. Для тайны нужно, чтобы кто-то ее хранил и не просто хранил, но и охранял от кого-то. У природы нет тайн, так как она не субъект; она ничего не прячет и не охраняет. Приписывание тайны неодушевленным предметам или чему-то нечеловеческому — это уже мистика, мистическое умонастроение. Это приписывание является как раз результатом абсолютизации тайны, преувеличения ее роли в жизни человека. Преувеличенная тайна превращается в нечто таинственное, т. е. в такое, что нельзя раскрыть обычным, нормальным путем.

В основе мистического умонастроения — страх перед неизвестным или, напротив, желание чуда или надежда на него.

Своеобразную патографию мистического мышления дают авторы книги “Экспедиция в гениальность”. Вот что они пишут: “Известно, что особенность мистического мышления заключается в недостатке внимания. Между тем именно внимание вносит порядок в хаос явлений и группирует их так, что они уясняют нам мысль, преобладающую в уме наблюдателя, когда внимание отсутствует, мировая картина представляется наблюдателю однообразным сцеплением загадочных явлений, то возникающих, то исчезающих, ничего не говоря ни уму, ни сознанию. Необходимо постоянно иметь в виду этот основной факт душевной жизни. Возбуждаемость, достигающая патологического уровня, заставляет мистически ориентированного субъекта также делать выбор между явлениями, но руководствуется он при этом не сознательным вниманием, а влечениями бессознательной возбуждаемости. Он воспринимает только то, что согласуется с его настроением; наоборот, то, что не согласуется с его настроением, для него вообще не существует. (С. 265)

...мистическое мышление, мышление легко возбуждаемых натур, лишенных способности быть внимательными, позволяет им иногда схватить очень ясно тот или другой образ, находящийся в связи с их возбуждением, но не позволяет им уяснить себе разумную связь между отдельными образами именно потому, что необходимое для этого внимание у них отсутствует. (С. 296)” (Г.П. Колупаев и др. Экспедиция в гениальность. М., 1999).

Спрашивается, откуда возникает мистическое умонастроение? Всякая болезнь есть результат отклонения от нормы, некоторого нарушения меры. Мистическое умонастроение возникает как результат нарушения баланса между логикой и интуицией в сторону переоценки (преувеличения роли, абсолютизации) интуиции, интуитивного мышления.

* * *

Мистика, религия и политика. Передо мной листовка баркашовской организации "Русское национальное единство", попавшая ко мне через почтовый ящик в подъезде дома. Эта листовка имеет заголовок "ИНН — ПЕЧАТЬ

АНТИХРИСТА". Речь идет о вводимом сейчас в России идентификационном номере налогоплательщика (ИНН). По мнению авторов листовки любой штрих-код ИНН содержит число 666. "...суть дела — "число зверя— антихриста. О нем говорит Иоанн Богослов в Апокалипсисе: "Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число это шестьсот шестьдесят шесть" (Откровение Святого Иоанна Богослова, 13)." В сущности, в политических целях используется так называемая мистика чисел, да притом с ссылкой на Священное писание — Новый Завет. Во-первых, с большой натяжкой штрих-коду ИНН можно приписать число 666. Это надо иметь хорошее воображение и очень-очень избирательные память-внимание. Ведь между тремя двойными полосами, интерпретируемыми как три шестерки, всегда имеются другие цифры, в том числе шестерки. Реально показаны только цифры между тремя двойными полосками, которые в данном случае выполняют роль разделителей. Как можно полоски-разделители интерпретировать как число 666?! Во-вторых, допустим даже, что в штрих-коде просматривается число 666. И что из того? Как можно одно из миллионов-миллиардов разных чисел наделять каким-то качественным-содержательным смыслом?! Нет никакого разумного основания это делать. Да, действительно, некоторые числа, привязанные к каким-то качественным отношениям, могут иметь индивидуальную характеристику. Например, число π (пи — 3,14...) соответственно отношению окружности к диаметру круга. Или число, обозначающее атомный заряд химического элемента. Например, числу 66 соответствует атомный заряд химического элемента диспрозия. В этих и им подобных случаях числа получают путем научных изысканий: через измерения, эксперименты, наблюдения, теоретические расчеты, основывающиеся на открытых или вновь открываемых законах природы. Приписывание числу 666 свойств зверя-антихриста не основано ни на каких научных наблюдениях, экспериментах и теоретических расчетах. Это означает, что мы должны принимать на веру сказанное об этом числе древним автором Апокалипсиса (почти две тысячи лет тому назад!).

Кроме суеверного страха перед указанным числом такая слепая вера ничего не может породить.

* * *

Об использовании понятия "энергия" вне физической науки и ее практических приложений в технике. Основное значение слова "энергия" определяется его функционированием в физических формулах и законах. Его популярность обусловлена именно этим — достижениями физики и ее практических приложений в технике. Недобросовестные и/или наивные люди используют столь уважаемое физическое понятие энергии в разных других сферах: в медицине, в психологии, вообще во всем, что касается жизни человека. Они вольно или невольно эксплуатируют авторитет науки (в данном случае физики) для достижения своих целей. Они не понимают или не хотят понять, что использование слова или понятия "энергия" вне физики и ее практических приложений в технике автоматически меняет смысл этого слова-понятия, просто обесценивает его. Из точного научного термина "энергия" превращается в метафору, в слово, употребляемое в переносном значении. А употребляемое в метафорическом или переносном значении, оно становится расплывчатым, неопределенным. Им можно крутить-вертеть как угодно, наделять какими угодно дополнительными значениями... И сохранять при этом его легенду как научного понятия, как фундаментальной физической величины.

Основной порок всех употреблений слова "энергия" вне физики и техники (точнее, вне процедур измерения физической величины энергии) состоит в *редукционизме, в сведении высшего к низшему, сложного к простому*, а именно в том, что вольно или невольно все сложные, высшие явления жизни, психики, духовной сферы пытаются напрямую, непосредственно объяснить через понятие-явление неорганической природы, т.е. через нечто относительно простое, свойственное всей неорганической природе. Человек, жизнь, дух низводятся до явлений физического мира. Ведь с точки зрения физического понятия энергии человек не отличается от камня, луны, молекулы, атома, элементарной частицы...

Конечно, и живое в определенном смысле не чурается энергетических понятий. Есть биомеханика (механика движений и усилий живого), есть приход и расход калорий в обмене веществ, есть весьма сложная биотехнология выработки-утилизации химической, тепловой и механической энергии. Это всё так. Однако во всех этих случаях энергия вполне физична, измеряема, вычисляема.

А что же нам предлагают, когда говорят об энергетике, энергетическом вампиризме, психической энергии, биоэнергии... и при этом забывают об измерениях-вычислениях? Ведь без последних понятие энергии теряет всякий научный смысл, превращается в игрушку, в объект манипуляций для всяких шарлатанов и проходимцев.

Сейчас очень модно говорить об энергетическом вампиризме. Журналы и газеты пестрят сообщениями-рассказами об этом. На самом деле нет никакого энергетического вампиризма. Есть люди нормальные, порядочные, добрые — их подавляющее большинство. И есть люди злые, подлые, с отклонениями и разной патологией — их незначительное меньшинство. Сейчас нередко этих людей называют энергетическими вампирами. Обычную подлость и злобу мистифицируют. Наделяют некоторых злых или просто неприятных людей какими-то сверхъестественными качествами. Будто бы эти люди не по своей воле и сознанию действуют, а потому что они энергетические вампиры. Получается, с них снимают всякую ответственность за недобрые поступки. Они-де не вольны в своих воздействиях на окружающий мир.

Отсюда, кстати, и необычные способы борьбы с такими людьми: снятие порчи, сглаза и т.д. и т.п.

* * *

Суеверия. Своеобразным бытовым мистицизмом являются различного рода суеверия.

Суеверие — суетная, пустяковая, маленькая вера, верчушка, ближайшими причинами которой являются страх, надежда, невежество, глупость.

Страх и невежество вкупе с глупостью порождают суеверия, связанные с ожиданием дурного, худшего (дурные предчувствия, приметы, сны, предзнаменования).

Надежда, невежество и глупость, наоборот, порождают суеверия, связанные с ожиданием хорошего, лучшего (счастливые приметы, хорошие сны, гадания).

Суевериям больше подвержены женщины. Почему? Потому что они в целом более боязливы или, напротив, более восторженны по сравнению с мужчинами.

Суеверных людей много среди моряков, летчиков и артистов. Почему это так? Потому что представители этих профессий работают в условиях, связанных с большим риском. Чтобы как-то смягчить, нейтрализовать тревожные чувства они ищут опору в магических действиях (перекреститься, поплевать через левое плечо, постучать по твердому предмету и т. п.), предметах (талисманах и амулетах).

Правильно сказал один музыкант: «Достаточно проблем в жизни, чтобы быть еще суеверным».

* * *

О вере в судьбу. Слово "судьба" имеет два основных значения. Первое значение: жизнь в целом, прожитая жизнь, состоявшаяся жизнь, непростая (сложная, трудная) жизнь (см. кинофильм "Судьба человека"). Когда "*верят* в судьбу", то под словом "судьба" имеют в виду нечто иное, употребляют его в другом — втором — значении.

Второе значение: мифологический, полумифологический или просто суеверный образ будущего, возможности, в котором слиты наивные представления об объективном характере случайности и необходимости. В одних случаях люди подчеркивают аспект необходимости, неизбежности, говоря: "От судьбы не уйдешь", "чему быть — того не миновать", "что на роду написано, так тому и быть". В других случаях они выделяют аспект случайности, причем в двух вариантах: благоприятном (подарок судьбы) и неблагоприятном (удары судьбы). "Человек надеется и заботится потому, — пишет *В.Н. Шердаков*, — что его жизнь, с одной стороны, зависит от него самого, от его усилий, а с другой стороны, складывается в зависимости от обстоятельств, помимо его воли. Слово "судьба" и обозначало зависимость, предопределенность жизни от неподвластных человеку факторов — эпохи, природных, наследственных данных, воспитания, случая и т.д. Это понятие чаще всего

имело мистический смысл, однако не следует забывать и о его реальном основании. Не случайно слово "судьба", уже лишенное религиозного смысла, удерживается в обиходной речи"¹.

* * *

Сейчас в большой моде астрология. На страницах газет и журналов, в теле- и радиопередачах мы видим бесчисленные гороскопы и выступающих астрологов. По сравнению с религией астрология, так сказать, менее серьезна. Часто ее воспринимают как игру. И соответственно относятся к ее оценкам, советам, предсказаниям. Тем не менее и астрология делает свое черное дело, запутывает человека, пугает-запугивает его или тешит напрасными ожиданиями.

Астрология — наукообразная форма мистицизма. Сами астрологи заявляют, что астрология — наука. Эти претензии на науку, научность ни на чем не основаны. Нет научного инструментария, нет научной методологии, нет открытых астрологами, строго установленных законов или явлений. В чем же тогда дело? А в том, что некоторые мистически настроенные люди и шарлатаны пытаются использовать авторитет науки. В современном обществе этот авторитет достаточно сильный и многие люди, настроенные на волну веры-мистицизма, не очень доверяя традиционным формам религии или даже относясь к ним скептически как к архаике, тяготеют к наукообразным или осовремененным формам веры-мистицизма, таким как астрология, сайентология и т.п.

Зыбкость интуиции

Зыбкость интуиции отражена в пословицах и поговорках, таких как “не думал не гадал”, “индюк думал, да в ошип попал”, в таких выражениях, как “гадание на кофейной гуще”, «гадательное мышление», «гадательный» (основанный на догадках, сомнительный)².

¹ Шердаков В.Н. Иллюзия добра. М., 1982. С. 210-211.

² **Гадать 1.** У суеверных людей: узнавать будущее или прошлое (по картам и другими способами)... перен.: заниматься необоснованными расчетами, безосновательными предположе-

Образное мышление

Как логика опирается на словесное, вербальное мышление, так интуиция опирается на образное мышление.

Образное мышление не менее важно, чем словесное (вербальное). Современная наука это установила точно.

Кстати, еще И. Г. Песталоцци, основоположник теории начального обучения, исходил из того, что развитие мышления связано с «зрительным уяснением», поэтому речь должна быть непременно связана со зрительными образами. А китайцы категорично утверждали, что одна картина стоит десяти тысяч слов.

К сожалению, вся мировая философия со времени своего возникновения почти не использовала образную составляющую мышления (за малым исключением). В лучшем случае философы использовали словесные описания образов (апории Зенона, пещера Платона, женщина Бозия, олицетворяющая философию, круг Гегеля как образ истинной бесконечности и т. п.), буриданов осел, бритва Оккама. Несловесные образы (в виде картин, схем) практически не использовались философами. Все наиболее известные сочинения философов — это тексты.

Второе. Сами философы, в том числе наиболее выдающиеся, считали образное мышление второстепенным, более низким по сравнению со словесным. Наиболее яркий пример: точка зрения Гегеля. Последний зачислял образное мышление в разряд второразрядного (в частности, искусство он ставил ниже философии).

В нашей отечественной философии XX века, которая развивалась в основном под флагом марксизма, господствовала марксистская догма об абстрактном мышлении как высшей ступени развития человеческого мышления. Абстрактное мышление понималось исключительно как основанное на текстах (словах) или на знаках и формулах (математическое мышление). Дело доходило до того, что мышление вообще (как таковое) отождествлялось с абстрактным мышлением (знаменитое ленинское "от чувственного созерцания к абстрактному мышлению и от него к

ниями; разг. неодобр. — С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1991.

практике"), т. е. образное мышление вообще третируется, не признавалось как мышление. Вспомним знаменитый тезис Маркса: "Язык есть непосредственная действительность мысли". В Философском словаре 1981 г. читаем: "...мышление человека осуществляется в теснейшей связи с речью и результаты его фиксируются в языке". Получается, что картины В.И.Сурикова или симфонии П.И.Чайковского не являются результатом их мышления. А как быть с теми ситуациями, когда человек свои мысли непосредственно реализует в действиях, поступках?!

Образное мышление реализуется в виде целой иерархии образов. Иными словами, образы могут быть разной степени общности, обобщения: от картин до схем. Говорить, что образ — нечто частное, а слово — нечто обобщающее, неверно. И слова могут фиксировать отдельное, частное, и образы могут подниматься до высоких степеней обобщения.

Раздел 5. Разум (диалектическое мышление)

В первом разделе разум характеризовался как высшая способность мышления, которая диалектически соединяет ум и рассудок, интуицию и логику. Кроме того, отмечалось, что разум ответственен за **убеждения** и продуцирует **идеи**. В структуру Разума входят также категории мышления или структурные элементы мысли, составляющие **категориальный строй мышления**.

Глава 1. Убеждения

Проблемы никогда нельзя решить с тем же образом мыслей, который их породил.

Альберт Эйнштейн

Один человек с убеждениями (верой) может больше, чем сто человек с одними только интересами¹.

Джон Стюарт Милль

Как уже говорилось, **убеждения** составляют верхний этаж мышления или, напротив, лежат в глубинах мышления, определяют образ мыслей, самые основы мышления и поведения человека.

Если идеи — важные, значимые для человека мысли, то убеждения — не просто идеи, а такие регулятивы мысли-поведения, которые настраивают человека на определенный лад-стиль жизни.

Убеждения, безусловно, относятся не вообще к мышлению, а к сфере Разума. Они — идеи и притом такие, которые определяют, конституируют жизнь человека.

Убеждения носят, как правило (в общем и целом) позитивный характер, направлены на сохранение, развитие, со-

¹ John Stuart Mill: "One person with a belief is equal to the force of 100 000 who have only interests."

вершенствование и расширение жизни. В немногих случаях убеждения могут быть опасны для жизни.

Если обратиться опять к схеме «мысли—идеи—убеждения» (см. стр. 27), то увидим, что мысли — самое изменчивое переменчивое, идеи — более устойчивы и не так просто от них отказаться, а убеждения — самый устойчивый, так сказать твердокаменный «пласт» мышления. У убеждений очень высокая степень инерционности. Если они и меняются, то очень медленно или для их изменения нужны весьма веские основания.

Убеждения — наиболее важные, жизненно важные мысли-идеи. Они составляют костяк мыслительного багажа человека, направляют его жизнь и деятельность, делают твердым его характер, не дают “растекаться мысли по древу”.

Без убеждений человек подобен флюгеру: куда ветер подует, туда и он.

Ф. Шиллер говорил: «Горе мне, если мои убеждения будут колебаться в зависимости от биения моего пульса».

К сожалению, некоторые люди скептически и даже нигилистически относятся к убеждениям. И. С. Тургенев в романе «Рудин» воспроизводит такой разговор:

«Пегасов:

— Так-с, так-с. Доложу вам, по моему мнению... все эти так называемые общие рассуждения, гипотезы там, системы... извините меня, я провинциал, правду-матку режу прямо... никуда не годятся. Это все одно умствование — этим только людей морочат. Передавайте, господа, факты, и будет с вас.

— В самом деле! — возразил Рудин. — Ну а смысл фактов передавать следует?

— Общие рассуждения! — продолжал Пегасов, — смерть моя эти общие рассуждения, обозрения, заключения! Все это основано на так называемых убеждениях; всякий толкует о своих убеждениях и еще уважения к ним требует, носится с ними... Эх!

— Прекрасно! — промолвил Рудин. — Стало быть, по-вашему, убеждений нет?

— Нет и не существует.

— Это ваше убеждение?

— Да.

— Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно, на первый случай.

Все в комнате улыгнулись и переглянулись. (...)

Таких как Пегасов можно встретить и сейчас. Интересно, как Рудин подвел итог дискуссии с Пегасовым:

«Я хотел сказать, что все эти ваши нападения на системы, на общие рассуждения и так далее потому особенно огорчительны, что вместе с системами люди отрицают вообще знание, науку и веру в нее, стало быть, и веру в самих себя, в свои силы. А людям нужна эта вера: им нельзя жить одними впечатлениями, им грешно бояться мысли и не доверять ей. Скептицизм всегда отличался бесплодностью и бессилием...»

Повторяю, если у человека нет крепкого начала, в которое он верит, нет почвы, на которой он стоит твердо, как может он отдать себе отчет в потребностях, в значении, в будущем своего народа? как может он знать, что он должен сам делать...»

Людей, которые имеют твердые убеждения и следуют им, называют принципиальными. А людей, у которых отсутствуют убеждения или они шатки, называют беспринципными.

Убеждения формируются по мере созревания личности. Молодые люди, как правило, еще не имеют твердых убеждений. В этом я убедился на занятиях и в беседах со студентами. Среди моих задач по философии есть такая:

Как Вы оцениваете тезис «цель оправдывает средства».
— *Ответ аргументируйте».*

Я столкнулся с тем, что студенты при ответе на этот вопрос либо говорят что-то невразумительное (нет позиции, она не выработана), либо истолковывают указанный тезис в позитивном духе. Мне приходилось разъяснять отрицательный моральный смысл данного тезиса. То же самое при оценке выражения «деньги не пахнут». О чем это говорит? О том, что студенты в своем большинстве еще не выработали твердых убеждений, т. е. не получили должной философско-этической подготовки.

Примерно то же можно наблюдать при ответе студентов на вопрос: «Как вы считаете: человек по своей природе добр, зол или что-то другое?». За несколько лет я собрал сотни ответов на этот вопрос. Большинство студентов ответили «не добр и не зол или то и другое в равной степени». Как видим, студенты не выработали позиции по дан-

ному вопросу. Их ответы обнаруживают шаткость их убеждений, так называемое скользкое сознание.

Могут сказать: обязательно ли по данным вопросам выработать позицию? Ведь в жизни много неопределенного и не на всякий вопрос можно найти (однозначный) ответ. Согласен: не всякий вопрос разрешим. Однако, есть такие фундаментальные вопросы, ответы на которые формируют убеждения человека. Я считаю: вышеуказанные вопросы относятся к разряду жизненно важных. От того, как мы на них ответим, зависит наша жизнь.

Если люди не будут иметь четкое представление о том, что хорошо и что плохо и, напротив, будут заблуждаться, путаться в данном вопросе, то при решении конкретных жизненных задач они будут делать серьезные ошибки.

(Философы как раз помогают людям выработать убеждения. Хорошая философия, если надо, выправляет человеку мозги, можно сказать, лечит душу и дух человека. Ведь не секрет: среди людей бродят много нелепых и опасных сентенций типа: «мир погряз в грехе, полон зла», «человек несовершенен», «все люди эгоисты», «борьба добра со злом неизбежна», «добро без зла не существует», «всё суета сует и томление духа» [Экклезиаст], «цель оправдывает средства», «деньги не пахнут», «деньги решают всё»).

Современного человека не так просто убедить в чем-либо или переубедить. Он будет слушать и воспринимать лишь аргументы, опирающиеся на фундамент современного знания-понимания мира и человека. Суть этих аргументов в том, что они вытекают из жизненной философии человека, а она в свою очередь строится на основе убеждений, которые формируются не один десяток лет, в детстве и юности вплоть до лет 35-и.

Людям нужно разъяснять смысл их убеждений и в отдельных случаях переубеждать их. Вот, например, некоторые думают в духе "деньги решают всё" или "что нельзя купить за деньги, можно купить за очень большие деньги". Если так думают молодые люди, то их надо переубедить, пока не окрепли их неправильные убеждения. Если так думают люди среднего возраста, то можно попытаться их переубедить, хотя это будет очень трудно. Если так дума-

ют люди в хорошем возрасте, то с ними практически бесполезно разговаривать на эти темы: их убеждения как непробиваемая броня. От этих людей нужно держаться подальше.

Отличие убеждения от веры

Нередко высказывают мнение, что вера и убеждение — одно и то же. Такое мнение характерно для верующих. Они склонны сдвигать весь спектр жизненных духовных феноменов в сторону веры. Однако и нерелигиозно настроенные ученые, писатели порой не видят разницы между тем и другим. В действительности же вера и убеждение весьма различны. Вера имеет эмоционально-волевую основу, а в убеждении помимо эмоционально-волевой компоненты значителен элемент мышления и практического опыта. Вера может быть слепой. Убеждение же не бывает слепым. Оно может быть ошибочным, но не слепым. Верить могут из чувства подражания, уважения или там, где не хватает знаний или существует реальная неопределенность ситуации. Например, человек может верить в то, что он будет жить долго, что он достигнет чего-либо или одержит победу.

Если вера “принимается на веру”, то убеждение складывается, формируется в процессе критического размышления. Нечто становится убеждением лишь после серьезной апробации, мыслительной и/или опытной. Поверить человек может сразу, в один момент, лишь на основе эмоционально-волевого импульса-решения. *Убедиться* же в чем-либо, а тем более сформировать жизненно значимое убеждение человек может лишь в результате более или менее длительного опыта, на основе критического размышления, сопоставления разных мнений, точек зрения, разных вариантов понимания-представления одного и того же.

Для убеждения нужен труд мысли, для веры же достаточно эмоционально-волевого импульса.

Конечно, как вера бывает разной степени глубины, так и убеждения бывают поверхностными или глубокими. Здесь они похожи. Но: глубина веры зависит от глубины эмоций, переживаний, а глубина убеждения — прежде всего от глубины мысли, размышления.

В убеждении есть элемент веры, а в вере есть элемент

убеждения. Они не разделены китайской стеной, как не разделены этой стеной мышление, чувства, воля, сознание.

Глава 2. Идея — мысль Разума

«Ум человека складывается из совокупности его идей. Без идей нет ума» — говорил К. Гельвеций. Идея является самой богатой, самой содержательной “формой” мышления и в качестве таковой играет важную роль в теоретическом и практическом освоении мира. В ней наиболее ярко выражены творческие потенции человеческого Разума. Не случайно виднейшие представители идеалистической философии прошлого — Платон и Гегель — отводили ей главное место в своих учениях.

Идея служила для них средством обоснования идеалистических взглядов. В.И. Шинкарук по этому поводу пишет: “При разработке своей идеалистической интерпретации категории “идея” Гегель использовал тот момент категории, что она служит обозначением понятий (и вообще идеальных образов действительности), реализуемых в процессе практически-творческой деятельности (научное и художественное творчество, преобразование предметов природы, общественных отношений и т.п.)...”

Созданное, сотворенное выступает как *реализация* определенных замыслов, планов, идей, разрабатывается на основе определенных *понятий*. Поэтому познавательное отношение к созданному включает в себя оценку его с точки зрения соответствия его *его понятию*. Причем это понятие мыслится как истинная *сущность*, как то, что *должно быть*. Построенный дом должен *соответствовать понятию дома*, а не противоречить ему. Отношение к созданному человек переносит и на существующее вообще. Постигая сущность определенного рода явлений, он оценивает отдельные явления с точки зрения соответствия их этой сущности, мыслимой как их “понятие”. Отсюда различие того, что есть, от того, что должно быть “по идее”, “по понятию”... Короче говоря, человеческое отношение к действительности есть активное, творческое отношение, включающее оценку действительности не только со стороны того, что есть, но и со стороны того, что должно быть в соответствии с постигнутыми закономерностями этой действительности. На основе этого активного, творческого отношения к действительности происходит перенесение категорий “истинного” и “должного” на непосредственно сущее. Гегелевская интерпретация истины (идеи) как соответствия действительности ее понятию и исходит из такого перенесения, используя его для обоснования идеалистических взглядов на мир”. — Его. Логика, диалектика и теория познания Гегеля. Киев, 1964. С. 269-270).

Рассмотрим подробнее вопрос об идее как мысли Разума.

Благодаря идее мышление *развивается и становится*, находится в процессе развития и становления. Этот факт не означает, конечно, что связь мышления с действительностью (являющейся для него внешним фактором) не играет никакой роли в его развитии и становлении. Мышление развивается и становится под влиянием самых различных факторов (в том числе внешних), однако все они объединены и центр объединения находится в мышлении. Эти центром является идея. Она интегрирует все его внутренние и внешние связи.

Диалектика идеи

Идея, будучи сложным, многогранным феноменом мышления, заключает в себе множество разных противоречий¹, которые вместе и обуславливают ее специфичность. К числу наиболее характерных противоречий, присущих идее, можно отнести противоречия задачи и ее решения, субъективного и объективного, логики и интуиции.

Идея с точки зрения соотношения задачи и ее решения. Идеи возникают не сами по себе, а лишь в ответ на возникновение проблем. Когда проблема становится объектом целеполагающей деятельности человека, она приобретает качество задачи и уже в таком качестве (поставленной задачи) ведутся поиски ее решения. Появление какой-нибудь идеи означает, что найден ключ к решению проблемы-задачи. Но ключ к решению — это еще не само решение; поэтому идея, не будучи *уже* проблемой-задачей, не является *еще* решением. Она занимает промежуточное положение между ними, соединяет их.

Таким образом, идея, с одной стороны, содержит в себе предварительное решение задачи, а, с другой, является руководящим принципом для поисков окончательного решения задачи. Она как бы подытоживает некоторые результа-

¹ Здесь и далее слово “противоречие” употребляется не в формальнологическом смысле, а в значении “диалектическое противоречие”.

ты поисков и в то же время руководит дальнейшими поисками.

Назначение идеи как раз в том, что она осуществляет переход от постановки задачи к ее решению. На языке противоречия это означает, что идея, осуществляя переход от возникновения и обострения противоречия (постановки задачи и поисков ее решения) к его разрешению и соединяя, таким образом, противоположные (восходящую и нисходящую) ступени проблемно-задачного противоречия, является самым ответственным моментом, кульминацией, ядром этого противоречия, как бы противоречием в противоречии.

Еще идею можно сравнить с цветком... Идеи — это цветы мышления; благодаря им оно плодоносит.

Идея с точки зрения соотношения субъективного и объективного. В идее находит свое отражение не только то, что получено человеком от созерцания и познания, но также интересы и цели человека. Субъективность идеи выражается в том, что она является результатом страстной заинтересованности человека и сама, в свою очередь, вдохновляет и мобилизует его.

Таким образом, идея органически объединяет в себе субъективные устремления автора (эмоционально-волевой момент) и объективное содержание чувственных и мыслительных образов (восприятий, представлений, понятий, знаний). Она связывает отражательную функцию человеческой психики с регулятивной, является точкой соприкосновения, взаимопереплетения сознания и воли, соединяет пассивность восприятия-памяти и активность воли, объективность знания и субъективность цели. Она, с одной стороны, — понятие (представление) о чем-либо, с другой, — принцип деятельности. Будучи отображением находящегося вне мышления объекта (действительного, мнимого или возможного), идея в то же время является руководящим и организующим началом деятельности.

Идея с точки зрения соотношения логики и интуиции. Идея не является в отдельности ни логической, ни интуитивной мыслью. Она — продукт совместной “работы” интуитивного и логического мышления.

По мнению П.В. Копнина идея “не может быть чисто логически с необходимостью выведена из той совокупности знаний, на которой основывается постановка проблемы”¹. И, действительно, поскольку содержанием идеи является новое, небывалое, которое прежде отсутствовало в наличном мыслительном опыте человека, постольку она не может логически следовать из тех мыслей, которые основываются на этом опыте. Сама по себе логика раскрывает лишь то, что в неявном виде содержится в исходных посылах. М. Бунге в этой связи справедливо отмечает, что “одна логика никого не способна привести к новым идеям, как одна грамматика никого не способна вдохновить на создание поэмы и теория гармонии — на создание симфонии”².

Но идея не может быть и порождением одной только интуиции. Это видно из следующего. Всякая интуитивная мысль является мыслью лишь постольку, поскольку она *осознана*. Осознание же интуитивной мысли не является простой фиксацией (регистрацией) ее в сознании. Оно носит активный характер. Вновь родившуюся мысль человек сразу же подвергает рациональной обработке, применяет к ней те или иные критерии, определяет ее соответствие личным знаниям, убеждениям, интересам (подробнее см. об этом ниже). В результате первоначальная интуитивная мысль приобретает черты *логически выверенной* мысли или же отбрасывается.

Таким образом, идея объединяет в себе черты интуитивной и логической мысли. В истоках своих (по происхождению) она — интуитивная мысль; в определении же, оформлении своем она — логическая (или, точнее, логически выверенная) мысль.

О логике и интуиции кратко было сказано выше (см. стр. 16). Здесь добавим следующее.

В философской и научной литературе стал общепризнанным взгляд на соотношение логики и интуиции как единство двух противоположных способов мышления³.

¹ Копнин П.В. Диалектическая логика и научное исследование. — журнал “Вопросы философии”, 1962, № 10. С. 5

² Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967. С. 109.

³ Приведем ряд высказываний по этому вопросу:

Этот взгляд отвергает как сведение интуиции к логике, так и их абсолютное противопоставление.

Об абсолютизации интуиции я говорил выше, стр. 56.

Другой крайностью в вопросе о соотношении интуиции и логики является абсолютизация логического мышления, выражающаяся в попытках сведения интуиции к логике. Некоторые исследователи полагали, например, что интуитивное мышление отличается от последовательного логического рассуждения лишь своим быстродействием или же выключением средних звеньев из цепи рассуждения. (См. утверждение С. Н. Мареева: «всякая интуиция это только свернутая и неявная логика» — С. Н. Мареев. Логика. М., 2000. С. 49).

Действительно, наряду с творческой интуицией существует бессознательное логическое мышление. Рассуждение, вычисление или расчет могут происходить без участия сознания. На его поверхности выступают лишь исходные данные и результат. Бессознательный логический процесс

А.Н. Кочергин: “...сторонники как интуитивистского, так и логического подхода к творчеству вычленили в нем разные стороны, которые подвергали изучению. Но эти подходы абсолютизировались, что приводило к заблуждениям”. В конце концов “проблема соотношения интуиции и логического мышления в творчестве решалась не с позиции “или-или” — истина лежала посередине, она включала оба подхода”. — Кочергин А.Н. Моделирование мышления. М., 1969. С. 188-189.

М.Г. Ярошевский. “Интуиция и формализация выступают как различные аспекты продуктивной деятельности субъекта — нераздельные в каждый момент. Их мнимая антитетичность подобна “дуализму” волны и частицы”. — См.: сб. “Научное творчество”. М., 1969. С. 141.

П.В. Копнин: “Мышление не может функционировать как чисто дискурсивный процесс, хотя оно всегда стремится к логической последовательности, доказательности... Интуитивное и дискурсивное в мышлении — два необходимо составляющих и взаимосвязанных момента”. — Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 130.

А.А. Налчаджян: “...хотя логика алгоритма и интуиция противоположны, однако эта противоположность диалектическая” (с. 55); “...именно диалектическое единство логики и интуиции как двух основных видов мышления является предпосылкой научных открытий и появления новых идей вообще” (с. 110) — Его. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания”. М., 1972.

возможен благодаря тому, что после многократного повторения одних и тех же логических операций, решения однотипных логических задач вырабатывается устойчивый стереотип, автоматизм мышления. Психолог А.Я. Пономарев по этому поводу пишет: “Случай, который Павлов связал с интуицией — это случай с выключением средних звеньев в цепи логических рассуждений. В подобных явлениях действительно нет творческого эффекта, хотя по механизму они очень близки к творческой интуиции... В этих случаях решение задачи формируется вначале на уровне высшей формы психического взаимодействия. Оно оказывается осознанным, логически обоснованным, представленным функциональной системой означенных моделей. Когда аналогичные задачи решаются многократно, между соответствующими этим системам элементами первичных моделей, очевидно, устанавливается сквозная связь — прямой путь к петле событий, прежде поднимавшихся на верхние этажи... Таким образом возникает новая система, работающая с большой скоростью. Будучи однажды организованной, она нуждается в постоянном направлении сверху. Если новые условия соответствуют условиям ее формирования, система элементарного уровня работает точно.

Аналогичным образом формируются многие навыки. Можно думать, что интуиция такого вида встречается очень часто. Именно ее имеют в виду шахматисты, когда говорят о непосредственном видении позиции, о правильных ходах, выбранных в цейтноте, без необходимого предварительного обдумывания. В принципе на такой же интуиции опирается в большинстве случаев работа опытного водителя автомобиля и т.д. Без такой интуиции, видимо, не способен нормально работать и жить ни один человек. От творческой интуиции она отличается именно тем, что в ней нет поиска решения, наоборот, это решение всегда уже готово” (Пономарев А.Я. Психика и интуиция. М., 1967. С. 251-253).

(Кстати, автоматизм мышления — довольно-таки распространённое явление. Практические психологи обращают на это внимание и предостерегают: «Еще одна очень важная рекомендация: регулярно проводите ревизию того,

на что вы себя запрограммировали. Автоматизм — это не только автоматическое действие, но и автоматическое мышление. На вопрос: «Сколько будет дважды два?» мы, не задумываясь, отвечаем: «Четыре». Такие готовые ответы имеются у нас на тысячи вопросов — это аксиомы, принципы, убеждения, на которых строятся все логические цепочки, — то, во что мы верим. Эйнштейн подверг сомнению классическую науку и открыл теорию относительности, Галилей сказал: «А все-таки она вертится!». В тот момент, когда мы подвергаем сомнению, то, что «само собой разумеется», мы создаем новое. Окружающая жизнь все время меняется. Так или иначе, вам тоже надо меняться. Периодически анализируйте механизмы своих действий. Возможно, некоторые из них вам уже давно не нужны или требуют усовершенствования. Планируя и обдумывая действие, учитывайте автоматизм, которым вы владеете, совершенствуйте свои программы или, наоборот, исключайте их действие» — Ключников С. Ю. Искусство управления собой

(<http://www.piter.com/attachment.php?barcode=978594...>)).

Появление быстродействующих вычислительных машин, компьютеров опровергло вышеуказанную точку зрения на интуицию (как на особый логический процесс). Оказалось, что компьютер, считающий с невероятной скоростью, все-таки во многом уступает человеческому мозгу. Человек может мыслить и при неполной информации, машина же, как сказал один из кибернетиков, “до омерзения логична”, она этого сделать не в состоянии. “Вопрос о психологической природе интуиции, — отмечает А.Я. Пономарев, — есть вопрос о механизме решения задачи, которое не может быть получено путем логического вывода. Это тот случай, когда для необходимого преобразования ситуации у субъекта не хватает знаний”¹.

И дело не только в нехватке знаний, информации. Современные компьютеры могут вырабатывать вероятные выводы-решения и при неполной информации. Человек принимает решения, решает задачи как *живое* существо, как *личность*, на основе *эмоционально-волевого* поведения.

¹ Пономарев А.Я. Психика и интуиция. М., 1967. С. 231.

И.В. Бычко, говоря о тщетности многочисленных попыток сведения интуиции к логике, проводит, на наш взгляд, правильную аналогию между интуицией и живым организмом. “Подобно тому, — пишет он, — как анатомическое рассечение живого организма, убивая его, не может в силу этого вскрыть сущность жизни (хотя и дает нам весьма ценную информацию о некоторых важных моментах жизненного процесса), так и логический анализ интуиции способен дать нам лишь статическую совокупность элементов, единство которых и составляет интуицию, но само это единство (интуиция) при “логическом рассечении” не может быть воспроизведено в форме “живого”, “целостного” процесса”¹.

Возникновение интуитивной мысли — акт уникальный. Она — плод неповторимой ситуации и неповторимой индивидуальности человека. Совсем иное дело — логический вывод, который можно повторить сколько угодно. Он удобен как раз тем, что его могут воспроизвести, повторить другие люди и даже компьютеры.

Интуитивная мысль — произведение живое живого человека, она рождена всем его существом, является результатом синтеза всех его качеств, способностей. Для выведения же логической мысли не требуется всего комплекса психических способностей и особенностей человека. Достаточно сказать, что она безразлична к чувствам, эмоциям, которые в отдельных случаях даже мешают ей.

Творчество — конкретная деятельность конкретного человека. Поэтому оно необходимо включает в себя как момент общего, родового, так и момент индивидуального, неповторимого. Логика представляет в мышлении общее, родовое, а интуиция — индивидуальное, неповторимое. Без их взаимодействия невозможен творческий процесс.

Как идея развивает мышление

Теперь о том, как мышление *развивается* и *становится* благодаря идее.

¹ Бычко И.В. Познание и свобода. М., 1969. С. 195-196.

Любая мысль является специфическим противоречием мышления, но лишь идея развивает его, поднимает на более высокий уровень.

Рассмотрим мышление в плоскости постановки задачи и ее решения. Сами по себе поиски решения, если они безрезультатны, не развивают мышление. Когда задача поставлена, то она, бесспорно, требует своего разрешения, толкает мысль человека к поискам и в этом смысле она является импульсом, побуждающим мысль двигаться, не стоять на месте. Но этим и ограничивается ее значение как двигателя мыслительного процесса. Движение мысли в поисковом направлении не есть еще ее развитие. Тем более нет развития в том случае, когда решение найдено и вопрос исчерпан. Поэтому ни задача сама по себе, ни ее решение не развивают мышление. Для того, чтобы оно развивалось, необходимо соединение задачи и решения, неопределенности, незавершенности задачи и определенности, завершенности решения. И такое соединение дает идея.

Теперь о мышлении в плане соотношения субъективно-го и объективного. Ясно, что мышление развивается, становится по мере того (соответственно тому), как назревают и разрешаются противоречия между субъектом деятельности — человеком — и объектом деятельности — окружающей реальностью. В процессе познания субъект стремится преодолеть отчужденность объекта, подчинить себя его власти, сделать его содержанием содержанием своего сознания. В практической деятельности субъект, напротив, стремится подчинить объект своей власти, превратить его в орудие удовлетворения своих потребностей, сделать содержанием своего сознания (проекты, замыслы) содержанием объекта.

В том и другом случае идеи играют роль посредствующих звеньев — в движении от объекта к субъекту (распредмечивании) или от субъекта к объекту (опредмечивании). Поэтому они необходимо участвуют в развитии мышления, помогая ему “наполниться” новым содержанием или материализоваться (объективизироваться).

И, наконец, о мышлении в плане соотношения логического и интуитивного. Как уже было показано выше, идея образуется на стыке этих двух способов мышления. По-

следние по-разному характеризуют *течение* мыслительного процесса. Интуиция сообщает мышлению импульсивность, скачкообразность, прерывность. Логика же обусловливает плавность, непрерывность, постепенность мыслительного процесса, последовательное выведение одной мысли из другой. Поскольку идея объединяет интуицию и логику, постольку она обусловливает синтез прерывного и непрерывного в мышлении и тем самым “делает” его развивающимся, становящимся процессом.

В самом деле, развивающийся мыслительный процесс не есть простое накопление мыслей. На каком-то этапе он прерывается, происходит скачок, возникает идея. Для такого процесса неприемлем тезис: чем больше мыслей, тем лучше.

Идея является своеобразным водоразделом между двумя стадиями накопления мыслей. Первая стадия накопления интуитивно возникающих мыслей завершается заменой их одной мыслью — идеей. Она прерывает процесс накопления мыслей. Множество малоценных, непрочных, случайных мыслей заменяется одной большой мыслью. Происходит скачок. Без преувеличения можно сказать, что *возникновение идеи — это революция в мышлении, маленькая или большая в зависимости от того, какие глубины его она затрагивает*. Именно благодаря идее мыслительный процесс не является чисто эволюционным процессом накопления мыслей.

После того, как идея утвердилась в мышлении, она вызывает лавинообразное возникновение множества новых, подчиненных ей мыслей. Здесь идет обратный процесс: размножение — одна большая мысль (идея) делится на множество маленьких мыслей (следствий идеи).

Идея развивает мышление также в том плане, что она и связанное с ней движение мысли придает всему мыслительному процессу *спиралевидную* форму. Схематически это можно представить следующим образом.

Исходный пункт — возникновение мысли (первая догадка, предполагающая решение задачи). В самом начале она представляется как нечто цельное, нерасчлененное, непосредственное. Мысль только-только рождена интуицией и поэтому она — всецело интуитивная мысль. Челов-

век принимает ее к последующей обработке, считает ее заслуживающей внимания, считает ее мыслью. Это тезис, начало витка.

Сразу же после возникновения следует период сомнения, критической оценки, обработки новой мысли. Она подвергается испытанию, проверке, апробируется с помощью наличных мыслительных средств (знаний, логики, убеждений). Это — антитезис, критика, испытание на прочность первоначальной мысли. Такая критика не ведет к полному уничтожению мысли. Она носит характер методологического сомнения, является проверкой ее жизнеспособности. Если в процессе этой проверки мысль выдерживает тяжесть критики, сомнения, то она получает права гражданства в мышлении, т.е. становится идеей, приобретает статус идеи, оформляется в идею. Это — конец витка спирали, синтез двух предыдущих этапов, возврат якобы к исходному, первоначальному, к интуитивно возникшей мысли. Человек больше не сомневается в серьезности, невздорности, ценности этой мысли-идеи. Он готов предпринять реальные шаги по ее осуществлению. С этой точки зрения идея — такая мысль, в правильности, серьезности, важности которой человек убежден, во всяком случае убежден настолько, что готов предпринять ради ее проверки-осуществления конкретные практические шаги, готов затратить на нее не только усилия ума, но также физическую силу и время. Оформлением мысли в идею заканчивается первый виток спирали.

Начало второго витка спирали совпадает с концом первого витка. Будучи синтезом-итогом в предыдущем цикле идея в то же время является исходным пунктом последующего цикла развития. Теперь мысль (в лице идеи) приобрела такую крепость и заряд энергии, которые позволяют ей двигаться дальше и выйти, наконец, за пределы собственно мышления в мир реального действия.

Итак, в начале второго цикла имеется идея, которая может привести к новому знанию, эстетической реальности или же к новому овладению силами природы (общества). Она, с одной стороны, содержит в себе возможность нового открытия или изобретения, создания нового, а, с другой, играет роль руководящего принципа в дальнейшей творче-

ской деятельности. Начальный пункт второго цикла (утверждение, тезис) — это не просто идея (как отправная точка, как некое статическое состояние), а развертывающаяся в систему мыслей (гипотезу, замысел, проект), активно утверждающая себя, “переживающая триумф”, “победоносно шагающая по мышлению” идея. Прежде чем перейти в стадию проверки/испытания, она развертывается в целую мыслительную систему (научную гипотезу, художественный замысел или же практический проект).

На второй стадии (антитезис) идет всестороннее испытание, проверка идеи путем обращения к опыту, наблюдению-эксперименту, к практическим действиям. Ученый проводит наблюдения, ставит эксперименты. Художник воплощает идею в реальность образа. Изобретатель создает новый предмет искусственной природы, который увеличивает власть человека над природой. И т. д. Эта стадия в какой-то мере напоминает вторую стадию предыдущего цикла. Только в отличие от последней она не является чисто мыслительной стадией; центр тяжести этой стадии постепенно перемещается из сферы идеального (умственных действий) в сферу реального (реальных действий). Здесь нет абсолютного повторения предыдущего цикла развития.

Последняя, завершающая стадия этого цикла возвращает нас к исходному пункту. Идея, выдержав испытание наблюдением, экспериментом, практикой, получила подтверждение, права гражданства, но теперь уже не только в мышлении человека, а во всей его жизни и шире: в жизни людей вообще. Достигнув завершающей стадии творческого процесса, она перестает быть идеей, переходит в новое состояние: либо в новое знание, либо в новую реальность, либо в новое произведение искусства.

Место идеи в творческом процессе

Мысль — цветок, слово — завязь, деяние — плод.
Эмерсон

До сих пор предметом рассмотрения была диалектика идеи и ее роль в развитии-становлении мышления. Теперь рассмотрим, *как преломляется* эта диалектика в творческом процессе.

По нашему мнению, *идея является такой мыслью, которая дает ключ к пониманию творческого процесса.* Благодаря идее творческий процесс совершается не как стихийный, неуправляемый, аморфный процесс, в котором к результату приходят путем проб и ошибок, а как управляемый, осмысленный, разумно организованный процесс.

Значение идеи для творческого процесса состоит в том, что она осуществляет переход от постановки творческой задачи к ее решению. Как нельзя обойти момент перехода от поисков к решению, так нельзя перешагнуть через идею, пройти мимо нее. Именно идея содержит в себе *заряд нового* — то, ради чего совершается творческий процесс. Ее возникновение и последующая реализация — непреложный закон творчества. Все коллизии творческих поисков и находок сходятся в идее, как в фокусе. Она — “душа” творческого процесса, его самодвижущий принцип.

Идея “делит” творческий процесс на три этапа.

Первый этап — этап постановки задачи и поисков ее решения — выполняет, главным образом, отрицательную работу: человек последовательно все больше убеждается в том, что прежние знания и умения, старые способы решения не годятся для решения данной задачи.

На втором этапе совершается переход от постановки задачи к ее решению, возникает идея. Этот этап является ключевым для творческого процесса, так как от него зависит, будет ли творческий процесс подобен процессу искания методом проб и ошибок или же он почти с самого начала будет разумно ориентированным процессом. Чем ответственнее подходит человек к выдвижению и формулированию идеи решения, тем вероятнее правильность идеи и тем менее вероятен бесплодный путь проверки-реализации ошибочной идеи.

Переход от поисков к решению не является одномоментным процессом. Неправы те, кто представляет идею внезапно возникшей мыслью, которая будто бы вышла готовой из недр подсознания и озарила ум. В этом представлении идея изображается как порождение чистой интуиции, подсознательной, неконтролируемой работы мысли. На самом деле идея возникает не сразу, не вдруг. Между

зарождением идеи как интуитивной мысли и ее оформлением существует определенная дистанция — этап сознательной работы мысли. Эта дистанция может быть едва заметной, малоосознаваемой и тем не менее она обязательно существует¹.

Ранее уже говорилось о том, что интуитивная мысль прежде, чем стать идеей, подвергается проверке, испытанию, апробируется с помощью наличных мыслительных средств (знаний, логики, убеждений). Эти процедуры осуществляются или должны осуществляться по определенным параметрам, критериям. Отсутствие последних может привести к двум нежелательным крайностям в оценке идеи: когда обыкновенную рядовую мысль принимают за идею. В этом случае имеет место переоценка мысли, некритический подход, который нередко приводит к излишней трате сил и времени по реализации такой “идеи”. Подобную ошибку чаще всего совершают сами авторы этих псевдоидей. И, наоборот, когда недооценивают идею, принимают ее за рядовую мысль, вследствие чего не предпринимаются шаги по ее реализации. Такая ошибка допускается обычно при передаче идей от одних людей к другим: мысль автора идеи не осмысливается другими как идея. Поэтому, чтобы не было переоценки или недооценки значимости той или иной мысли, необходимо следовать правилам, критериям, по которым можно было бы определить идею.

¹“Решение относительно адекватности любой идеи, даже условное решение, — отмечает М. Бунге, — требует предварительной аналитической разработки, а эта процедура — исключительно рациональная” (с. 149). “Вообразите-ка себе, — остроумно замечает он, — как бы реагировал руководитель коллектива физиков-экспериментаторов на просьбу проверить сон, привидевшийся вам минувшей ночью” (с. 116). — Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967.

А вот что писал Гете в письме к Шиллеру о вынашивании идеи: “Плодотворность или бесплодность неожиданно родившейся мысли открывается с течением времени. Вы ее вынашиваете, рассматриваете и испытываете со всех сторон, воображение и критика оформляют ее и ваяют до тех пор, пока внутренняя готовность не начнет подталкивать к работе”. — Гете И. Собр.соч.. Т. XIII. С. 89.

Критерии нужны не только для минимизации, устранения произвола в оценке идеи. Они важны сами по себе, как условия выдвижения, состоятельности идеи¹. Особенно они нужны, если идее предшествует не одна интуитивная мысль, а несколько, некоторое множество конкурирующих мыслей. В этом случае возникает задача отбора, а критерии определения идеи приобретают характер критериев отбора. Вообще скорее исключением, чем правилом, является формирование идеи из одной интуитивной мысли. Идеи часто можно уподобить граммам радия, добываемым из тонн руды или крупицам золота в золотоносном песке.

Итак, каковы критерии определения идеи? Любая интуитивная мысль становится познавательной или практической идеей, если она испытана, апробирована с помощью двух основных критериев: критерия возможной истинности и критерия возможной полезности².

Критерий возможной истинности определяет: противоречит или не противоречит вновь возникшая мысль имеющимся знаниям о предмете мысли. Этот критерий устанавливает *логическую совместимость* новой идеи с прежними знаниями (имеются в виду проверенные в опыте, на практике знания)³. Он позволяет *мысленным* путем

¹ О таких условиях-критериях говорят обычно по отношению к научной гипотезе. Вот что пишет, например, В.А. Штофф: “Прежде чем перейти к практической проверке гипотезы, ее обычно подвергают обсуждению или предварительному рассмотрению и тщательному анализу, чтобы выяснить, допустима ли она вообще в качестве научного утверждения. В методологии научного познания, опираясь на научную практику и гносеологические принципы теории отражения, можно сформулировать ряд условий, которым должно удовлетворять любое предложение, чтобы получить статус *научной гипотезы*. Выполнение этих условий позволяет отсечь множество предположений уже до их проверки и сосредоточить усилия на разработке и проверке действительно ценных, перспективных научных предположений”. — Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972. С. 153).

² Названия этих критериев предложены автором. В настоящей работе впервые ставится вопрос о необходимости исследования (оформления) идеи.

³ Указанному критерию близок по смыслу *принцип соответствия*, выдвинутый Н. Бором в 1913 году. Согласно этому принципу новая теория не может быть истинной, если она не со-

установить вероятную (возможную) истинность (= правдоподобность) новой мысли или же ее явную ложность, ошибочность. В этом критерии отмечен момент *возможности*, так как нельзя вполне утверждать, что отобранные с его помощью мысли являются *действительно* правильными, истинными. (Последнее слово здесь принадлежит опыту, практике). Среди отобранных мыслей могут оказаться и ложные, которые не обнаружены вследствие недостаточности наличных знаний автора идей.

Критерий возможной истинности тем точнее и определеннее, чем полнее знания человека о предмете мысли. Его точность и эффективность зависит также от того, насколько человек сумел в своем сознании отделить зерна от плевел, знания от субъективных мнений, верований, предрассудков. Если граница между знанием и тем, что заменяет знание, расплывчата, неопределенна и человек не знает по-настоящему, что является действительным знанием, а что недоказанным мнением, то критерий возможной истинности будет тогда выдавать ложные мысли за истинные или, наоборот, отсеивать вместе с ложными такие мысли, которые на проверку могут оказаться истинными. В первом случае авторы ложных идей напрасно тратят силы и время на их реализацию. Во втором случае отвергаются ценные в познавательном отношении идеи, что тормозит прогресс.

Зависимость критерия возможной истинности от индивидуального сознания говорит о его субъективности. У разных людей имеется разный уровень знаний и культуры; поэтому они по-разному будут оценивать свои мысли. Если, например, для одного человека очевидна ложность идеи, то другой, располагая меньшим объемом знаний, может не заметить ее.

Тем не менее, указанный критерий имеет объективные основания. В современном обществе образование человека в значительной степени стандартизировано. Если человеку доверяют работу, требующую определенной квалификации, то, вероятно, учитывают при этом, что он должен обладать известным минимумом знаний, который позволял

гласуется со старой теорией, где та была справедлива, где содержание старой теории было подтверждено опытом.

бы ему выполнять эту работу. Общезначимость и, соответственно, объективность критерия возможной истинности определяются в целом высоким уровнем образования современного человека.

Теперь о *критерии возможной полезности*. Если для определения познавательной идеи основным является рассмотренный выше критерий возможной истинности, то для определения практической идеи таковым является критерий возможной полезности. Этот критерий требует соответствия идеи (ее мыслимого содержания и связанной с ней работы по реализации) интересам людей.

С точки зрения критерия возможной полезности идея должна выражать интересы, потребности, вообще субъективные устремления людей. Без этого она лишена практической силы и значения. Мысленное связывание идеи с теми или иными интересами необходимо для того, чтобы еще до реального практического действия была определена, осознана возможная практическая значимость предвосхищаемого в идее продукта-результата.

Критерий возможной полезности требует четкого осознания потребностей, интересов, установления их иерархии, соподчиненности. Только при условии выполнения этого требования он может быть с успехом использован для оценки практической значимости идей.

Будучи основным для определения практических идей данный критерий важен также для определения познавательных идей. Ведь с осуществлением последних связаны порой практически непреодолимые трудности или это осуществление требует слишком больших затрат/жертв.

Критерий возможной полезности имеет для определения *познавательных* идей то значение, что с его помощью выдвигаются на первый план идеи, осуществление которых отвечает насущным интересам людей. Этот критерий играет, однако, подчиненную, вспомогательную роль в определении познавательных идей. Он может затормозить или ускорить выдвижение и реализацию указанных идей, но он бессильно выявить или уничтожить, зачеркнуть их познавательную ценность. Последняя определяется исключительно критерием возможной истинности.

Примерно то же самое можно сказать о роли критерия возможной истинности в определении *практических* идей. Он, безусловно, необходим для определения практической идеи. В самом деле, только та практическая идея может быть осуществлена, материализована, которая выверена познанием, основана на познании объективных закономерностей. Печальный пример практической идеи, не выверенной познанием, — идея вечного двигателя. Сколько напрасных усилий было затрачено на ее реализацию! Даже после открытия закона сохранения энергии находились горе-изобретатели, пытавшиеся создать вечный двигатель.

Особый статус имеют *художественные* идеи. Они не сводимы ни к познавательным, ни к практическим идеям. Соответственно и критерий их определения особый. Этот критерий оценивает художественную, эстетическую ценность вновь возникшей мысли. Его можно было бы назвать *критерием возможной художественности (эстетичности)*. Данный критерий предельно вариативен и всецело зависит от художественного вкуса и эстетических предпочтений автора идеи.

Кроме указанных критериев большое значение имеет также *общий методологический критерий*. Он определяет соответствие идеи исходным методологическим, философским принципам-установкам. Критерий позволяет отбирать методологически состоятельные идеи.

Третий этап творческого процесса — этап решения проблемы-задачи, *реализации*¹ идеи. На этом этапе возможность решения превращается в действительность. Необходимым условием такого превращения является *функционалирование* идеи, что предполагает наличие у нее определенных *функций*. Эти функции являются своего рода каналами или формами реализации идеи и, соответственно, формами разрешения присущих ей противоречий. Благодаря функциям идея выходит как бы за пределы самой себя.

¹ Слово “реализация” употребляется по отношению к идее не в смысле материализации (превращения идеального в материальное), а в смысле превращения возможного в действительное. Слово “материализация” применимо только к процессам реализации практических идей (например, технических).

К основным функциям идеи относятся: синтетическая, регулятивная и эвристическая.

Синтетическая функция. Вновь родившаяся идея не сразу ведет к конечному продукту. До своего практического воплощения или проверки она должна развернуться в *систему мыслей*. В научном познании на основе идеи разрабатывается *гипотеза* — развернутое теоретическое построение; в практической деятельности — *проект*; в искусстве — *художественный замысел*. Идея не годится для реализации в том виде, в каком она первоначально существует. Без системы подчиненных ей мыслей-следствий она как бы “висит в воздухе”, слабо связана с “земной основой” (со всем умственным опытом человека, за которым стоит чувственный и практический опыт). Это отчетливо можно видеть на примере гипотетической идеи. Сама по себе, как первоначальное предположение, она принципиально непроверяема. Для того, чтобы осуществить проверку идеи, на ее основе нужно построить гипотезу, а из гипотезы вывести следствия, непосредственно проверяемые на опыте.

Если только что возникшая идея как бы приоткрывает дверь в мир неизведанного, несозданного, и человек лишь “заглядывает” в эту дверь, то развернутая в систему мыслей она “заставляет его войти” в открытую дверь и показывает перед ним неисчислимые богатства нового.

В процессе развертывания идеи в систему мыслей как раз и реализуется одна из ее основных функций — синтетическая.

На синтезирующий характер идеи указывал еще И. Кант. “Под управлением разума наши знания вообще должны составлять не отрывки, а систему, так как только в системе они могут поддерживать существенные цели разума и содействовать им. Под системой же я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей”¹.

В отечественной философии вопрос о синтезирующем характере идеи был разработан П.В. Копниным. “По существу синтетично всякое знание, — пишет он, — где нет синтеза, там нет и знания, поскольку сам объект является целостностью различных сторон, свойств и отношений. Но в каждой форме познания есть свой анализ и свой синтез. В идее синтез составляет ее природу;

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 486.

объединение знания о различных сторонах предмета достигается в ней путем обнаружения того начала, в котором, как в фокусе, эти стороны стягиваются и находят свое объяснение... Будучи своеобразным синтезом, идея сама выполняет синтезирующую функцию в развитии научного познания. На ее основе происходит восхождение от абстрактного к конкретному". /В этом восхождении/ "не одна абстракция механически присоединяется к другой, а та или иная абстракция развивается, обогащается новым содержанием, охватывает другие стороны предмета. Множественность определений в конкретном мышлении возникает не в результате соединения различных абстракций, а как развитие некоторой одной абстракции, которая в зародыше содержит в себе все богатство последующих определений"¹.

Синтетическая функция идеи, осуществляя переход к системе мыслей, "решает" двуединую задачу: *расчленение* идеи на множество разных мыслей и сохранение ее как *целостного* образования. С одной стороны, в полном соответствии с законами дедукции, возникает логический "куст" мыслей, а, с другой, идея, не переходя полностью в этот "куст" (не растворяясь в нем), становится главной, основной, центральной мыслью возникающей системы. (Вот откуда, кстати, определение идеи как основной мысли произведения, открытия или изобретения). Здесь происходит синтез логики и интуиции: идея (и присущий ей интуитивный момент) *снимается* логической операцией расчленения, деления и одновременно *сохраняется* как основная мысль.

Регулятивная функция. Уже проблема-задача направляет мысль, но лишь идея нацеливает ее на конкретный результат. Являясь поворотным пунктом от поисков к решению она служит средством ориентации в задаче, играет роль руководящего принципа для поисков окончательного решения задачи. Регулятивная функция, с одной стороны, *дисциплинирует* мышление человека, удерживает его в определенном направлении, не позволяет "растекаться мыслям по древу", а, с другой, *активизирует, мобилизует мышление*, "подталкивает" его в нужном направлении. Имея в виду эту вторую сторону, можно сказать, что *в идее, как ни в каком другом мыслительном образовании, выражен активный характер человеческого мышления.*

¹ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 278-279.

Будучи первым проблеском решения она вселяет уверенность в успехе, в перспективность его усилий, эмоционально заряжает, вдохновляет его.

(Регулирующий характер идеи выступает как бы в чистом виде в случае патологического нарушения мыслительного процесса, когда субъективная установка больного, вступая в конфликт с объективными фактами, оформляется в навязчивую, сверхценную или бредовую идею.)

Регулятивная функция является формой разрешения присущего идее проблемного противоречия. Она осуществляет самопереход идеи от предварительного решения проблемы-задачи (являющегося по своему характеру проблематическим-незавершенным) к окончательному решению. Будучи процессуальной она неуклонно ведет идею через все трудности задачи к самоосуществлению. Если бы идея не обладала регулятивной функцией, то заложенное в ней содержание, не использованное для преодоления трудностей задачи, осталось бы на уровне догадки-предположения.

Эвристическая функция. Идея не только синтезирует, не только регулирует, но обновляет и даже революционизирует мышление человека. Она — скачок в мир несозданного, неоткрытого.

Эвристическая значимость идеи обусловлена тем, что она содержит в себе *возможность нового* — нового знания, нового предмета, нового произведения искусства. Она так или иначе *ведет* к новому освоению действительности: теоретическому — познанию ее, или практическому — преобразованию ее. Идеи как первопроходцы или геологи-разведчики открывают новые пути познания и преобразования действительности. Даже очень старые, но еще не реализованные идеи заставляют людей вести поиски. Таковой, например, была идея атомизма. Прошло более двух тысяч лет, прежде чем она воплотилась в научную теорию атомного строения вещества. Пока идея не реализована и не опровергнута, она эвристически значима.

По идеям можно судить о дерзновенности человеческого разума. Известное требование Н.Бора “безумных” идей¹

¹ См. также стр. [149](#).

является как раз констатацией того факта, что чем новее, оригинальнее, “безумнее” идея, тем больше шансов на успех она имеет, так как для создания фундаментальной физической теории нужны поистине революционные идеи.

Достижение нового в творческой деятельности не является самоцелью. Оно направлено на разрешение противоречия между субъектом деятельности — человеком и объектом деятельности — окружающей действительностью. Поэтому эвристическая функция идеи, будучи средством достижения нового, является в то же время формой разрешения присущего идее субъект-объектного противоречия.

Глава 3. Категориальный строй мышления

Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий
И. Кант

Категории мышления

Вопрос “*как мы думаем?*” предполагает также обращение к *категориям* — структурным элементам мысли, которые фигурируют в философской литературе под именем философских категорий-понятий. Человек думает, решает умственные задачи не иначе как с помощью *категорий*. Последние — инструменты мышления, идеальные орудия человеческой деятельности.

Когда философы обсуждают проблему категорий как свое внутреннее дело, т.е. как проблему исследования и систематизации *философских* категорий, то нельзя не увидеть некоторый отпечаток профессиональной ограниченности, субъективности на этой проблеме. В зависимости от личного опыта и склада ума одни философы считают эту проблему искусственной, надуманной, вчерашним днем философии, а другие считают ее важной, заслуживающей внимания *философской* проблемой. В том и другом случае проблема категорий субъективно ограничена и не поддается разумному решению. Суть в том, что надо выйти за рамки этой проблемы и взглянуть на дело шире, не с чисто философских, узко цеховых позиций, а с точки зрения объективной, естественной систематики категорий. Хотят или

не хотят философы обсуждать проблему категорий, независимо от них она властно заявляет о себе как необходимость мыслить сознательно-системно, во всеоружии категориального аппарата мышления.

Бессознательно люди давно уже мыслят системно. Для этого они выработали целый комплекс вопросов: что? кто? чей? когда? где? куда? откуда? как? какой? каким образом? в какой мере? сколько? почему? отчего? зачем? для чего? ради чего? как возможно? что делать? и т.д. В этих вопросах отчетливо проглядывают категориальные формы мышления. (Философы, кстати, являются своего рода повивальными бабками, помогающими рождению, т.е. осознанию людьми категорий мышления — под видом философских категорий и понятий.)

Категориальная логика мышления

Категории функционируют, работают, действуют в нашем мышлении, хотим мы этого или нет, более того, они формируют, организуют, упорядочивают мышление. В самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок. Люди мыслят в той степени, в какой они пользуются категориями. Впервые об этом со всей определенностью сказал *И. Кант*: "Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий"¹. Это открытие Канта базируется на солидной философской традиции, начало которой положил *Платон* и которую в новое время поддержали великие рационалисты *Декарт*, *Спиноза*, *Лейбниц*.

В платоновской теории воспоминания (анамнесиса) содержится догадка и о категориальном строе мышления и об объективных категориальных определениях мира.

Вот что пишет по этому поводу *А.Ф. Лосев*: "Платоновская концепция "воспоминания" и связанная с ним концепция потустороннего мира, бессмертия души, когда-то воочию созерцавшей вечные идеи, а теперь в земной оболочке только смутно о них припоминающей, — все это не что иное, как явная мифология..."

Действительно, мифология здесь отчасти присутствует в традиционном, вернее, в орфико-пифагорейском виде. Поскольку здесь, однако, проделана огромная логическая работа и потусто-

¹ Кант И. Соч. в 6-и т.т., т. 3, М., 1964. С. 214.

ронний мир мыслится уже как система родовых общностей, разумно и целесообразно определяющих собой протекание материальной действительности, постольку от старой наивной мифологии остается немного (...) Платоновские идеи-мифы есть не что иное, как априорные формы и бытия, и мышления; но этот априоризм не субъективно-идеалистический, а объективно-идеалистический, т.е. априорные формы и бытия, и мышления заложены прежде всего в самом же бытии, а уже потом в результате отражения этих объективно-априорных форм в человеческом субъекте оказываются заложенными в этом последнем"¹.

Учение *Декарта* о врожденных идеях является значительным шагом в осознании категориальной природы мышления.

Развивая декартовскую концепцию врожденности важнейших принципов мышления, *Лейбниц* вместо сенсуалистического образа человеческой души как чистой доски ввел сравнение ее с глыбой мрамора, прожилки которого намечают формы будущей статуи. Он говорил об общих принципах и понятиях, которыми люди "пользуются, не отдавая себе в этом отчета":

"Ведь общие принципы входят в наши мысли, душу и связь которых они составляют. Они необходимы для них, подобно тому как для ходьбы необходимы мышцы и сухожилия, хотя мы об этом и не думаем. Дух ежеминутно опирается на эти принципы, но ему нелегко вскрыть их и представить себе отчетливо и порознь, так как это требует с его стороны большого внимания к тому, что он делает, — внимания, которым не обладает большинство людей, мало привыкших к размышлению. Разве китайцы не обладают, подобно нам, членораздельными звуками? Однако, привыкнув к другому способу письма, они еще не додумались до того, чтобы составить себе алфавит этих звуков. Так и мы обладаем множеством вещей, не зная этого"².

Лейбниц говорил даже о "природной логике", свойственной человеческому мышлению³. И еще: "природа потрудились не даром, запечатлев в нас врожденные познания, так как без них никакими средствами невозможно было бы приобрести актуальное знание необходимых истин в науках, основанных на логических доказательствах, и понятия основания фактов"⁴.

¹ См.: Платон. Соч., т. 1, М., 1990. С. 818.

² Лейбниц. Соч. в 4-х т., т. 2. М., 1983. С. 77, 85-86.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 88.

Открытие Канта воспринял и развил Гегель. Вся логическая система Гегеля есть не что иное, как грандиозная попытка открыть естественную систематику категорий. Кант только поставил проблему, Гегель же попытался ее решить.

У Гегеля можно встретить немало высказываний о *естественной логике* мышления, естественной системе категориальных определений.

"В жизни, — пишет он, например, — уже *пользуются* категориями; они лишаются чести рассматриваться особо и низводятся до *служения* духовной выработке живого содержания, созданию и сообщению друг другу представлений, относящихся к этому содержанию. С одной стороны, они ввиду своей всеобщности служат *сокращениями* (...) С другой стороны, они служат для более точного определения и нахождения *предметных отношений*... Такое применение категорий, которое в прежнее время называлось *естественной логикой* (курсив мой — Л.Б.), носит бессознательный характер".

Ниже Гегель говорит о "формах мысли", "которые проходят через все наши представления".

Нам кажется, что они "нам служат, что мы обладаем ими, а не наоборот, они нами". На самом деле, отмечает он, дело обстоит иначе: "когда мы хотим говорить о *вещах*, их *природу* и их *сущность* мы равным образом называем *понятием*, которое существует только для мышления; о понятиях же вещей мы имеем гораздо меньшее основание сказать, что мы ими владеем или что определения мысли, комплекс которых они составляют, служат нам; напротив, наше мышление должно ограничивать себя сообразно им и наш произвол или свобода не должны переставлять их по-своему. Стало быть, поскольку субъективное мышление есть наиболее характерная для нас деятельность, а объективное понятие вещи составляет самую суть (Sache), то мы не можем выходить за пределы ее, и столь же мало мы можем выходить за пределы природы вещей (Natur der Dinge)".

"... сказанного нами, — заключает философ, — будет вполне достаточно для уяснения той точки зрения, согласно которой исчезает отношение, выражающееся в том, что определения мысли берутся только как нечто полезное и как средства".

И еще: "Пронизывающая все наши представления, цели, интересы и поступки деятельность мышления происходит, как сказано, бессознательно (естественная логика)". Ниже Гегель еще

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 85.

раз говорит об "инстинкте здравого смысла" и об "инстинктивном действии естественной логики"¹.

В своей обычной абстрактно-философской, идеалистической манере немецкий философ высказывает по существу правильную мысль, что категории, понятия выражают объективную природу вещей и именно в силу этого они подчиняют себе субъективную деятельность мышления, "владеют нами".

Далее Гегель отмечает, что категории мышления нельзя рассматривать как "формы, которые только *касаются содержания*, а не составляют самого содержания"².

"Непременная основа, понятие, всеобщее, — пишет он, — которое и есть сама мысль, поскольку только при слове "мысль" можно отвлечься от представления, — это всеобщее нельзя рассматривать *лишь* как безразличную форму *при* некотором содержании. Но эти мысли обо всех природных и духовных вещах, само субстанциальное *содержание*, представляет собой еще такое содержание, которое заключает в себе многообразные определенности и еще имеет в себе различие души и тела, понятия и соотносимой с ним реальности; более глубокой основой служит душа, взятая сама по себе, чистое понятие сердцевина предметов, их простой жизненный пульс, равно как и жизненный пульс самого субъективного мышления о них"³.

Аналогичные рассуждения мы находим и в Малой логике:

"Утверждать о категориях, что они сами по себе пусты, будет не основательно, поскольку они имеют содержание уже потому, что они *определены*. Содержание категорий, правда, не есть чувственно воспринимаемое, пространственно-временное содержание, однако последнее мы должны рассматривать не как недостаток категорий, а скорее как их достоинство. Это обстоятельство находит признание уже в обыденном сознании: мы говорим, например, о книге или о речи, что они *полны содержанием*, когда мы в них находим мысли, всеобщие выводы и т.д. (...) Этим, следовательно, обыденное сознание также определенное признает, что для того чтобы быть содержанием, требуется нечто *большее*, чем один лишь чувственный материал, и это большее есть не что иное, как мысли, а в данном случае прежде всего *категории*. При этом следует еще заметить, что утверждение, будто бы категории сами по себе пусты, несомненно, правильно и в том смысле, что мы не должны останавливаться на них и их

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 85, 86, 87, 89.

² Там же. С. 87.

³ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 88.

тотальности (на логической идее), но должны двигаться вперед, к реальным областям природы и духа. Однако мы не должны понимать это движение вперед так, будто благодаря ему к логической идее прибавляется извне чуждое ей содержание, а должны понимать движение вперед так, что именно собственная деятельность логической идеи определяет себя к дальнейшему и развивается в природу и дух"¹.

В этих идеалистических по форме высказываниях заключены важные мысли, которые можно было бы сформулировать так.

Каждая категория — не только момент системы, но и сама является системой более частных категорий и понятий. Она — вершина гигантской пирамиды понятий. И в целом система категорий — это вершина пирамиды всех человеческих понятий. Как с помощью трех десятков букв в алфавите выражается все богатство человеческого языка, так с помощью нескольких десятков категорий выражается все многообразие человеческих понятий и, соответственно, объективного мира.

В "Философии природы" мы находим замечательное сравнение системы определений (категорий) мышления с алмазной сетью: "метафизика есть не что иное, как совокупность всеобщих определений мышления, как бы та алмазная сеть, в которую мы вводим любой материал и только этим делаем его понятным"².

Утверждая мысль о естественной системе категорий мышления Гегель ставил задачу *осознания, сознательной реконструкции* этой системы. "Задача философии, — отмечает он в Малой логике, — состоит лишь в том, чтобы ясно осознать то, что люди издавна признавали правильным относительно мышления.

Философия, таким образом, не устанавливает ничего нового; то, что мы получили здесь с помощью нашей рефлексии, есть непосредственное убеждение каждого человека"³.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1, М., 1974. С. 160.

² Гегель. Энциклопедия филос.наук. Т. 2. М., 1975. С. 21.

³ Гегель. Энциклопедия филос.наук. Т. 1. С. 119.

В "Науке логики" Гегель подробно рассматривает процесс сознательной реконструкции естественной логики мышления:

"Инстинктивная деятельность отличается от руководимой интеллектом и свободной деятельности вообще тем, что последняя осуществляется сознательно; поскольку содержание побудительного мотива выключается из непосредственного единства с субъектом и доведено до предметности, возникает свобода духа, который, будучи в инстинктивной деятельности мышления связанным своими категориями, расщепляется на бесконечно многообразный материал. В этой сети завязывается там и сям более прочные узлы, служащие опорными и направляющими пунктами жизни и сознания духа; эти узлы обязаны своей прочностью и мощью именно тому, что они, доведенные до сознания, суть в себе и для себя сущие понятия его сущности. Важнейший пункт, уясняющий природу духа, — это отношение не только того, что он есть *в себе*, к тому, что он есть *в действительности*, но и того, чем он *себя знает*; так как дух есть по своей сущности сознание, то это знание себя есть основное определение его *действительности*. Следовательно, высшая задача логики — очистить категории, действующие лишь инстинктивно как влечения и осознаваемые духом прежде всего разрозненно, тем самым как изменчивые и путающие друг друга, доставляющие ему таким образом разрозненную и сомнительную действительность и этим очищением возвысить его в них к свободе и истине"¹.

В этом фрагменте Гегель говорит о двух ступенях осознания категорий. На первой ступени осознание, по его мнению, протекает стихийно (в сети мышления "завязываются там и сям прочные узлы, служащие опорными и направляющими пунктами жизни и сознания духа"). Это осознание именно в силу своего стихийного характера является неполным, половинчатым. Категории в этом случае осознаются духом "разрозненно" и "тем самым как изменчивые и путающие друг друга, доставляющие ему /духу/ таким образом разрозненную и сомнительную действительность". Здесь Гегель довольно точно схватил самую суть стихийного процесса осознания категорий. В самом деле, при полусознанном оперировании категориями последние мыслятся разрозненно, не в системе. Отсюда их чрезмерная изменчивость (т.е. "плавание" их значения в весьма широких пределах); отсюда же их путаница (раз ка-

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 88.

тегории недостаточно определены в своих границах, возникает опасность их смешения, занятия одними категориями "территории" других). Пока категории не определены *в системе*, до тех пор они будут многозначны, расплывчаты в своем содержании, до тех пор будет возникать путаница в их употреблении и до тех пор люди будут относиться с недоверием к ним как инструментам мышления.

Гегель как раз и ставит задачу (вторая ступень осознания) "очистить категории", т.е. выявить, открыть, реконструировать систему категорий. Ведь "дух, — отмечает он, — есть по своей сущности сознание", т.е. "знание себя есть основное определение его действительности". В другом месте Гегель поясняет: "имея дело с определениями мысли, которые вообще пронизывают наш дух инстинктивно и бессознательно и которые остаются беспредметными, незамеченными, даже когда они проникают в язык, логическая наука будет также *реконструкцией* (курсив мой — Л.Б.) тех определений мысли, которые выделены рефлексией и фиксированы ею как субъективные, внешние формы по отношению к материалу и содержанию"¹.

Гегель в общем-то правильно ставит задачу: реконструировать стихийно сложившуюся систему категорий мышления. Не изобретать, не выдумывать, не рассуждать по поводу отдельных категорий, а воссоздать бессознательно или полусознанно действующую в мышлении систему категорий!

В современных научных исследованиях происхождения человеческого мышления ученые приходят к тем же выводам, которые делали раньше великие философы. И то, что у философов носило характер догадки, у современных ученых приобретает характер научно обоснованных утверждений. Немецкий психолог *Ф. Кликс* совершенно четко указывает, например, на наличие у архаического мышления определенной категориальной организации. "Когнитивное расчленение реальности, — пишет он, — отражается в системе языковых названий. Свое исторически самое

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 91.

раннее выражение оно получает в классификационных системах архаического мышления"¹.

Вот как по Кликсу происходит категоризация мыслительного акта:

"Соединение признаков в определенное единство, зафиксированное в памяти, образует понятийную структуру. В соответствии с этим определением понятийные структуры являются основой когнитивной категоризации. Представители определенного множества объектов могут быть распознаны, то есть отнесены к соответствующему понятию, при помощи сопоставления перцептивной информации со структурой признаков, зафиксированной в памяти" (с. 158).

(Это почти по Гегелю: "совокупность всеобщих определений мышления" — "как бы та алмазная сеть, в которую мы вводим любой материал и только этим делаем его понятным").

Кликс указывает на жизненно важное значение категориальной организации мышления:

"... классификационные системы не просто облегчают ориентировку в необозримо многообразном мире, но собственно и делают ее возможной. Названия же способствуют сохранению в памяти именно тех данных, которые значимы для достижения целей в определенной ситуации. Становится возможным гигантский шаг вперед: из необозримого богатства воспринимаемого мира отбирается самое существенное и благодаря классификации сохраняется в памяти. Происходит когнитивное освоение некоторых форм проявления объективной реальности. Именно в этом глубокий рациональный смысл архаического классифицирования, а также причина происходящего с тех пор постепенного преобразования классификационных систем"².

На примере формирования каузальных представлений Кликс показывает, как происходил на архаическом уровне процесс осознания всеобщих категориальных определений мышления:

"Уже собственные действия человека порождают первые непосредственные представления о причинах и следствиях: предметная активность человека вторгается в окружающий мир и изменяет некоторые его воспринимаемые свойства. Аналогично регистрируются воспринимаемые природные процессы: то, что совершается, всегда является следствием чего-то. Там, где есть

¹ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983, С. 158.

² Там же. С. 161.

явление, есть и сущность — независимо от того, идет ли речь о сновидении, воображении или реальном восприятии; а там, где есть событие, есть и причина. В самых фантастических домыслах анимистического мышления по поводу связей реального мира обнаруживается эта важнейшая предпосылка будущего интеллектуального прогресса. Разумеется, в качестве такой предпосылки она никогда явно не эксплицировалась; исторически соответствующие экспликации появились спустя тысячелетия в первых философских системах. Однако она является жизненно важным принципом, более того — одним из первых надежно установленных правил когнитивного принятия решений¹.

Кликс считает, что уже на стадии архаического мышления люди по-своему сознавали всеобщий характер причинной обусловленности явлений. "Осознание причинной обусловленности всех явлений, — пишет он, — само становится причиной поиска знака или предзнаменования"².

Категориальный строй мышления выражает его упорядоченность, соответствующую упорядоченности реального мира. В свое время французский ученый *Л. Леви-Брюль* выдвинул теорию об *алогическом* или *дологическом* характере мышления первобытного человека. Критикуя эту теорию, отечественный ученый *В.П. Алексеев* в книге "Становление человечества" убедительно показывает, что человек с самого начала руководствовался в своей деятельности "рационально-логическими правилами", которые являются, по его словам, отражением "важнейших природных отношений":

"Даже самые простые формы существования и трудовой деятельности требуют неукоснительного соблюдения рационально-логических правил, без такого соблюдения неотвратимое действие законов природы сметает все, им противостоящее. Первобытное общество чрезвычайно медленно, но все же прогрессивно развивалось, и первым условием такого прогрессивного развития могло быть только рационально-логическое осознание важнейших природных отношений первобытной психикой, реализующей на более высоком, качественно другом уровне те целесообразные проявления, которые характерны еще для рефлекторного поведения животных.

Итак, в сфере эмпирического опыта изначально должна была господствовать рациональная логика, рационально должны бы-

¹ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 164-165.

² Там же. С. 165.

ли истолковываться природные явления и процессы, рациональны должны были быть реакции первобытного человека на окружающие его явления природы и их сезонный ритм, рационален, наконец, должен был быть первобытный человек в своем повседневном быту. Только такое в высшей степени рациональное поведение, осторожное, осмысленное и предусмотрительное, могло способствовать преодолению трудностей борьбы с природным окружением и соседними коллективами, создать предпосылки для успеха на охоте и, следовательно, для получения и создания достаточных запасов пищи, помочь сделать первые шаги в организации простейшего быта...

Как бы ни была примитивна первоначальная орудийная деятельность, но в ней наверняка было больше осмысленности, она должна была, не могла не подчиняться логическому осмыслению, а наблюдаемые в ходе орудийной деятельности связи между человеческими действиями и предметами (ударные или подправочные действия — изменение формы предметов — пригодность к использованию их в качестве орудий) не могли не фиксироваться логикой сознания, чтобы затем определенные действия могли быть повторены без лишней затраты сил и с большим эффектом. Иррациональная логика в данном случае, фиксация сознанием мнимых, а не действительных отношений между человеческими действиями и внешними предметами завела бы любые формы орудийной деятельности в самом начале ее в тупик...

Таким образом, самый элементарный анализ той сферы сознания, которая охватывает эмпирический опыт, показывает, что эта сфера у первобытного человека, как и у человека развитого современного общества, есть сфера чистой логики, никакой иррационализм, никакое сопричастие не по действительным, а по кажущимся связям в ней невозможны, эмпирический опыт сразу перестает быть тем, что он есть, а именно могучим стимулом прогресса. Эмпирические наблюдения, иррационально истолкованные, сразу ввергают любой первобытный коллектив в пучину бедствий и автоматически исключают возможность его дальнейшего развития¹.

Выдающийся русский филолог-славист *А.А. Потебня* более ста лет назад писал о происхождении категорий:

"... труды обособившихся наук и таких-то по имени ученых являются здесь (в истории языка — Л.Б.) лишь продолжением деятельности племен и народов. Масса безымянных для нас лиц, масса, которую можно рассматривать как одного великого философа, уже тысячелетия совершенствует способы распределения по общим разрядам и

¹ Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 242-244.

ускорения мысли и слагает в языке на пользу грядущим плоды своих усилий"¹.

В отечественной философии последних десятилетий неоднократно высказывались мысли о категориальном строе мышления. Например, *М.М. Розенталь* писал в 1957 году: "Если в обыденном мышлении категории эти (философские категории — Л.Б.) применяются большей частью неосознанно, то в науке мышление, сознательно опирающееся на логические категории, является необходимостью"².

А.Т. Артюх отмечал в книге "Категориальный синтез теории", что "в действительности категории — это средства человеческого мышления как они функционируют в процессе мыслительной деятельности. Мы их называем философскими, учитывая, что указанный аспект мышления... изучает философия"³. *А.Т. Артюх*, наверное, один из первых в отечественной философии употребил выражение "категориальный строй мышления"⁴. Им и другими философами употреблялись также выражения "категориальный аппарат мышления", "категориальная структура мышления", "категориальный каркас мышления", "категориальная сетка мышления".

Е.П. Ситковский, комментируя Малую логику Гегеля, солидаризировался с последним в вопросе о естественной логике мышления.

"Гегель правильно заметил, — пишет он, — что человек всегда, в любом эмпирическом размышлении инстинктивно пользуется категориями логики (§ 3), применяет их бессознательно, низводя их до служения повседневной практике. Гегель правильно констатирует, что в самом первоначальном чувственном знании фигурирует всеобщее ("это", "теперь", "здесь" и т.д.)...

Человек в повседневной жизни в известном смысле действительно пользуется категориями априорно, но не в смысле происхождения категорий внеопытным порядком, а так, что, возникнув из опыта и развившись на опытной базе, они впоследст-

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 641-642.

² См.: Категории материалистической диалектики. М., 1957. С. 414.

³ Артюх А.Т. Категориальный синтез теории. Киев, 1967. С. 16.

⁴ Там же. С. 24.

вии предваряют опыт, и люди пользуются ими автоматически или (...) аксиоматически. Этот аксиоматизм возникает, говоря более точно, из практической деятельности"¹.

Итак, суть дела в следующем. Мир в некотором роде упорядочен; эта упорядоченность выражается в определенной категориальной структуре или, по-другому, в естественной системе категориальных определений мира. Наше мышление отражает категориальную структуру мира в виде стихийно сложившейся системы категорий мышления, категориального строя. Философы осмысляют, исследуют обе эти системы категориальных определений, вырабатывают философские понятия, категории, которые более или менее адекватно отражают и естественную систему категориальных определений мира и категориальный строй мышления.

Ниже на рис. (см. следующую стр.) наглядно показаны связь и различие трех типов категориальных определений.

Первичными категориальными определениями являются определения самого мира, его самоопределения, т.е. естественная система категориальных определений, которая (как и мир в целом) существует независимо от человека и человечества. Вторичными категориальными определениями являются категории мышления, точнее стихийно сложившаяся система категорий мышления (категориальный строй мышления). Третичными категориальными определениями являются философские категории и понятия. Аристотель, Гегель и другие философы пытались, в сущности, *открыть* естественные системы категорий мышления и категориальных определений мира. Эти попытки шаг за шагом приближали человечество к разгадке указанных систем.

Учитывая, что категориальная логика является в конечном счете отражением естественной системы категориальных определений мира, ее с полным правом можно назвать *категориальной картиной мира*.

Итак, в самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок.

¹ См.: Гегель. Энциклопедия филос.наук. Т. 1, М., 1974. С. 29.

Рис. Типы категориальных определений (источники построения категориальной картины мира)

Если мы бессознательно пользуемся стихийно сложившейся категориальной логикой мышления, то спрашивается, зачем нужно еще открывать ее, строить адекватную систему философских категорий? Дело в том, что настоящая "отдача" категорий мышления как идеальных орудий деятельности возможна лишь при условии осознания их в системе. Стихийное, полусознанное использование кате-

горий чревато постоянными "кренами", абсолютизацией одних категорий в ущерб другим.

Осознание категориальной логики в ходе исторического развития человеческой мысли протекало неравномерно. Отсюда, в частности, разноголосица философских учений и взглядов. Категориальная культура мышления может быть основана только на достаточно полном и уравновешенном представлении о системе категорий мышления, а через нее — об объективной системе форм бытия, категориальных определений мира.

Как категории работают-проявляют себя?

Категории мышления формируются и функционируют, как правило, помимо сознания человека и выступают либо (1) в виде образов-символов, либо (2) в языке, либо (3) в виде понятий, либо (4) в различных формах и методах деятельности.

(1) *Образы-символы категорий* весьма многообразны. Вот некоторые примеры:

круг-шар часто служил для древних людей образом-символом вечности, незыблемости, порядка;

В древнегреческой философии образом-символом всеобщего изменения-движения было выражение "*все течет*" (*panta rei*).

В китайской философии своеобразными образами-символами-понятиями были *ян* и *инь*. Исходное значение: пасмурная и солнечная погода или тневая и солнечные стороны (например, горы и ущелья). Древнекитайские мыслители использовали бинарность данного противопоставления для выражения многих противоположных и сменяющих друг друга явлений-сил: света и тьмы, солнца и луны, огня и воды, активности и пассивности, мужского и женского начал, неба и земли, порядка и беспорядка и т.п.

знак " ∞ " является символом математической бесконечности;

"*круг времени*" и "*стрела времени*" являются образами-символами временной обратимости и необратимости.

"*Золотая середина*" — образ-символ меры.

В выражении “ничто не ново под луной” луна является образом-символом неизменности, вечного повторения одного и того же.

В пушкинской строке “И случай — бог-изобретатель” мы видим образ случайности. Такую же категориально-образную функцию выполняют выражения “жребий брошен”, “мы все ходим под богом”, “стечение обстоятельств”.

(2) *Выражение категорий в языке.*

1. Категории прежде всего выражаются в *структуре* языка, в *членораздельной* речи. Грамматические части речи — пусть весьма приблизительно и упрощенно — выражают основные категории мышления. Имя существительное — материю, тело, вещь, организм, существо. Имя прилагательное — качество. Имя числительное — количество. Глагол — движение, действие, деятельность.

Особое место в структуре языка занимают местоимения и местоименные наречия. Они являются своеобразными языковыми эквивалентами-заместителями категорий. Можно составить такую таблицу (см. ниже).

<i>виды местоимений и наречий</i> категории	<i>вопросительные местоимения</i>	<i>другие местоимения, наречия</i>	<i>отрицательные местоимения, наречия (тени категорий)</i>
<i>материя, тело, вещь, объект, предмет</i>	что? что-то что-именно	что-то, что именно, этот, тот, нечто	ничто
<i>живое существо, человек, субъект</i>	кто?	кто-то, кто именно, некто, все, каждый	никто
<i>качество</i>	какой?	такой, этаким, какой-то, какой именно, некий	никакой
<i>свойство</i>	чей?	чей-то чей именно	ничей
<i>количество</i>	сколько? насколько? какой?	столько, настолько, несколько больше, меньше	нисколько
<i>движение</i>	куда? откуда?	сюда, туда, отсюда, оттуда	никуда ниоткуда
<i>время</i>	когда?	теперь, сейчас, раньше, потом, иногда, всегда	никогда
<i>пространство</i>	где?	здесь, там, везде, повсюду	нигде
<i>мера</i>	в какой мере?	в меру	
<i>причина</i>	почему? отчего?	потому, поэтому оттого, из-за того,	

	по какой причине? вследствие чего?	из-за этого по причине этого вследствие этого	
<i>возможность</i>	можно? как возможно?	можно возможно	нельзя, невозможно
<i>действительность</i>	в самом деле? на самом деле? действительно ли?	действительно, в самом деле	недействительно
<i>случайность явления</i>	что случилось? что произошло? что такое?	по случаю	
<i>цель</i>	зачем? с какой целью?	затем, с целью	низачем бесцельно
<i>средство</i>	как? каким образом?	так, этак, вот так,	никак
<i>результат</i>	какой результат? что в результате?		без результата
<i>деятельность, действие</i>	что делать?		

Вопросительные местоимения и местоименные наречия — это самые настоящие пра- или прото-категории.

По мере того, как подрастающий человек осваивает членораздельную речь, формируется категориальный строй его мышления. Наиболее интенсивно это происходит в возрасте “почемучки”, так талантливо описанном К.И. Чуковским в книге “От двух до пяти”. Когда ребенок задает окружающим бесчисленные вопросы, то он не просто любопытствует, собирает-впитывает в себя информацию, а учится мыслить *категориями, при помощи категорий*. Ведь вопросы задаются им в основном в форме вопросительных местоимений и наречий.

Фундаментальный характер некоторых вопросов давно был осознан людьми. Свое понятие о категориях Аристотель строил в значительной мере на основе вопросительных слов: “что?” (категория сущности), “сколько?” (категория количества), “какой?” (категория качества) и т.д. Арабский философ IX века Абу Юсуф Якуб бен Исхак аль-Кинди писал: “Чтобы познать что-либо, следует ответить на четыре вопроса: Есть ли это? Что это? Каково это? Почему это?”. Английский писатель Р. Киплинг выразил примерно эту же мысль в поэтической форме:

Есть у меня шестерка слуг, проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, — все знаю я от них.
Они по знаку моему являются в нужде.

Зовут их: Как и Почему, Кто, Что, Когда и Где.

Нельзя не упомянуть также Раймунда Луллия. Стремясь переработать схоластическую логику, он выдвинул ряд новых идей. Среди них — учение о вопросах. Вопросы, по Луллию, служат орудием открытия истины. Он разделял их на девять групп: “ли?”, “что?”, “из чего?”, “почему?”, “как велико?”, “какого качества?”, “когда — где?”, “чем?”, “как?”¹.

Интересно еще отметить, что в риторике есть так называемые *семь вопросов*: Quis?, Quid?, Ubi?, Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Эти вопросы призваны, развивая мысль, выявлять лицо, деяние, место, соучастников, цель, способ и время².

2. Категории выражаются также в словах, предложениях, фразах, текстах, т.е. не только в структуре языка, но и в его содержании, материале. Возьмем для примера категорию возможности. Вокруг нее — целый куст отдельных слов, словосочетаний, выражений: *мочь, можно, могущий, возможно, невозможно, возможный, возможность, может быть, как можно, через не могу, по возможности, по мере возможности, есть возможность, насколько возможно, иметь возможность, дать возможность, реальная возможность, абстрактная (формальная) возможность, юридическая возможность, фактическая возможность, большие возможности, безграничные возможности, упущенная возможность, любопытная возможность, интересная возможность, возможность роста, при первой возможности, до последней возможности, “если бы молодость знала, если бы старость могла!”*, “хочу и могу”. Это лишь немногие слова, словосочетания и выражения, обозначающие разные стороны категории возможности. Если же взять предложения, фразы, тексты, в которых фигурирует рассматриваемая категория, то их бесчисленное множество. В них, в этой стихии языка, она живет,

¹ См.: Берков В.Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972. С. 12.

² См.: Сомов В. По-латыни между прочим. Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 109.

функционирует, действует, развивается. И так обстоит дело с каждой категорией мышления.

(3) В понятиях категории не просто выражаются, а осознаются, осмысливаются.

То, что обычно называют философскими категориями, на самом деле — понятия-категории, т.е. понятия, представляющие, выражающие категории мышления. Это всегда нужно иметь в виду при исследовании-использовании философских категорий и понятий. Они лишь отображение категорий мышления. А отображение, как мы знаем, может быть неверным, искаженным, неполным и т.д. История философии дает вторичный материал для исследования категорий мышления. Первичный материал — в естественном мышлении и языке, в различных формах, методах и результатах человеческой деятельности. Некоторые философы ошибочно ставят знак равенства между естественным и обыденным мышлением и на этом основании третируют первое, утверждая, что только философское мышление — мышление в категориях и только философы знают, что такое категории. Это высокомерие философов опасно. Оно ведет к самоизоляции и творческому бесплодию.

С другой стороны, труд философов нужно уважать, потому что именно в философских понятиях категории по-настоящему осознаются, осмысливаются как структурные элементы мысли.

(4) О выражении категорий в различных формах и методах деятельности см. ниже, раздел “Методологическая функция категориальной логики”.

“Кухня” категориальной логики

Логика предмета требует, чтобы мы рассказали хотя бы в общих чертах о “кухне” категорий, о том, что собственно представляет собой категориальная логика.

Пока твердо установлено, что категории располагаются парами (диадами) или триадами (обнаружены связи типа “пространство-время”, “необходимость-случайность”, “качество-мера-количество”). Философы давно пытаются открыть связи более высокого порядка — не между отдельными категориями, а между категориальными парами, се-

мействами. Пока эти попытки не увенчались сколько-нибудь неоспоримыми находками. Тем не менее они продолжаются, не могут не продолжаться, так как философы никогда не смиряются с полухаотическим представлением выявленного множества категорий и понятий.

Итак, категории рассматриваются философами обычно в составе определенных категориальных блоков или подсистем. Это значит, что каждая категория является либо противоположностью другой, либо промежуточным звеном, либо синтезом противоположных категориальных определений.

Кроме того, каждая категория сама является системой более частных категорий и понятий. Выше мы уже говорили о том, что категория потому и категория, что внутри себя образует систему понятий, являясь в подлинном смысле категорией, т.е. разрядом, классом определенного рода понятий.

Подчиненные категории понятия выражают различные ее стороны, моменты и частные виды. Эти понятия по отношению к категории являются *субкатегориями*. Например, субкатегориями количества, выражающими ее отдельные стороны, являются непрерывное и дискретное. Частными видами категории являются такие ее субкатегории, как "величина", "множество", "число". Категория по отношению к своим субкатегориям выступает как *родительская* категория.

Помимо субкатегорий существуют такие понятия, которые носят межкатегориальный характер, т.е. объединяют в себе различные категориальные определения. Это можно объяснить так. Мышление имеет определенную категориальную структуру. Категории — узловые пункты в сети мышления. Кроме них существует большое количество общих понятий, которые либо распределены между категориями, т.е. входят в понятийный аппарат отдельных категорий, либо принадлежат сразу двум или нескольким категориальным семействам и, следовательно, носят межкатегориальный характер.

Благодаря *межкатегориальным* понятиям категории как бы отражаются друг в друге, скрещиваются, сплавляются. Это аналогично тому, как химические элементы,

вступая в химическую связь, образуют те или иные химические соединения. Межкатегориальные понятия — это "химические соединения" различных категорий.

Два примера. Основное значение категории "качество" представлено понятием "качество" и фиксируется ее положением в подсистеме "качество-мера-количество". А одно из отраженных значений категории (отражение ее в категории "изменение") представлено такими межкатегориальными понятиями, как "превращение", "скачок", "качественное изменение". Далее, если "величина", "множество", "число" являются чисто количественными понятиями, т.е. относятся только к категории количества, то такие понятия, как "длина", "размер", "объем" имеют не только количественное содержание. Они являются своеобразным симбиозом двух категориальных форм мышления: количества и пространства. Это количественно-пространственные понятия.

Таким образом, категории, с одной стороны, жестко закреплены, зафиксированы в одном положении (месте системы категорий), а с другой, они "гуляют" по всей системе категорий в виде отраженных значений межкатегориальных понятий, отражаясь практически во всех других категориях.

Представление о межкатегориальных связях и понятиях снимает дилемму гибкости и жесткости системы категорий, обнаруживает совместимость того и другого. Жесткость категории обусловлена ее "привязанностью" к одному и только одному месту в системе категорий. Гибкость категории обусловлена ее рефлексией (отражением) в других категориях.

Нужно иметь в виду также следующее. Трудность исследования и использования категорий состоит в том, что их языковые носители — слова употребляются неоднозначно в языковой практике, в философской и научной литературе. Наряду с категориальными значениями функционируют различные формы некатегориального значения слов, обозначающих категории. Отсутствие ясного понимания этого факта приводит к путанице понятий, к смысловым искажениям категорий.

Практически нет ни одной категории, которая выражалась бы однозначным словом-термином. Слова, выражающие те или иные философские категории, являются *многозначными*. Категориальное значение для них — не единственное. Этот факт необходимо учитывать при исследовании и сознательном применении категорий.

Слова, обозначающие категории, употребляются, по крайней мере, в трех некатегориальных значениях: 1) узком значении более частного понятия, подчиненного данной категории. Например, понятие "вещество" является частным по отношению к категории материи; 2) расширенном значении. Например, слово "качество" употребляется в значении "определенность предмета вообще" или слово "действительность" — в значении "реальность"; 3) смещенном значении понятия, представляющего другую категорию. Например, слово "мера" употребляется в значении "мероприятие" или слово "качество" — в значении "признак предмета".

Чем же обусловлена многозначность слов, обозначающих категории? Ответ следует искать в истории языка. Этимология категориальных слов восходит к синкретическим (слитным, недостаточно дифференцированным, определенным) понятийным формам-представлениям, содержание которых, как правило, намного шире содержания выкристаллизовавшихся впоследствии категорий мышления. Существование различных форм некатегориального значения слов-категорий как раз и связано с тем, что категории лишь постепенно определились в своем категориальном содержании. Эти формы — рудиментарные остатки, в которых зафиксировано содержание категориальных понятий на разных этапах их формирования как категорий.

Категории мышления — структурные элементы мысли и как таковые могут быть представлены наглядно-схематически. Язык схем и наглядных образов — особый язык, не сводимый к словесному описанию. Он несет такую смысловую нагрузку, такую информацию, которую очень трудно и порой невозможно передать с помощью обычного языка, рассуждений. Наглядно-схематическое представление категорий так же важно, как и их словесное описание. Оно позволяет осмыслить, охватить единым

взором сложные взаимоотношения категорий. Словесное описание развертывает мысль во времени и порой нелегко осмыслить рассуждения в целом. Наглядно-схематическое представление развертывает мысль в пространстве, что позволяет осуществить мысленный синтез огромного материала, спрессованного в категориях. Кроме того, наглядно-схематическое представление в некотором смысле более точно, более адекватно (по сравнению со словесным развертыванием во времени) передает реальное соотношение категорий, будь то объективные категориальные определения или категории мышления. Ведь в самой объективной реальности и, соответственно, в мышлении многочисленные категориальные определения "даны" одновременно, без выведения, как существующие друг возле друга, взаимозависимые, взаимопроникающие. Например, качественные и количественные определения присущи одновременно любым материальным объектам, а не следуют одно за другим, как у Гегеля.

Система категорий, выраженная наглядно-схематически, т. е. в табличном виде (в виде *таблицы категорий*), позволяет отчетливо проследить логические связи и соотношения между категориями.

В качестве примера наглядно-логической схемы категорий можно предложить диаграмму категории "возможность" (см. на следующей стр.).

Наглядно-логическая схема объединяет два типа соотношения категорий:

а) *взаимозависимость* противоположных категорий, предполагающая наличие промежуточного, переходного звена между ними; это один тип триады ("противоположное-промежуточное-противоположное");

б) *взаимоопосредствование* (синтез) противоположных категорий; это — другой тип триады ("тезис-антитезис-синтез").

(В скобках заметим, для Аристотеля было характерно мышление по типу "противоположное-промежуточное-противоположное", а для Гегеля — мышление по типу "тезис-антитезис-синтез". Аристотель был первооткрывателем первого типа категориального мышления, Гегель — первооткрывателем второго типа категориального мышления).

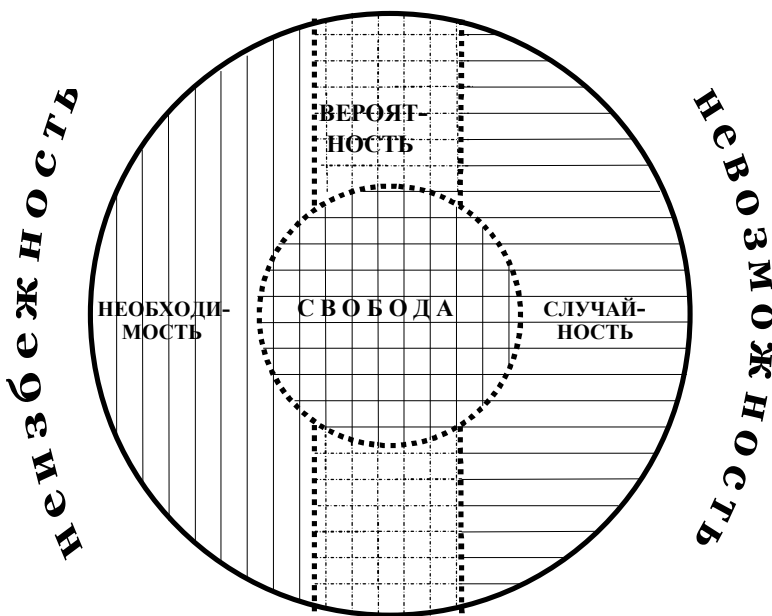

Рис. Диаграмма (структурная схема) категории "ВОЗМОЖНОСТЬ"

В неорганической природе реализуется первый тип соотношения категориальных определений (взаимозависимость противоположных сторон). В живой природе и человеческом обществе к первому типу "прибавляется" второй тип соотношения категориальных определений (взаимопосредствование).

Здесь уместно привести еще одну наглядно-логическую схему: см. на следующей стр.

Эта схема аналогично приведенной отображает соотношение трех агрегатных состояний вещества и живого организма. Она *поясняет* смысл общей схемы отображения структуры категорий. Окружающая нас на Земле неорганическая природа представлена тремя основными состояниями вещества: твердым, жидким и газообразным. Твердое тело и газ противоположны как противоположны порядок и хаос. Жидкость — промежуточное состояние вещества. Все эти состояния, хотя и переходят друг в друга, существуют все же раздельно и исключают друг друга,

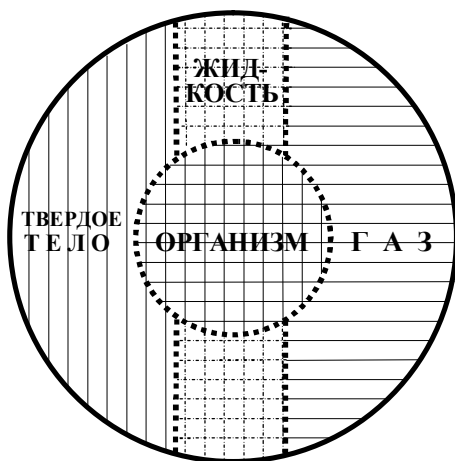

Рис. Поясняющая наглядно-логическая схема "АГРЕГАТНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВЕЩЕСТВА И ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ИХ СООТНОШЕНИЕ".

твердое тело не может быть одновременно газообразным, а газообразное — твердым. Напротив, в живых организмах эти три состояния вещества настолько совмещены, неразделимы, опосредуют друг друга, что представляют собой нечто единое, органически целостное. То же мы наблюдаем и в мире категориальных определений. Категориальные определения, характерные для неорганического мира, разделены и

исключают друг друга точно так же, как разделены и исключают друг друга твердое и газообразное состояния вещества в неживой природе. Категориальные определения, характерные для живой природы, подобно живым организмам переплетают "крепким узлом" категориальные определения неживой природы.

И последнее. О взаимоотношении противоположных категориальных определений, сторон. Категория или категории, находящиеся в центральном круге наглядно-логической схемы, представляют собой взаимоотношение противоположных категориальных определений. Их можно выразить в виде тех или иных формул взаимоотношения.

Например, поскольку *свобода* есть взаимоотношение необходимости и случайности, ее можно выразить в виде обобщенной формулы: $Св = (Н — [Сл — Н) — Сл]$,

где Св — свобода, Н — необходимость, Сл — случайность. Стоящие за этими категориями реальные формы бытия бывают различной степени сложности в зависимости от *глубины* взаимоотношения.

Категории — краски и кисти философа

Философия, в отличие от науки, не связана с какими-то отдельными наблюдениями и экспериментами. Она опирается на весь опыт человека, который неизмеримо богаче каких-либо наблюдений, экспериментов и связанных с ними гипотез, теорий. Философская картина мира использует язык категорий фундаментальных понятий, в которых сконцентрирован индивидуальный и общественно-исторический опыт человека. Категории — это краски и кисти философа, с помощью которых он пишет картину мира. Специфика философской картины мира и состоит в том, что она является *категориальной* картиной мира.

Выражение "категориальная картина мира" вполне правомерно. Слово "картина" давно употребляется в самом широком смысле, в том числе по отношению к миру в целом. Выше мы говорили о научной картине мира. В ходу такие выражения "физическая картина мира", "библейская картина мира". Чем же хорошо слово "картина"? Во-первых, "картина" означает нечто "отображающее", передающее определенное видение, чувство человека. Во-вторых, это слово говорит о целостном отображении чего-либо. Уж если картина что-то изображает, то это что-то представляется в целостном, осмысленном виде. В-третьих, слово "картина" несет ту смысловую нагрузку, что оно включает в себя не только логически осмысленный, рассудочный момент, но и момент интуитивный, конкретно-образный, субъективный.

Выражение "категориальная картина мира" передает тот факт, что описание, объяснение мира осуществляется с помощью категорий, а язык категорий — особый язык, не сводимый ни к формально-логическому рассуждательству, ни к интуитивно-гадательному мышлению.

Задача философа сродни задаче художника, пишущего картину. Подобно художнику он передает лишь свое видение мира. Вообще нужно сказать, что философские учения и системы — это лишь ступени в лестнице, ведущей к адекватному осмыслению мира. Никто из философов не вправе претендовать на истину в последней инстанции. Самое большее, на что философ может рассчитывать, это убеж-

дение в том, что его взгляды на данном этапе развития философии ближе всего стоят к истине и отвечают духу времени...

Логика соответствий и несоответствий между категориями

... в каждом роде сущего есть
нечто соответствующее чему-то

Аристотель (Метафизика 1093b)

В процессе исследования категорий автором были выявлены некоторые *соответствия* между парами, семействами категорий. Эти соответствия таковы, как будто одни и те же пракатегории "задались целью" повториться в ином обличье в каждом категориальном семействе. Это можно видеть из приводимой на следующей странице *таблицы*.

В качестве *категорий-опознавателей* в таблице приняты *тождество* и *противоположность*. Их выбор отчасти случаен, отчасти обусловлен тем, что они представляются достаточно абстрактными категориями, способными играть роль денег в сложном категориальном хозяйстве. Их также можно принять за те самые пракатегории, о которых говорилось выше. Смысл категорий-опознавателей в том, что с их помощью мы обнаруживаем, познаем соответствия между различными категориями. Например, если мы устанавливаем соответствие между тождеством и сохранением, а затем между тождеством и необходимостью, то отсюда можем заключить о соответствии между сохранением и необходимостью. Категории-опознаватели помогают выявить неочевидные соответствия, т.е. соответствия между такими категориями, которые кажутся совершенно различными и несопоставимыми.

Под "тождеством" и "противоположностью" в таблице расположены соответствующие им (соответственные) категории и понятия. Таблица фиксирует ответственность одних категорий (расположенных в одном вертикальном ряду) и несоответственность других (расположенных в разных рядах). Ответственность и несоответственность — это слабые, неполные тождество и противопо-

ложность категорий. Они представляют собой особый тип отношений между категориями.

ТАБЛИЦА СООТВЕТСТВИЙ И АНТИСООТВЕТСТВИЙ

категории- родите- льские категории	ТОЖДЕСТВО (O)	ПРОТИВО- ПОЛОЖНОСТЬ [1]
<i>мир</i>	материя	движение
<i>материя</i> (стороны) (виды)	качество тело	количество группа тел
<i>движение</i> (стороны) (виды)	пространство движение в пр-стве	время движение во времени
<i>тело</i>	целое — строение — части (система — структура — элементы)	
<i>качество</i> (стороны) (виды) (отношения)	всеобщее — общее — частное — специфическое класс, тип род-вид-разновидность, характер подобие	неподобие
<i>количество</i> (стороны) (отношения)	бесконечное — квазибесконечное — конечное непрерывное равенство	дискретное неравенство
<i>пространство</i>	симметрия	асимметрия
<i>время</i> (образы времени)	обратимость «круг времени»	необратимость «стрела времени»
<i>движение в простр.</i>	покой	перемещение
<i>движение во врем.</i>	сохранение	изменение
<i>противоречие</i> (виды) [взаимодействие]	тождество — сходство — различие — против-сть внутреннее пр-чие (связь) (единство)	внешнее противоречие (столкновение) (борьба)
<i>становление</i> (стороны) (виды)	действительность эволюция	возможность революция
<i>действительность</i>	закон — статистич. закономерность — явление (порядок) (единообразие)	явление (беспорядок, хаос) (многообразие)
<i>возможность</i>	необходимость — вероятность — случайность	
<i>явление</i>	вещь — свойство — отношение	
	абсолютное	относительное
	«и» (конъюнкция)	«или» (дизъюнкция)
	ЛАПЛАСОВСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ	ИНДЕТЕРМИНИЗМ
	рационализм	эмпиризм иррационализм

В левом столбце таблицы помещены "родительские" категории, к которым принадлежат или относятся пары противоположных категорий. (Здесь нужно указать, что каждая категория одного ряда анτισоответственна каждой категории другого ряда за исключением той, которая соотвественно противоположна ей.)

Настоящая таблица соответствий — это как бы моментальный снимок 900 соответствий и примерно такого же количества антисоответствий (в таблице указаны 30 пар соответственных категорий, отсюда число возможных соответствий будет: $30 \times 30 = 900$). Она дает общее представление о соответственности одних категорий и антисоответственности других. В этом ее ценность.

Объяснение и анализ некоторых соответствий

Начнем с простого примера: соответствия *сохранения* и *изменения* категориям-опознавателям. Что такое сохранение? Это пребывание в *одном и том же* состоянии. Налицо *тождество* состояния или состояний (что одно и то же). А изменение? В самом общем смысле — это переход из одного состояния в другое, иными словами, возникновение *различия* состояний. В своем крайнем выражении изменение есть не просто переход в другое, а в *противоположное* состояние. Таким образом, сохранение и изменение суть тождество и противоположность, взятые в аспекте "движения во времени". Такое же соответствие имеется между покоем и перемещением, с одной стороны, и категориями-опознавателями, с другой.

Теперь, если возьмем пространственное расположение, то здесь тождеству и противоположности соответствуют *симметрия* и *асимметрия*. Эти категории стали в последнее время предметом особого внимания. Их все чаще трактуют не только в пространственном, но и в самом широком смысле, связывают с понятиями тождества и различия, сохранения и изменения, обратимости и необратимости. Этот факт не случаен. Исследователи улавливают в них и через них фундаментальные соответствия между категориями и понятиями, можно сказать, нащупывают систему соответствий. В качестве категорий-опознавателей они избрали симметрию и асимметрию, и этот выбор не так уж плох. Ведь в принципе любую пару соответственных категорий можно взять в качестве категорий-опознавателей. (Все же следует сказать, что независимо от желания отдельных ученых симметрия и асимметрия остаются по преимуществу пространственными категориями, а на роль категорий-опознавателей больше подходит тождество и проти-

воположность как наиболее абстрактные категории, не связанные ни с какими специфическими отношениями, сферами бытия.) Итак, очевидно, что существо симметрии составляет тождество, совпадение, "совмещение с самим собой" при различных преобразованиях, отражениях. "Симметричной, — пишет, например, А.В. Шубников, — называется всякая фигура, которая может совмещаться сама с собой в результате одного или нескольких последовательно проведенных отражений в плоскостях"¹. Ю.А. Урманцев комментирует: "Другими словами, про симметричную фигуру можно сказать "Eadem mutata resurgo" — измененная, я воскресаю той же самой — изречение Якоба Бернулли... Эти слова удивительно метко раскрывают основное в любом виде симметрии". Сам Ю.А. Урманцев дает такое обобщенное определение: "Симметрия — это категория, обозначающая любые из признаков "П" объекта "О" вместе с такими изменениями "И", которые оставляют объект "О" по признакам "П" тождественным самому себе"². Обратите внимание на последние слова: "тождественный самому себе". Симметрия \approx тождеству. Напротив, асимметрия \approx различию вплоть до противоположности.

Соответствие симметрии-асимметрии сохранению-изменению можно видеть на таком примере. Чем симметричнее кристалл, тем упорядоченней его структура, тем он более устойчив к деформациям, разрушениям. И, напротив, чем больше неправильностей в структуре кристалла, нарушающих его симметрию, тем он менее прочен, более подвержен деформациям, изменениям.

Вполне очевидна связь симметрии-асимметрии с *обратимостью-необратимостью*. Можно даже сказать: обратимость и необратимость — это симметрия и асимметрия, взятые во временном аспекте. Физики обычно так их и рассматривают. Поскольку тождество и противоположность в равной степени присутствуют в реальном мире, постольку обратимость временного порядка так же реальна, как и необратимость. Между тем философы порой катего-

¹ Шубников А.В. Симметрия. М., 1940.

² Урманцев Ю.А. Симметрия // Пространство, время, движение. М., 1971. С. 136, 154.

рически утверждают, что необратимость является отличительным свойством времени. В чем тут дело? Одной из причин такого представления является вольное или невольное отождествление реального времени с формальным, искусственным, календарным временем, текущем равномерно и непрерывно в одном направлении. Другой причиной является неприятие обратимости как фундаментального свойства времени *наряду* с необратимостью. Пики философов и ученых часто направлены против абстракции идеальной обратимости. Справедливо полагая, что реально отсутствует полная или абсолютная обратимость процессов, они вместе с водой из ванны выплескивают и ребенка, т.е. отбрасывают понятие неабсолютной реальной обратимости. А в мире ведь вообще нет ничего абсолютно абсолютного. И необратимость не существует реально, если брать ее в чистом виде, как абсолютную необратимость, исключающую всякий элемент обращения, возврата к исходному состоянию. Чистая необратимость тоже всего лишь абстракция. Она означает полный разрыв между исходным и последующим состояниями. Ведь ничем иным, как абсолютизацией необратимости является представление различного рода анархистов и ультрареволюционеров о полном разрушении старых основ жизни. В естествознании такой абсолютизацией необратимости была гипотеза тепловой смерти Вселенной. Сам термин "необратимость" направлен своим содержанием против какой бы то ни было обратимости. И если необратимость провозглашать универсальным свойством времени, то ничего не остается, как предавать анафеме все, связанное с понятием обратимости. А это чревато опасностью одностороннего истолкования категории времени.

Итак, реальное время протекает как бы в двух противоположных ипостасях: в виде обратимого и необратимого времени. Соответственно ему и все процессы в неорганической природе делятся на обратимые и необратимые.

Существование необратимых процессов делает невозможной полную, абсолютную обратимость времени, а существование обратимых процессов делает невозможной абсолютную необратимость временного порядка. Здесь можно говорить о *взаимовлиянии* противоположных форм

времени и о том, что они плавно переходят друг в друга, образуя *промежуточные* формы. В живой природе и человеческом обществе к обратимым и необратимым процессам "прибавляются" сложные формы их *взаимоопосредствования*. В *развивающихся* процессах, которые как раз характерны для живых систем, мы воочию видим органический синтез, *взаимоопосредствование* обратимости и необратимости. В этих процессах время имеет *спиралевидную* форму, соединяющую "стрелу времени" и "круг времени".

Покажем теперь связь между обратимостью-необратимостью и сохранением-изменением. Для этого воспользуемся понятиями *прямого* и *обратного* изменения. В природе все процессы состоят, по существу, из прямых (образующих, усиливающих связь) и/или обратных (разрушающих, ослабляющих связь) изменений. Нетрудно увидеть, что сохранение — это *взаимопереход* прямых и обратных изменений, т.е. обратимый процесс. В этом процессе ни одно из противоположных изменений не преобладает, поэтому *в целом* мы наблюдаем сохранение. Собственно изменение, в таком случае, можно интерпретировать как прямое или обратное изменение или как процесс, в котором преобладают прямые или обратные изменения. А это и есть необратимый процесс, т.е. процесс, текущий (преимущественно) в одну сторону.

Из этого рассуждения видно также, что логическая связка "и" (прямые *и* обратные изменения) соответственна тождеству (сохранению, симметрии, обратимости), а логическая связка "или" (прямые *или* обратные изменения) соответственна противоположности (изменению, асимметрии, необратимости).

Из рассуждения можно видеть и то, почему "сохранение" зачисляется в разряд "движения во времени". Хотя, с одной стороны, сохранение и противоположно изменению (буквально является неизменением, неизменностью), с другой, оно *внутри себя* "содержит" противоположно направленные изменения и поэтому имеет полное "право" принадлежать к ведомству "движения во времени". (Точно так же, кстати, можно сказать о покое — как принадлежащим к ведомству "движения в пространстве".)

Теперь о *внутренних* и *внешних противоречиях*. Они составляют самый фундамент иерархии противоречий. В чистом (неопосредованном) виде они существуют только в неорганической природе. В живой природе и человеческом обществе их сложными, многократно опосредованными "аналогами" являются гармонические и антагонистические противоречия. В гармонических противоречиях преобладают внутренние; в антагонистических — внешние противоречия.

Итак, во внутренней противоречии, которое мы характеризуем как взаимопереход противоположностей, ведущей стороной является тождество (противоположности, переходящие друг в друга, как бы гасят, нейтрализуют друг друга и в итоге мы наблюдаем тождество). Во внешней противоречии, которое характеризуется соответственно как необратимый переход одной противоположности в другую, ведущей, преобладающей стороной является противоположность (необратимый переход одной противоположности в другую как бы фиксирует состояние противоположности между начальным и конечным моментами перехода — ведь обратного перехода нет!) Внутренние противоречия обуславливают целостность, сохранение неорганических (физико-химических) объектов. Внешние противоречия, напротив, обуславливают их изменение, нецелостность.

Поясним смысл внутренней противоречия на таком примере. Связь планет с Солнцем (солнечная система) существует благодаря их орбитальному движению. А оно как раз имеет характер взаимоперехода противоположностей (притяжения и отталкивания, приближения и удаления). Таким образом, орбитальное движение включает в себе сохраняющее, обуславливающее целостность, т.е. *внутреннее* противоречие.

В аспекте взаимодействия внутреннее и внешнее противоречия выступают как *связь* (внутреннее взаимодействие) и *столкновение* (внешнее взаимодействие). (Слово "связь" употребляется здесь в том смысле, в каком говорится о связи частей целого, например, о химической связи, внутриядерной связи.) Сложные гармоническое и антагонистическое противоречия выступают как *единство* (сложное

гармоническое взаимодействие) и *борьба* (сложное антагонистическое взаимодействие).

Геометрическими образами внутренних, внешних и сложных противоречий являются соответственно *круг*, *стрела* и *спираль*.

Теперь о *необходимости* и *случайности*. Необходимость — такое состояние возможности, когда может быть так и только так, должно быть так. Она — воплощенное тождество возможностей. Случайность же — такое состояние возможности, когда может быть так, а может быть несколько иначе или даже совсем наоборот. Она — воплощенная в возможности противоположность или, говоря иначе, противоположность возможностей.

Интересно сопоставить необходимость-случайность с симметрией-асимметрией. Симметрия действует в направлении ограничения числа возможных вариантов структур, вариантов поведения. Необходимость действует в том же направлении. С другой стороны, асимметрия действует в направлении увеличения числа возможных вариантов. В этом же направлении действует и случайность. Случайности создают новые возможности, порождают новые альтернативы...

Вполне логична связь необходимости-случайности с *законом-явлением*. Думается, ответственность этих пар категорий никто не станет оспаривать. Особенно ответственность необходимости и закона. Их нередко даже взаимоопределяют: закон как необходимую связь явлений, а необходимость как основанную на законе связь. Тем, чем необходимость и случайность являются в сфере возможности, тем закон и явление — в сфере действительности. Закон есть идентичное, тождественное, прочное, остающееся в явлениях, а явления — различное, противоположное, изменчивое, многообразное в действительности. Обращает на себя внимание следующий факт. Для физиков наиболее общие законы — это законы сохранения, которым соответствуют фундаментальные принципы симметрии. Явственно выстраивается такая цепочка категорий: всеобщее — закон — сохранение — симметрия.

Явления составляют внешнюю сторону действительности, законы внутреннюю. Не случайно философы говорят,

что на поверхности явлений противоположности выступают в открытом виде, а в глубине, внутри действительности скрыто их тождество.

Перейдем к *действительности* и *возможности*. Нетрудно увидеть, что действительность стоит ближе к ряду тождества, а возможность — к ряду противоположности. Подумаем, например, над таким фактом: все действительное возможно, но не наоборот, т.е. не все возможное переходит в разряд действительного. Этот факт говорит о том, что границы возможного *шире* границ действительного. Возможность многообразнее, многоразличнее, так сказать, полярнее действительности, содержит по сравнению с ней более широкие ножницы противоположного. Можно привести и такой факт. Философы нередко разделяют и даже противопоставляют возможность и необходимость. Этим они сближают возможность со случайностью. В самом деле, если возможность не включает в себя необходимость, отлична от нее, то, значит, она тяготеет к другому полюсу взаимозависимости — случайности. Отсюда понятно, почему Аристотель и многие другие философы (в том числе Кант, Гегель) рассматривали возможность и случайность как близкие и где-то даже совпадающие категории. Действительно, в возможности акцент падает на случайность. Необходимость же — это тот "конец" возможности, который ближе стоит к действительности, похож на нее.

Возьмем теперь *материю* и *движение*. Интуитивно ясно, что в материи акцент падает на тождество (сохранение, целостность), а в движении — на противоположность (изменение, нецелостность). Это можно видеть из следующего. В истории человеческой мысли материя и движение нередко противопоставлялись. И если в движении усматривали именно движение, т.е. изменение, перемещение, переход от одного к другому, перемену форм, то на долю материи методом исключения доставались противоположные характеристики неизменность, неподвижность, инертность, косность, единообразие. Конечно, в диалектической концепции это противопоставление материи и движения преодолевается. Тем не менее акценты остаются, так как лишь благодаря им можно говорить о материи и движении как о *разных* категориях.

Качество и количество. Если отбросить все частные мнения и подойти укрупненно к оценке этих категорий, то нельзя не увидеть, что качество тяготеет к первому ряду категорий, а количество — ко второму. Качественная концепция всегда базировалась на представлении о внутреннем единстве, целостности, самоидентичности предметов. Напротив, количественные представления всегда опирались на идею множественности. А где множественность, там различие, где различие, там противоположность. Могут, правда, указать на факты качественного многообразия, с одной стороны, и количественного тождества объектов, с другой. Что ж, эти факты нельзя отрицать. Однако диалектика категорий в том и состоит, что они, включая в свое содержание противоположные, чуждые им моменты, остаются в то же время самими собой, сохраняют свою категориальную самость.

В свете сказанного об отнесенности качества к первому ряду категорий, а количества — ко второму, становится ясным, почему Гегель рассматривал качество как *тождественную*, а количество как *внешнюю* бытию определенность. Становятся объяснимыми и приравнения качества к вещи и характеристики его как внутренней, существенной определенности предмета, как устойчивой совокупности черт, свойств. Становятся понятными и традиционные представления философов и математиков о количестве как категории конечного, а о бесконечном как категории, имеющей, в отличие от конечного, *качественную* природу. В самом деле лишь сравнительно недавно (а именно начиная с Г. Кан-тора) математики занялись детальным изучением различных форм количественного бесконечного.

Далее. Может показаться странным отнесение пространства к ряду тождества, а времени — к ряду противоположности. Тем не менее в таком отнесении есть свои зоны. Оправданно, например, сближение пространства с материей, а времени с движением. В истории философии подобное сближение проводилось не раз (вспомним отождествление Платоном в "Тимее" материи и пространства или отождествление Декартом материи и протяжения, аристотелевское определение времени как числа движения). Заслуживает внимания и такой факт. Многие философы и

ученые проводят водораздел между пространством и временем по линии "сохранение — изменение", считают пространство "от-ветственным" за устойчивость существования объектов, а время — за их изменимость, изменчивость.

Заметьте: никто не делает обратного, т.е. не относит пространство к изменению, а время к сохранению. Что это? Игра человеческого ума или факт, на который можно опереться? Скорее второе.

Если верно такое различие пространства и времени, то тогда в пространстве акцент следует делать на симметрии, а во времени на необратимости. (Получается, правы те философы, которые выдвигают необратимость на первый план в структуре времени. Хотя все же в общей "раскладке", системе категорий обратимость не менее важна.)

А вот факты, указывающие на ответственность действительности материи, возможности — движению. Так, с одной стороны, слово "действительность" часто употребляют в значении "материальная реальность", "объективный мир", т.е. используют его как синоним материи. С другой стороны, в *отличии* возможности от действительности видят условие движения, изменения, возникновения. Перемена чего-либо существующего происходит лишь при наличии возможностей.

Очевидно, что *эволюция* и *революция* также распределяются между полюсами тождества и противоположности. Хотя то и другое означают изменение и, следовательно, ближе стоят к противоположности, чем к тождеству, все же между ними имеется различие (по степени изменения), которое позволяет расположить эволюцию ближе к тождеству, а революцию — к противоположности. Ведь совершенно ясно, что в революции на различие и противоположность состояний падает больший акцент, чем в эволюции.

Рассмотрим еще одну пару категорий — *вещь* и *отношение*. Если в различных отношениях вещь выступает всякий раз в новом обличье, в виде того или иного свойства, то сама по себе она есть *общая* или *тождественная* основа многих различных свойств. Определение вещи в подсистеме "вещь-свойство-отношение" означает не только то,

что она определяется через свойства и отношения, но и то, что фиксируется ее противоположность отношениям. Если отношений много, то вещь одна. Если отношения различны и могут быть даже противоположны, то вещь в этих отношениях одна и та же. Отношение "перекидывает мостик" от одной вещи к другой, и, следовательно, делает их различными. Различие вещей основывается на различии их отношений. Таким образом, обобщенно говоря, вещь и отношение соответствуют тождеству и противоположности.

О соответствии между материей-движением и вещью-отношением хотелось бы сказать следующее. С одной стороны, оно кажется очевидным. Испокон веков материю и вещь рассматривали как очень близкие и даже тождественные понятия. Также рассматривали движение и отношение (ведь движение немислимо вне отношения вещей). С другой стороны, диалектическая мысль сопротивляется сближению, а тем более отождествлению материи и вещи. Где же истина? Она — в обнаруженных соответствиях. Соответствия и несоответствия, повторяем, — это особый род взаимоотношения категорий и они не сводимы ни к тождеству, ни к различию, ни к противоположности категорий. Если мы говорим о соответствии материи и вещи, то это вовсе не значит, что мы приравниваем их. Вещь — это материя на уровне явления, взятая в аспекте являющейся действительности. Только так и надо понимать их соответствие.

Теперь о категориях *всеобщего (общего)* и *специфического (частного)*. Эти категории являются моментами качественной определенности. Они суть тождество (сходство) и противоположность (различие), взятые в аспекте качества. Относительно всеобщего, его соответственности тождеству картина более или менее ясная. А специфическое? Каким образом оно соответственно противоположности? Проведем такое рассуждение. Специфическое — крайняя степень частного, особенного; оно присуще только данному объекту. А противоположность — крайняя степень различия. Различие же — отношение, в котором стороны выступают не в их общности, а в их *особенности*. Таким образом, противоположность — крайняя степень различия и специфическое — крайняя степень особенного.

Близость, ответственность этих категорий налицо. Если они и не совпадают, то только потому, что принадлежат к разным категориальным семействам: противоположность — к семейству противоречия, специфическое — к семейству качества.

(Интересно проследить соответствие всеобщего-специфического симметрии-асимметрии и некоторым другим категориальным парам на таком хрестоматийном вопросе: “что появилось раньше: курица или яйцо? [курица из яйца или яйцо из курицы?]”. Если говорить о курице *вообще* и яйце *вообще*, то ответа на этот вопрос мы не найдем или нам придется признать *одинаково истинными, симметричными* оба утверждения “курица — из яйца” и “яйцо — из курицы”. Если же говорить о *конкретной, данной, “вот этой”* курице и *конкретном, данном, “вот этом”* яйце, то ответ на вопрос “курица из яйца или яйцо из курицы?” будет асимметричным: *либо* данная курица из данного яйца, *либо* данное яйцо из данной курицы. Если курица из яйца, то она не могла его снести. Если курица снесла яйцо, то она не могла появиться на свет из него. Асимметричность утверждений “данная курица из данного яйца” и “данное яйцо из данной курицы” обнаруживается и в том, что если во втором случае яйцо и курица могут существовать в одно время, *одновременно*, то в первом случае (данная курица из данного яйца) курица и яйцо разделены во времени: сначала яйцо, а потом цыпленок, а уж из него вырастает курица.)

Далее. Существует определенное соответствие между всеобщим-специфическим и *бесконечным-конечным*. Определения специфического и конечного относятся к отдельному объекту, отграниченному от других. Определения всеобщего относятся к бесконечным объектам. Всеобщее и бесконечное издавна рассматривались философами как ближайшие, соседние, однопорядковые категории. Например, Спинозой, Лейбницем, Гегелем.

Всеобщее — это качественное выражение бесконечного. Бесконечное — это количественное выражение всеобщего. То же можно сказать о ответственности специфического и конечного. Чем в сфере качества является специфическое, тем в сфере количества является конечное. Возьмем,

например, конечное число 5 (пять). В известном смысле его можно назвать специфическим количеством, так как оно *отличается* от всех других количеств. С другой стороны, если мы возьмем что-нибудь специфическое, например, какой-нибудь химический элемент (скажем, кислород), то ему будет соответствовать вполне определенное конечное число 8 (заряд ядра атома кислорода). Именно на соответствии специфического качества и конечного количества основана возможность количественного выражения качества, т.е. измерения качества. Теперь, если возьмем бесконечный ряд натуральных чисел (1, 2, 3 ... ∞), то для всех конечных чисел этого ряда он будет *общим*. В бесконечности все сходится и отождествляется (например, касательная и окружность, бесконечноугольный многоугольник и круг).

Кстати о круге. В движении по кругу, являющемся *образом* бесконечности, начало и конец *совпадают*.

Наверно, прав был Гегель, когда истинное бесконечное характеризовал как посюстороннее, замкнутое в себе, актуально бесконечное. Знаменательно, что истинную бесконечность он представлял именно в виде круга: "Истинная же бесконечность, повернутая обратно к себе, имеет своим образом *круг*, достигшую себя линию, которая замкнута и всецело налична, не имея ни *начального* пункта, ни какого-либо *конца*"¹.

[Обратите внимание: круг третий раз упоминается в связи с анализом соответственных понятий. Это и "круг времени" как образ обратимого времени, и круг как образ внутреннего противоречия (взаимоперехода противоположностей), и, наконец, круг как образ истинной бесконечности. К этому списку можно добавить и круг как *наиболее симметричную* фигуру на плоскости. Вспомним также, что круг (колесо, шар) у многих народов был символом вечности, незыблемости, порядка.]

Могут спросить: а как быть с бесконечным многообразием, неисчерпаемостью, всегда незавершенным процессом смены состояний? Это так называемая открытая или незамкнутая бесконечность. Вслед за Гегелем скажем, что

¹ Гегель. Наука логики. 1970. Т. 1. С. 215.

она не является истинной бесконечностью. Она якобы — как бы — квазibesконечность. Ее место — где-то в промежутке между конечным и бесконечным. В ней конечное *переходит* в бесконечное. Открытая бесконечность не является подлинной бесконечностью еще потому, что она, если брать ее целиком, существует только в возможности, потенциально. Актуально она существует лишь в виде конечного.

[Вообще хотелось бы отметить, что слово "бесконечное" обозначает, представляет не одно, а два понятия или, лучше сказать, две категории бесконечного: бесконечное в смысле *сильного* отрицания, *противоположности* конечного (антиконечного) и бесконечное в смысле *слабого* отрицания, *полуотрицания* конечного, просто как неконечное, нескончаемое. Первое бесконечное фигурирует в философии и науке под именами абсолютного, актуального, действительного, собственного, истинного, категорематического бесконечного. Второе бесконечное фигурирует под именами потенциального, несобственного, синкатегорематического бесконечного, неистинной, дурной бесконечности, бесконечного прогресса, ряда. В нашей Таблице соответствий бесконечное в первом смысле именуется просто бесконечным, а бесконечное во втором смысле — квазibesконечным.]

Теперь о *подобии-неподобии* и *равенстве-неравенстве*. Понятия подобия и неподобия играют в качественных методах примерно такую же роль, какую понятия равенства и неравенства в количественных методах. Еще Аристотель обратил внимание на соотносительность и соответственность этих понятий. О качественном он говорил, как о подобном (сходном) и неподобном (несходном), а о количественном — как о равном и неравном (см.: Аристотель. *Метафизика*, 1021a; Категории, 6a, 11a). Вполне очевидно, что качественное отношение подобия и количественное отношение равенства соответствуют категории тождества, а отношения неподобия и неравенства категориям различия и противоположности.

Особо хотелось бы сказать о связи идеи *общего* с идеей *целого*. Эта связь обнаруживается в следующем факте. Философы, отстаивающие примат общего над частным, зани-

мают, как правило, позицию, утверждающую примат целого над частями, нецелым. В более мягком варианте это выглядит так: философы, признающие реальность общего, признают и реальность целого, не сводимого к сумме частей. Напротив, философы, отрицающие реальность общего (номиналистическая традиция), отрицают по существу и реальность целого, сводя его к сумме частей, свойств.

Здесь мы затронули важную проблему: объективности соответствий и несоответствий, т.е. того, что можно было бы назвать *категориальной логикой*. Всякий последовательно мыслящий философ, хочет он того или нет, вынужден подчиняться требованиям объективной логики категориальных соответствий и несоответствий. Если он признает объективную значимость какой-либо категории, то, как правило, он признает и объективную значимость соответственных ей категорий. Вспомним перипетии борьбы реалистов и номиналистов в средневековой философии, рационалистов и эмпириков в философии нового времени. Нагляден пример с Гоббсом. Как номиналистически настроенный философ он отрицает не только реальность общего, но и реальность бесконечного, а целое понимает как сумму частей.

С древних времен философы дискутируют по поводу апорий Зенона. Для нас апории интересны как мысленные эксперименты, в которых продемонстрирована несоответственность некоторых категорий. Так, в апориях "Дихотомия" и "Ахиллес и черепаха" продемонстрирована несоответственность бесконечного и перемещения (в случае бесконечной делимости движение невозможно). В апории "Стрела" продемонстрирована несоответственность неделимого (целого) и перемещения.

Теперь кратко о самих соответствиях. Ясно, что соответствие соответствию рознь. Есть *близкие* и *далекие* соответствия. Вполне очевидны такие близкие соответствия (слева указаны "родительские" категории) [см. ниже].

Как видно из приведенных соотношений категорий, близость соответствий обусловлена близостью или парностью "родительских" категорий. Далекие соответствия — это соответствия между близкосоответствующими группами категорий. Наличие близких и далеких соответствий

((пространство:	симметрия — асимметрия))
	время:	обратимость — необратимость	
((движение в пространстве:	покой — перемещение))
	движение во времени:	сохранение — изменение	
((качество:	всеобщее — специфическое))
	количество:	бесконечное — конечное	
((качественное отношение:	подобие — неподобие))
	количественное отношение:	равенство — неравенство	
((противоречие:	внутреннее — внешнее))
		тождество — противоположность	
((взаимодействие:	связь — столкновение))
		(единство) — (борьба)	
((возможность:	необходимость — случайность))
((действительность:	закон — явление))

между различными категориями, их связь с "родительскими" категориями свидетельствует о сложном характере системы соответствий, о том, что за ней стоит вполне упорядоченная естественная система категориальных определений.

Развитие концепции соответствий, ее категориально-логическое и методологическое значение

Предложенная выше таблица соответствий в какой-то мере решает задачу сведения всех выявленных соответствий в одну систему, упорядочивает категориальный хаос. Обнаруженные соответствия между категориями можно в известной степени уподобить периодическим зависимостям между химическими элементами. Таблица соответствий расставляет категории по своим местам и тем самым позволяет увидеть искажения, пробелы и проблемы, открывает новые перспективы философского познания.

Сама идея соответствий нуждается в дальнейшем развитии. Таблицей соответствий не все сказано. Имеется предположение о более широком и даже всеохватывающем характере системы соответствий. Так, по нашему мнению, кроме соответствия пар противоположных категорий су-

существуют определенные соответствия между *промежуточными* категориями. (Некоторые промежуточные категории указаны в нашей таблице соответствий. Между всеобщим и специфическим расположены общее и частное; между тождеством и противоположностью — сходство и различие; между бесконечным и конечным — квазибесконечное; между необходимостью и случайностью — вероятность, между законом и явлением — статистическая закономерность и т.д.). Существуют также соответствия между категориями, осуществляющими *органический синтез, взаимоотнодействие* противоположных категорий. Это такие категории как "организм", "жизнь", "развитие", "поведение", "деятельность", "сложное противоречие", "свобода", "сущность".

Ниже, между страницами дана *универсальная таблица соответствий между категориями*. В ней сделана попытка универсальной классификации категорий с точки зрения идеи соответствий. Категории в этой таблице условно делятся на общие и органические. Общие, в свою очередь, делятся на внутренние (круговидные), промежуточные и внешние (стреловидные). Внутренние (круговидные) категории — это категории-часы, а внешние (стреловидные) — это категории-облака. Органические (спиралевидные) категории делятся на внутриобразные (кругоподобные) органические, промежуточные органические и внешнеобразные (стрелоподобные) органические.

Теперь о *приложениях* концепции соответствий. Они весьма многообразны и поучительны. Так, соответствия своеобразно отражаются, преломляются в специфически мыслительных и познавательных категориях. Можно составить такую таблицу:

	“0”	“1”
<i>мышление</i>	логика (дедуктивный вывод) рас-судок	интуиция (догадка) ум
<i>познание</i>	рациональное теоретическое закон науки (принцип) абсолютная истина	чувственное эмпирическое факт относительная истина

Думается, эта таблица достаточно понятна. Ясно, например, что логика и интуиция — это необходимостный и случайностный способы, "механизмы" мышления (см. об этом подробнее выше — раздел "*Ум, разум, рассудок*"). "Закон науки" и "факт" более или менее адекватно отражают объективные "закон" и явление". И так далее.

По всей видимости, можно говорить такие об определенном воплощении двух категориальных рядов в женском и мужском началах жизни. Если верить теории В.А. Геодакяна, по которой женский пол воплощает сохранение и устойчивость, а мужской пол — обновление и изменчивость, то женское начало следует признать соответственным ряду тождества, а мужское начало — ряду противоположности. В пользу такого понимания женского и мужского свидетельствует и тот факт, что женщины, как правило, более организованны, законопослушны, боязливы, а мужчины более хаотичны, импульсивны, раскованы в своем поведении, дерзки, больше склонны к риску (на эти факты указывает, в частности, статистика травматизма среди мальчиков и девочек — мальчики неизмеримо чаще травмируются по сравнению с девочками).

Далее, концепция соответствий позволяет увидеть, учесть или избежать, преодолеть разного рода абсолютизации, односторонности в частных подходах. Так, базируясь на представлении о равнозначности, равноценности двух рядов категорий, она отвергает крайности монизма и плюрализма, лапласовского детерминизма и индетерминизма, рационализма, эмпиризма и иррационализма, сциентизма и антисциентизма, догматизма и скептицизма. Она не приемлет также крайностей тоталитаризма (этатизма) и анархизма, коллективизма и индивидуализма, консерватизма и либерализма, национализма и космополитизма.

К сожалению, в том варианте философии, которыми был принят в нашей стране длительное время, акцент делался на единстве, целостности, закономерности, упорядоченности реального мира и недооценивалось значение многообразия, неупорядоченности, случайности. Это создавало известный перекос в сторону механистического, лапласовского детерминизма. Перекос в философском мышлении приводил к перекосу и в любом другом мыш-

лении: политическом, экономическом, управленческом... Разве не этим объясняется, что на протяжении десятилетий в нашей стране господствовало сознание морально-политического единства общества, создавался культ плана, культ командно-административных методов управления и почти полностью игнорировалось значение стохастических механизмов, в частности рынка, выборов и многопартийности. У нас постоянно говорили о сознательности, организованности, планомерности и боролись со стихийностью. А ведь стихийность в определенной мере так же важна, как и планомерность, организованность. Человеческое общество — живая статистическая система и ему нужен не твердый порядок, предполагающий систему жесткой детерминации поведения людей, а живой порядок-беспорядок, учитывающий в равной степени единство и многообразие, необходимость и случайность, общее и частное.

Методологическая функция категориальной логики

Категориальный строй мышления выражает *категориальную логику*, ту высшую логику мышления, которая объединяет интуицию и рассудочную логику. Располагаясь в определенном порядке в некотором воображаемом пространстве мышления категории осуществляют смысловую группировку материала, играют роль опорных пунктов, координат, ориентиров мысли. Система категорий есть именно система опорных пунктов, координат, ориентиров мышления.

Как *опорные пункты* категории не дают мысли "гулять" в безбрежном пространстве воображения, не дают ей "растекаться по древу".

Как *координаты, ориентиры* категории определяют положение мысли и направляют ее в определенное русло. В этом смысле систему категорий можно уподобить координатной сетке меридианов и параллелей на глобусе. Она позволяет оценить любые факты и суждения, отделить зерна истины от шелухи ложных представлений.

Методологическая функция категориальной логики реализуется как в виде общего ориентира познавательной и практической деятельности, так и через совокупность ме-

тодов, вытекающих из оценки значения отдельных категорий.

ТАБЛИЦА КАТЕГОРИЙ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ МЕТОДОВ И ФОРМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т.д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
СПЕЦИФИЧЕСКОЕ	спецификация
МЕРА	стандартизация, нормативная деятельность, нормирование
КОЛИЧЕСТВО	счет, измерение, вычисление, математический анализ, арифметика, алгебра, математика
ПРОСТРАНСТВО	геометрия, топология
ВРЕМЯ	хронология, хронометрия
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ	кинематика (раздел механики)
ПОКОЙ	статика (раздел механики)
ИЗМЕНЕНИЕ	преобразование, трансформация
СОХРАНЕНИЕ	консервация, консервирование, стабилизация, хранение, охрана
РАЗВИТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ	генетический метод, сравнительно-исторический метод, эмбриология, эволюционная биология, историография, философия истории
ПРОТИВОРЕЧИЕ	деловые игры, конкретные ситуации, метод противопоставления, конфликтология и т.д.
ТОЖДЕСТВО РАЗЛИЧИЕ	сравнение (различение — отождествление), идентификация
ПОВЕДЕНИЕ	этология (наука о поведении), этикет
СЛУЧАЙНОСТЬ	путь проб и ошибок, бросание жребия, метод случайного поиска, лотерея
ВЕРОЯТНОСТЬ, СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	вероятностно-статистические методы, математическая статистика
ЯВЛЕНИЕ, СЛЕДСТВИЕ	описание, наблюдение, эксперимент
ЗАКОН, СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНА	объяснение, понимание, диагностика (техническая, медицинская), этиология
ВОЗМОЖНОСТЬ	прогнозирование, предвидение, футурология

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т.д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	методология, теория познания, праксеология
ЦЕЛЬ	планирование, программно-целевой метод
СРЕДСТВО	метод, способ, прием, методика, алгоритм
РЕЗУЛЬТАТ	теория эффективности

Выше приводится таблица некоторых категорий и соответствующих им методов, способов, отраслей деятельности:

Эта таблица наглядно показывает связь отдельных категорий с теми или иными методами, способами, отраслями человеческой деятельности. Из нее также видно, что категории явно или неявно действуют, функционируют в мышлении человека, реализуют себя или начали реализовать себя в виде отдельных *осознанных* методов, форм деятельности. Например, категорию случайности люди издавна бессознательно использовали в виде способа проб и ошибок, азартных игр или когда бросали жребий. А теперь они совершенно сознательно кладут ее в основу метода случайного поиска, вероятностно-статистических методов. Осознанный подход к категориям, к категориальной логике позволит как раз провести своего рода инвентаризацию, классификацию методов и форм деятельности, оценить их достаточность или недостаточность с точки зрения полноты охвата категорий. Из таблицы, например, можно уже сейчас видеть, что одни категории хорошо "представлены" в тех или иных методах, формах деятельности, а другие категории слабо представлены.

Раздел 6. Здравомыслие, здравый смысл (норма в мышлении, нормальное мышление)

Глава 1. Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность

Нормальное мышление, здравомыслие, здравый смысл — это всё чрезвычайно важные понятия, обозначающие мыслительную норму. *Вообще здоровье* характеризует нормальное состояние человеческого организма, а *здравомыслие* — нормальное состояние человеческого мышления.

Могут спросить: в чем разница между здравомыслием и мышлением вообще? Понятие здравомыслия указывает на то, что мышление, как и человек вообще, может быть здоровым, нормальным, а может быть нездоровым, больным, ненормальным, патологическим. Если есть здравомыслие, то есть и ненормальное, болезненное, больное, патологическое мышление. В последнем случае мы имеем в виду не столько больное мышление в психиатрическом, медицинском смысле, сколько ненормальное мышление, существующее в пределах психического здоровья или на грани психического здоровья и болезни. Психически здоровый человек может мыслить (размышлять, рассуждать), опираясь не на здравый смысл, а на что-то другое, например, подчиняясь воле чувств, предаваясь безудержной фантазии или желая удивить, поразить воображение обывателя.

Здравомыслящее поведение — ядро осмысленного поведения. Осмысленным мы находим все то, что освещено светом разума, мышления. Здравый же смысл мы видим не в том, что является просто осмысленным, а в том, что соответствует нашим представлениям о жизни-здоровье как в масштабах отдельного “я”, так и в масштабах коллективного “я” разных уровней (семьи, коллектива, нации, человечества). Человек, например, может осмысленно (из-за тягот жизни) пойти на самоубийство, но оправдать этот его поступок с позиции здравого смысла никак нельзя. Лишающий себя жизни — тем более лишается здоровья, а это отнюдь не здоровое поведение.

Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность, обозначающая границы нормального, здорового мышления, здравомыслия. Регулирующая роль здравого смысла очевидна. Опираясь на здравый смысл — значит держать в узде свое мышле-

ние, эмоции, воображение, волю, т.е., с одной стороны, направлять мышление в нужное русло, а, с другой, не позволять ему “растекаться по древу”.

Здравомыслие — это когда человек не торопится делать выводы и одновременно не затягивает с выводами, в меру рассудителен и в меру безрассуден, в меру осторожен и в меру смел, в меру верит и в меру не верит, в меру сомневается и в меру не сомневается, в меру надеется и в меру не надеется, в меру боится и в меру не боится¹.

Здравомыслие — это самооценка в меру, не выше, но и не ниже.

Здравомыслие — это трезвый взгляд на вещи, на жизнь, не через розовые очки, но и не через черные; это взгляд глазами с нормальным зрением, ни опьяняюще-романтический, прекраснородушный, ни цинически-разочаровывающий, мрачный.

Здравомыслящий человек по возможности мыслит логически, не любит парадоксы. Парадоксальное мышление — это либо манерное, либо больное мышление, либо то и другое. В первом случае человек играет, играет в мышление, работает на публику. Ж. Лабрюйер чисто по-французски высмеял такое мышление. “Парадоксальный ум, — говорил он, — относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации”. Во втором случае человек находится на грани психического заболевания, его мышление-сознание близко к тому, чтобы быть разорванным, раздвоенным.

С другой стороны, здравомыслящий человек не увлекается логикой до последнего, оставляет место для интуиции, фантазии, полета мысли. Исключительно логично мыслящий человек — рассудочен, нуден в общении (зануда), педант, пунктуалист, действующий как автомат-робот и попадающий от этого обычно впросак.

Здравомыслие — мера во всем, даже в том, чтобы соблюдать меру.

¹“В понятии здравого смысла момент согласованности и сбалансированности сохранился. Обладающий развитым здравым смыслом обычно редко впадает в крайности. Он умеет согласовывать свои слова и поступки. Поскольку он координирует свои действия и обычно не теряет головы в экстремальных или сложных ситуациях, о нем говорят, что он человек “здоровый”. Очевидно, что тот, кто обладает здравым смыслом, не даст легко увлечь себя научными и философскими идеями, которые недостаточно им продуманы и осмыслены”. — В. Шаповалов. Здравый смысл, философия и наука. — В: “Здравый смысл”, 1997, № 3. С. 36.

Разница между здравомыслием и здравым смыслом не по содержанию, а в их отнесенности к разным объектам. Здравомыслие, здравая мысль — это непосредственная нормативная оценка мышления, мысли. Здравый смысл — это опосредованная нормативная оценка мышления, мысли — через оценку того, что человек говорит, делает. Здравый смысл мы ищем не в самом мышлении, а в словах и поступках человека. На это указывают такие выражения: “в том, что он говорит, есть здравый смысл”; “в делах своих, в решениях и предложениях опираться на здравый смысл”; “выступать с позиции здравого смысла”; “он делает так вопреки здравому смыслу”; “противоречит (не противоречит) здравому смыслу”.

Глава 2. К истории вопроса

В. Шаповаловым недавно была предложена такая версия происхождения понятия здравого смысла:

“Понятие здравого смысла восходит к понятию “общее чувство”, впервые разработанному древнегреческим философом Аристотелем (384-382 гг. до н.э.). Аристотель считал, что помимо пяти чувств — зрения, осязания, слуха, вкуса, обоняния — существует еще одно. Его он назвал общим чувством. Этот термин впоследствии был переведен на латинский язык как *sensus communis*, — откуда он и вошел в европейские языки. Согласно Аристотелю, существуют такие восприятия, которые рассчитаны на прием не одним из пяти чувств отдельно, а всеми. Это, например, фигура, движение или покой, величина и др. Движение мы можем воспринять зрением, осязанием (по создаваемым колебаниям воздуха), слухом и т.д. Общее чувство координирует восприятия отдельных органов чувств. Оно собирает восприятия, общие для всех. Благодаря действию общего чувства, мы воспринимаем не отдельные свойства предмета, а весь предмет целиком. Общее чувство согласует данные отдельных чувств между собой. Оно не дает впасть в крайность или односторонность, — как случилось бы, если бы мы целиком доверились только одному из чувств. Таким образом, общее чувство, в понимании Аристотеля — это основа согласованности и сбалансированности восприятия”¹.

Эта версия, как мне кажется, является несколько узкой и односторонней. Несомненно, аристотелевское “общее чувство” сыграло свою роль в становлении понятия здравого смысла. Но не оно только. Понятия здравомыслия и здравого смысла имеют *свою* историю. И эта история связана скорее с формированием понятий здоровья и мышления (мысли). Во всяком случае, русский язык указывает на это совершенно недвусмысленно: слова “здравый смысл”, “здравомыслие” соединяют понятия здоровья

¹ В. Шаповалов. Здравый смысл, философия и наука. — В: “Здравый смысл”, 1997, № 3. С. 36.

и мышления, мысли, смысла (последнее понятие, несомненно, является мыслительной категорией, очень близкой по своему значению понятию мысли; “смысл” и “мысль” буквально сливаются в словах “осмысление”, “осмыслить”).

Древние греки, да и другие древние народы задолго до Аристотеля имели достаточно ясное представление о том, что такое здравомыслие, здравый смысл. В псевдоплатоновских “Определениях” мы находим, по крайней мере, три термина, характеризующие с разных сторон указанные понятия. Это прежде всего термин “здравомыслие” (εννοια): “Здравомыслие (εννοια) — стройность мысли”. Затем “рассудительность” и “разумность”:

По свидетельству Диогена Лаэртского стоик Гекатон в книге “О добродетелях” утверждал, что “здоровье сосуществует и следует такой умственной добродетели как здравомыслие (sophrosyne), подобно тому, как свод бывает крепок, когда он умело возведен” (VII, 90. С. 274)

В Новое время понятие здравого смысла как бы заново рождается и прежде всего как критерий для отличения разумного от неразумного (иррационального).

Так у *Д. Локка* “здравый смысл” противопоставляется безудержной фантазии, “естественному суеверию”, странным мнениям, нелепым религиозным обрядам, религиозному испугу, фанатизму:

“В самом деле, утвердившись во мнении, что не нужно советовать с *разумом* в делах религиозных, как бы явно ни противоречили они **здоровому смыслу** (выделено мной — Л.Б.) и самим принципам всякого их знания, люди давали волю своей фантазии и естественному суеверию и приходили из-за них к столь странным мнениям и нелепым религиозным обрядам, что рассудительный человек не может удержаться от изумления перед их глупостями и от суждения, что эти мнения и обряды не только не могут быть угодны великому и мудрому богу, но даже не могут не казаться смешными и оскорбительными всякому трезвому и честному человеку.”¹

“Не опираясь ни на разум, ни на божественное откровение, но возникая из причудливых измышлений разгоряченного и самонадеянного ума, фанатизм тем не менее, раз нашедши опору, действует на человеческие убеждения и поступки сильнее, чем разум и откровение вместе или в отдельности. Люди более всего склонны подчиняться импульсам, исходящим от них самих; ведь человек, безусловно, действует сильнее там, где он весь охвачен естественным порывом. Ибо сильная самонадеянность, словно некий принцип становясь выше **здорового смысла** (выделено мной — Л.Б.), легко все увлекает за собой; а когда она не сдерживается разумом и освобождена от всякой помехи со сто-

¹ Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Гл. 18. — В: Локк Д. Соч. в 3-х т.т. Т. 2, М., 1985. С. 176.

роны рефлексии, ее при содействии нашего характера и наклонностей возвышают до [ранга] божественного авторитета.”¹

Д. Локк еще не проводил различия между разумом и здравым смыслом. Об этом свидетельствует следующий фрагмент:

“Думать о каждой вещи именно так, как она есть сама по себе — в этом настоящее назначение разума, хотя люди не всегда пользуются им для этого. Все немедленно соглашаются с тем, что именно таков правильный способ использования разума, к которому должен прибегать каждый. Никто не будет бросать прямой вызов **здравому смыслу** (выделено мной — Л.Б.), заявляя, что мы не должны стараться познать вещи и судить о них, как они суть сами по себе”².

В самом деле, “разум” и “здравый смысл” — близкие по смыслу понятия и в ряде случаев могут использоваться как синонимы. Между мышлением вообще (а слово “разум” употребляется нередко Локком, да и многими другими философами, именно в этом значении) и здравомыслием не очень большая разница. В своей основе человеческое мышление является здоровым, буквально, здравомыслием. И лишь в некоторых ситуациях оно может давать сбои, быть болезненным, больным, патологическим.

Д. Юм в своих работах часто использовал понятие здравого смысла и именно как нормативную, мерную категорию, с помощью которой человек избегает крайностей в своих суждениях и оценках, старается держаться золотой середины. Вот пример такого использования:

“беспристрастный исследователь” — исследователь, “который не привержен какой-либо партии в политических спорах и может быть удовлетворен лишь здравым разумом и здравой философией”³.

Юм вслед за Локком рассматривал здравый смысл как защиту-преграду от иррационалистических измышлений. В одном месте он язвительно замечает:

“Если бы это богословие не выходило за пределы разума и здравого смысла, его доктрины казались бы слишком легкими и общеизвестными. По необходимости приходится возбуждать изумление, прибегать к таинственности, стремиться к темноте и неясности и представлять возможность проявлять свои качества тем благочестивым приверженцам, которые желают воспользоваться случаем, чтобы укротить свой непокорный разум с помощью веры в самые непостижимые софизмы”⁴.

¹ Там же. С. 179-180.

² Там же. С. 229.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе... Кн. 3, ч. 2, гл. 10. — В: Юм Д. Соч. в 2-х т.т. Т. 1, М., 1996. С. 601.

⁴ Юм Д. Естественная история религии. Гл. XI. — В: Юм Д. Соч. в 2-х т.т. Т. 2, М., 1996. С. 353.

О здравом смысле писал И. Кант. В письме к А. М. Белосельскому он отмечал, что если воображение (читай: интуиция — Л. Б.) «уничтожает себя произвольным действием, оно вырождается в обычное помрачение или расстройство ума; когда оно не повинуете больше разуму, да еще силится поработить его, человек выпадает из сословия (сферы) человечества, ввергаясь в сферу безрассудства или безумия»¹. Кант обеспокоен тем, чтобы творческое воображение не выпрыгнуло за пределы реального, разумного. Ум человеческий, здравый смысл должен стоять на страже. Так трактует позицию Канта А. Гулыга. По его словам «после Канта будут предприняты попытки дискредитировать понятие здравого смысла. (Русские переводчики Гегеля придумают даже уничижительный вариант термина — «обыденное сознание».) Для Канта здравый смысл — гарант безопасности, ориентир не хуже веры. А вся философия представляет собой своеобразную поправку науки к здоровому смыслу и одновременно коррекцию здравым смыслом научных достижений»².

В русском языке, как мы уже говорили, существует целое семейство слов, словосочетаний, характеризующих в разных аспектах понятие здравого смысла: это и здравомыслие, и здравая мысль, и больной, гнилой смысл, и т.д.

То же мы наблюдаем в английском языке. Это и *common sense*, и *judiciousness* (здравомыслие), и *gut sens...*

Во французском языке здравый смысл звучит как *bon sens* (буквально: хороший, добрый, благой смысл) — так еще у Декарта в «Рассуждении о методе»³.

Здравый смысл никоим образом нельзя оценивать как чувство. (См. В. Шаповалов: «Здравый смысл — это чувство правильности и общего блага»⁴). В основе здравого смысла лежит мысль, мышление. Чувство в двух своих основных значениях —

¹ См.: Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 285-286.

² Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 287.

³ «Здравым смыслом (*bon sens*) люди наделены лучше всего остального... способность правильно судить и отличать истинное от ложного — что, собственно и именуется здравым смыслом или разумом — от природы у всех людей одинакова. Таким образом, различие наших мнений происходит не от того, что одни люди разумнее других, но только от того, что мы направляем наши мысли разными путями и рассматриваем не те же самые вещи. Ибо мало иметь хороший ум, главное — хорошо его применять». — Р. Декарт. Избр. произв., М., 1950. С. 259-260.

⁴ В. Шаповалов. Здравый смысл, философия и наука. — В: «Здравый смысл», 1997, № 3. С. 36.

как эмоция и как ощущение — ничего общего с мыслью, мышлением не имеет. В переносном смысле, конечно, возможно употребление слова “чувство” в значении, близком к “мысли”, “мышлению” (например, в выражении “у меня такое чувство”, которое означает догадку, чутье, наитие). Но переносное значение — слишком нетвердая почва для определения понятий. Еще хуже оценивать здоровый смысл как чувство *общего блага*. Какое-то бессмысленное выражение. Или как в программе национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP): “общее благо выше личной выгоды”? Здоровый смысл не имеет никакого отношения к понятию общего блага, ни через Аристотеля, ни через *communis sensus*. Здоровый смысл, как мера, норма, одинаково спокойно относится к общему и частному, к общественному и индивидуальному, одинаково принимает их в свое лоно, умеряет их.

Здравым смыслом обладает подавляющее большинство людей. Если человек дожил до взрослого состояния, то он по определению обладает здоровым смыслом. Без здравомыслия и шагу нельзя сделать во взрослой жизни. Человек нездравомыслящий очень быстро попадает в ситуацию, делающую его больным, инвалидом или даже лишаящую его жизни.

Глава 3. Против оценки здравого смысла как действующего лишь в “стенах домашнего обихода”

Здравый смысл порой оценивают как нечто сугубо ограниченное, действующее лишь “в стенах” домашнего обихода... Длительное время в нашей стране господствовала точка зрения Ф. Энгельса, отождествлявшая здоровый смысл с метафизическим (т.е. антидиалектическим) мышлением. Ф. Энгельс писал: “Этот (метафизический — Л.Б.) способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здоровому смыслу. Но здоровый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический образ мышления, хотя и является правоммерным, и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами

он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновение и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса...” (Анти-Дюринг. Введение.)

Это пренебрежение здравым смыслом дорого обошлось нашей стране. Безумные утопические проекты последователей К. Маркса — Ф. Энгельса в России, большевиков-коммунистов, стоили гигантских материальных и людских жертв. Ф. Энгельс был безусловно неправ, когда оценивал здравый смысл столь односторонне. Пренебрежение здравым смыслом — это пренебрежение умственным здоровьем. Ведь здравый смысл — отнюдь не нечто ординарное, обыденное, консервативное. Здравый смысл — *здоровое* мышление! А здоровое мышление, здравомыслие действует везде! И в “стенах домашнего обихода”, и в незнакомых ситуациях, и в экстремальных условиях. Руал Амундсен первым дошел до Южного полюса и остался жив. А Роберт Скотт дошел лишь вторым и на обратном пути погиб. Почему? Потому что в действиях Амундсена было больше здравого смысла, чем в действиях Скотта. Амундсен воспользовался испытанным средством передвижения в полярных странах — собачьими упряжками. Скотт же решил попробовать таких экзотических животных как пони (карликовые лошади).

К сожалению, подобное понимание здравого смысла (как чего-то ординарного) проникает в справочные издания.

Вот что, например, писал в энциклопедическом словаре русский философ В. С. Соловьев:

“Здравый смысл — термин неопределенный и большею частью употребляемый во зло; должен означать нормальное состояние и правильное действие умственных сил человека. Нормальные, вообще, те суждения и взгляды, которые соответствуют истинному значению вещей, логически выводимому из достоверных данных. Но так как действительные мнения большинства людей определяются не столько разумением предметной истины, сколько предрассудками, привычкой, внушениями страстей и требованиями материальных интересов, и так как всякий человек, чувствуя и признавая свои физические слабости и недуги, не сомневается, однако, в своем умственном здоровье и в правильности своего образа мыслей, то в результате получается такое понятие здравого смысла, которое не имеет прямого отношения к истинным нормам, а выражает лишь средние мнения и обычные интересы людской толпы, в данных условиях места и времени. Такой З. смысл направлен вообще к охранению наличного состояния общественной жизни и мысли, против всего, что двигает людей вперед и возвышает их духовный уровень. Во имя такого З. смысла осуждались, например, нравственное учение Сократа, астрономическая система Коперника, предприятие Колумба; тем же З. смыслом защищалось сожигание ведьм и еретиков, употребление пыток и т. д. Этот неоспоримый исторический опыт внушает законное недоверие к простым ссылкам на З. смысл; всякую такую ссылку следует проверять определенными нор-

мами истины и справедливости, и в случае противоречия с ними — решительно отвергать, как самозванное притязание.¹

В недавно изданной, отнюдь не марксистской, “Краткой философской энциклопедии” можно прочитать:

“Здравый смысл не поднимается до уровня научного и философского осмысления действительности... Верная по сути точка зрения здравого смысла, как правило ограничивается поверхностным взглядом на суть явлений, глубоко не проникая в их смысл”¹.

(Это же отмечал в 1935 г. Б. Рассел: «среди преемников Юма здравомыслие означало поверхностность, а глубина — некоторую степень сумасшествия». — *Б. Рассел. Происхождение фашизма.*)

Большое заблуждение представлять здравый смысл как что-то поверхностное. Здравый смысл нужен и при разработке абстрактных научных теорий, и в глубокомысленных философских рассуждениях. Относительно последних можно даже сказать: нет глубокомыслия там, где нет здравого смысла. А то, что считают глубокомысленным, но противоречащим человеческому здравому смыслу, на самом деле не является таковым. Ведь глубокомыслие путают порой с туманными, неясными, сложными выражениями, рассуждениями.

Здравый смысл бывает ординарным и неординарным. Ординарно здравомыслящий человек может не понять неординарно здравомыслящего. И наоборот, для неординарно здравомыслящих людей ординарное здравомыслие может показаться пресным, скучным, серым.

В любом случае пренебрежительно-уничижительное отношение к здравому смыслу как таковому — симптом нездравомыслия, того, что у человека не всё в порядке с головой.

«Сумасшедшие» идеи и здравый смысл

А. А. Тарасов в своей книге «Где ночуют миражи» пишет:

«Строгость и дисциплина мышления тем важнее, чем шире и необъятнее материал, подлежащий осмыслению, чем труднее он поддается экспериментальной, опытной проверке, проверке практикой, которая была и остается главным ситом, отсеивающим истину от лжи, сильные и неожиданные идеи от фантастических. (...)

С этих позиций мне и хочется говорить о моде на так называемые «сумасшедшие» («безумные») идеи, серьезно размывающие вышеобозначенную границу.

Родилась мода среди физиков с легкой руки большого ученого, который шутил бы, видимо, осторожнее, представляя он, какие глобальные последствия может вызвать шутка авторитетного человека в условиях неустойчивого равновесия умов. В 1958 году, когда поток откры-

¹ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 164.

тий в микромире потребовал от физиков теории, способной хоть как-то объяснить и систематизировать новые экспериментальные данные, Нильс Бор имел неосторожность выразиться по поводу одной из очевидных теорий: для того, чтобы быть верной, она недостаточно сумасшедшая. Смешно было бы предположить, что Бор собирался привлечь для разрешения наиболее сложных вопросов теории шизофреников и параноиков. Речь шла просто о том, что все лежащие на поверхности решения уже неоднократно перебраны, что к проблеме надо подойти с какой-то неожиданной, принципиально новой стороны. Ничего «сумасшедшего» в предложении Бора не было, наоборот, оно вполне трезвое, разумное да и обычное, надо сказать, для всех ситуаций, когда научные поиски заходят в тупик. Не вина, конечно, Нильса Бора в том, что его слова вдруг стали трактоваться в буквальном смысле, что их подняли на щит и превратили чуть ли не в девиз современной науки.

Единой теории, способной объяснить основные явления микромира, все еще нет, но количество «сумасшедших» идей (сумасшедших по-настоящему, всерьез) резко возросло, а главное — идеи эти обрели ореол гениальности, недоступной простым смертным. Выражение «здоровый смысл» стало одним из наиболее обидных ругательств. Подходить к чему-то с его позиций — значит проявлять тривиальность, пошлость, плебейство мышления. Но вслушайтесь: здоровый смысл — это ведь **здоровый** смысл. Любое открытие, сколь бы неожиданным оно ни было, сколь бы оригинальный путь к нему ни привел, если оно верно, здравому смыслу противоречить не может. Просто люди чего-то не знали до открытия, и у них **не хватало** здравого смысла подойти именно с этой, единственно правильной стороны. В качестве бесплодности здравого смысла часто вспоминают историю появления геометрии Лобачевского, который, вопреки всему практическому опыту, вопреки всем математическим канонам, вопреки здравому смыслу, взял и предположил, что параллельные прямые могут пересечься. И пожалуйста, эта «сумасшедшая» идея, это непостижимое гениальное озарение породили целую геометрию, такую же завершленную, красивую, непротиворечивую, как евклидова. И подтверждающуюся на практике!

Право же, не стоит из таких людей, как Лобачевский, делать одержимых гениев, не ведающих, что они творят. Здравого смысла не хватило у его противников, тративших силы на сарказмы в его адрес, вместо того, чтобы взять и спокойно проверить математически его идеи и выводы. А Лобачевский поступал предельно здраво в походе к задаче, которую пытался разрешить. Огромное количество математиков до него, среди них были и великие, пытались доказать злополучный пятый постулат Евклида. На все лады пробовали — не получалось. В подобных случаях вполне естественно предположить, что это не случайно, и хотя бы просто для эксперимента признать возможность противоположного допущения. Лобачевский подошел к разрешению проблемы вполне здраво, рассмотрев, что же тогда произойдет со всей геометрией. Ну, а когда во всех разделах ее концы стройно начали сходиться с концами, то поистине надо быть сумасшедшим, чтобы не поискать сферу, где подобная геометрия оказалась бы реальной, правомочной, практически подтверждающейся. Все в полном соответствии именно со здравым смыслом. Просто у Лобачевского его было больше, чем у его оппонентов, просто он более глубоко и всесторонне изучил проблему, чем его оппоненты.

Легко, конечно, расправляться со здравым смыслом, отождествив его с тупостью и косностью. Но ради чего мы должны это делать? Ес-

ли, допустим, ученый от исследования макромира переходит к исследованию микромира, то опыт и здравый смысл подсказывают: скорее всего, на новом уровне организации материи действуют свои особые законы, и рискованно, не разобравшись в поведении элементарных частиц, переносить на них известные уже законы макромира. Почему-то считается, что здравый смысл должен вести себя противоположным образом. Но тогда какой же он здравый? Именно здравый смысл, основанный на реальном опыте всей прошлой науки, подсказывает, что с обогащением опыта здравый смысл всегда меняется, обогащается, делается диалектичнее. Часто ему приписывают стремление видеть все неизменным, игнорировать факты, не укладывающиеся в привычные теории и т. д. (...)

Кстати, хотелось бы напомнить: опыт многих больших ученых, в том числе физиков — прямо об этом не раз говорил, например, Энрико Ферми, — показывает, что здравый смысл, если не понимать его превратно, оказывал и оказывает даже в самых отвлеченных, самых удаленных от кухни и верстака сферах поистине неоценимые услуги.»¹

Боровское требование сумасшедших или безумных идей — это, конечно, требование новых, принципиально новых идей. И ничего больше. К сожалению, на фоне моды в литературе и искусстве на всё аномальное² это требование звучит вызывающе-двусмысленно. Ученые вслед за художниками и философами поддаются порой искушению вольно обращаться с языком. Нетрудно представить, сколько ученых и разных искателей сбито с толку этой фразой Н.Бора. Обратная сторона требования безумных идей — появление экставагантных теорий и гипотез типа исторической теории Фоменко или теории торсионных полей (Г. Шипова и др.). А что творится в медицине?! Появились целые направления альтернативной медицины, представители которых не просто безумствуют, а вводят в заблуждение тысячи и тысячи людей, наносят серьезный вред их здоровью.

Глава 4. Пределы здравого смысла

Здравомыслие — фундамент, основа для принятия разумных решений. Как здоровье нужно человеку для полноценной, деятельной жизни, так и здравомыслие нужно ему для полноценного, деятельного мышления.

С другой стороны, здравомыслие необходимо, но недостаточно. Здесь опять можно сравнить его со здоровьем вообще. Здоровье само по себе не гарантирует человеку полноценной, полнокровной жизни. Оно лишь условие, предпосылка такой жизни. Если здоровый человек ведет себя очень скромно, “не

¹ А. А. Тарасов. Где ночуют миражи. М., 1978. С. 76-78, 82.

² См. мою книгу «Негатив жизни: антикультура и антифилософия».

хватает звезд с неба” (субъективный фактор) или “в тисках обстоятельств” (объективный фактор), то он не реализует себя в полной мере как творческое, деятельное существо. Точно так же и здравомыслие. Оно лишь условие, предпосылка для творческого мышления, для полета мысли. Оно отнюдь не гарантирует принятие разумных решений, не защищает в полной мере человека от ошибок.

Можно продолжить аналогию здравомыслия со здоровьем. Как здоровье не бывает абсолютным, идеальным (а лишь практическим), так и здравомыслие не бывает идеальным. Абсолютно здравомыслящих людей не бывает!

Глава 5. Разнокачественность и разноколичественность здравомыслия

Далее, как здоровье разное у разных людей, индивидуализировано и типологизировано, так и здравомыслие разное у разномыслящих людей, индивидуализировано и типологизировано. Говорят о разном качестве и разном количестве здоровья. Точно также можно говорить о разном качестве и количестве здравомыслия.

Разнокачественность здравомыслия обнаруживается прежде всего в следующем. У одного человека оно *логически* ориентировано (хороший “логик”), у другого — *интуитивно* ориентировано (с хорошей интуицией), у третьего — одинаково (сильно, средне, слабо) выражены логическая и интуитивная составляющие мышления. Сравните: здоровье Аполлона и здоровье Геркулеса, здоровье крестьянина и здоровье горожанина.

Далее, разнокачественность здравомыслия выражается в различном соотношении *конструктивной* (позитивной, утвердительной) и *критической* (скептической) составляющих мышления. У одних здравомыслящих людей больше выражена конструктивная (утвердительная) составляющая мышления, а у других — критическая, скептическая составляющая мышления. Конечно, при нарушении баланса конструктивного и критического мышления мы можем наблюдать нездравомыслие: в одном случае догматизм, легковерие, фанатизм, в другом — всеразрушающий скептицизм, недоверчивость, болезненная мнительность.

(Когда говорят о здоровом скептицизме, то имеют в виду, что человек, с одной стороны, не догматик, не фанатик, а, с другой, в меру скепичен, не злоупотребляет скепсисом).

Разноколичественность здравомыслия выражается в том, что один человек в большей степени здравомыслящ, другой — в меньшей. Сравните: крепкое и слабое здоровье.

Далее, один и тот же человек может быть здравомыслящим в решении относительно простых задач, касающихся, например, быта, удовлетворения органических потребностей, и нездравомыслящим при решении сложных задач, требующих от человека широты мышления, обширных познаний. Верующий-фанатик может нормально мыслить в пределах своего дома, семьи, хозяйства и патологически мыслить в более широком контексте социального поведения, например, делая выбор в пользу террора, убийства, самоубийства и т.п.

Глава 6. Здравомыслие можно развивать и корректировать

Здравомыслие не является чем-то данным от природы, от бога. Это — развивающаяся категория. Оно может развиваться и само по себе, и в результате сознательных усилий.

Естественным образом здравомыслие развивается по мере взросления человека. Здравомыслие ребенка весьма ограничено, неразвито, буквально является комнатно-домашним. Такого здравомыслия не хватает для того, чтобы вести самостоятельную жизнь. Здравомыслие взрослого человека — это *развитое* здравомыслие. Благодаря ему взрослый человек *способен* к самостоятельной жизни.

В свою очередь, у взрослых людей здравомыслие может быть развито в большей или меньшей степени и в разных направлениях. У всех взрослых имеется некоторое базовое здравомыслие (как основной обмен веществ в организме). Над ним надстраиваются и развиваются специализированные здравомыслия — в зависимости от того или иного вида профессиональной деятельности. Здравомыслие философа — одно, здравомыслие ученого — другое, здравомыслие художника — третье, здравомыслие политического деятеля — четвертое и т.д. Очень разнятся между собой здравомыслие крестьянина и горожанина.

Здравомыслие нуждается в постоянной подпитке и тренировке. Оно уменьшается как шагреновая кожа, если человек бездействует, не эксплуатирует свой мозг. Для здравомыслия нужен труд мысли! Вместе с тем, чем образованнее и культурнее человек, тем при прочих равных условиях развитие его здравомыслие.

Глава 7. Нездравомыслие, больной смысл **non compos mentis** (лат.) — не в здоровом уме

Как помимо здоровых людей есть много болеющих, больных, инвалидов, так и помимо здравомыслящих есть много людей с болезненным, больным или даже инвалидным мышлением. Мыслительные патологии также многообразны, как многообразно здравомыслие. В количественном плане патологическое мышление можно подразделить на болезненное, больное и инвалидное. В качественном плане патологическое мышление можно подразделить на догматическое и сверхкритическое, сверхлогическое (рационалистическое) и сверхинтуитивное (иррационалистическое).

Пример иррационального мышления — мистическое умонастроение.

Нездравомыслие не всегда бывает выражено явно. Порой его трудно распознать. Человек может обладать литературным талантом, красно говорить и при этом источать ядовитые мысли. Известен также феномен ложной мудрости.

Говорят: рыба гниет с головы. Последствия от нездравомыслия бывают весьма печальные. В наше время, когда взаимовлияние людей значительно усилилось, нездравомыслие отдельных философов, писателей, политиков может быть губительным для многих людей, чревато негативными социальными последствиями...

Отслеживать, изучать, изобличать различные формы больного мышления и, напротив, развивать, пропагандировать философию здравого смысла — двудеиная задача, от решения которой зависит судьба человечества.

Раздел 7. Как мы думаем, так и живем

«Горе от ума» — так называлась знаменитая пьеса А. С. Грибоедова. Еще говорят: «рыба с головы гниет». И в самом деле, ум — главноуправляющий поведением человека; в качестве такового он несет основную долю ответственности за это поведение. И радость от ума, и горе от ума. **Наша жизнь зависит от качества и направления наших мыслей. Как мы думаем, так и живем. Лучше думаем — лучше живем.**

Что значит лучше думать?

1. Лучше думать — это значит соблюдать баланс между логикой и интуицией.

По возможности мыслить логически, не скачками и озарениями, а анализом и рассуждением.

С другой стороны, развивать интуицию, богатство воображения, полет фантазии.

2. Лучше думать — это значит научиться управлять своими мыслями.

3. Лучше думать — это значит настраивать себя на хорошее и лучшее, быть оптимистом.

4. Лучше думать — это значит ничего не принимать на веру и не отвергать с порога, в меру сомневаться и в меру верить-доверять.

Д. Карнеги был во многом прав, когда писал:

«Все на свете ищут счастья — и существует один верный способ найти его. Для этого *вы должны научиться управлять своими мыслями*. Счастье не зависит от внешних условий. Оно зависит от условий внутреннего порядка.

Вы счастливы или несчастны не благодаря тому, что вы имеете, и не в связи с тем, кем являетесь, где находитесь или что делаете; *ваше состояние определяется тем, что обо всем этом думаете* (курсив мой — Л.Б.). Например, два человека могут находиться в одном и том же месте и заниматься одним и тем же; оба могут иметь примерно одинаковое количество денег и одинаковое положение — и все же один может быть несчастен, а другой — счастлив. Почему? Вследствие различия в их умонастроениях. Я встречал не меньше счастливых лиц среди китайских кули, в поте лица работавших при изнурительной жаре в Китае, за семь центов в день, чем встречаю на Парк-авеню в Нью-Йорке.

По утверждению Шекспира, ничто не является хорошим или плохим, — все зависит от того, как мы смотрим на вещи.

Эйб Линкольн однажды заметил, что «большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми». Он был прав. Не так давно я видел наглядную иллюстрацию, подтверждающую справедливость этой истины. Я поднимался по лестнице на станции метро «Лонг-Айленд» в Нью-Йорке. Прямо передо мной с огромным трудом преодолевали ступени примерно тридцать—сорок мальчиков-калек, опирающихся на палки и костыли. Одного мальчугана несли на носилках. Меня удивило, что они веселы и смеются, и я сказал об этом сопровождавшему их человеку. «О да, — ответил тот, — когда ребенок осознает, что останется калекой на всю жизнь, он вначале бывает потрясен, а затем, когда это состояние у него проходит, он обычно покоряется своей судьбе и становится счастливее здоровых детей».

У меня было желание снять перед этими ребятами шляпу. Они преподали урок, который, надеюсь, никогда не забуду.

Бывший игрок бейсбольной команды «Сент-Луис кардиналс», ныне один из наиболее преуспевающих страховых агентов в Америке Франклин Бетджер сказал мне, что много лет назад он понял, что человека с улыбкой на лице всегда принимают радушно. Поэтому перед тем, как войти к кому-то в кабинет, он всегда на мгновение останавливается и думает о тех многих вещах, за которые должен быть благодарен судьбе, и на лице его появляется широкая, неподдельная улыбка; и когда он входит в комнату, лицо его еще сохраняет следы этой улыбки.

По его мнению, этот простой прием играет серьезную роль в его необычайных успехах на поприще страхования.»

(Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М.-Баку. 1990. С. 96-97).

Осознав эту роль ума в нашей жизни, мы должны сделать для себя естественный вывод: чтобы не было горя от ума, его надо развивать и совершенствовать.

К вопросу об оценке умственных способностей человека и разных способах тестирования интеллекта

Надо выяснить, во-первых, возможна ли в принципе интегральная оценка мышления? Ведь мышление структурировано и разные его элементы (способности) требуют особого подхода. Одно дело: оценка способности логически мыслить, рассуждать, аргументировать. Другое дело: оценка способности интуитивно мыслить (смекалки, способности к догадке). И совсем иное дело: оценка Разума, высшей способности мышления, что предполагает оценку

убеждений человека, его способности философски мыслить, мыслить категориями, генерировать, оформлять и разрабатывать идеи.

Во-вторых, надо иметь в виду: не только интегральная оценка мышления, но и оценка его структурных элементов, отдельных умственных способностей представляет собой весьма сложную форму оценки. Например, способность логически мыслить носит как общий характер, так и специальный (применительно к житейско-бытовым вопросам, к избранной профессии, к родительской деятельности, к стандартам образования\культуры в разных странах). Нужна как оценка общей способности логически мыслить, так и специальной логики. То же самое можно сказать об интуиции. Есть общая способность к интуиции, а есть специальные формы интуиции (вырабатываемые и применяемые в тех или видах деятельности, в тех или иных культурно-исторических сообществах). Например, есть интуиция профессионала или материнская интуиция, интуиция европейца или интуиция азиата.

Или возьмем вероятностное мышление. Это не логика в чистом виде, и не интуиция и, тем более, не разум (не высшая способность мышления). Оно не является простым слагаемым логики и интуиции, а играет особую роль в мышлении.

То есть, как минимум, нужна независимая оценка всех четырех структурных элементов мышления, а потом уже решать вопрос об интегральной оценке мышления.

Как мне представляется, интегральная оценка мышления, одинаковая для всех, в принципе невозможна. Люди типологически различны и их интеллект очень разный. Нельзя, например, методологию оценки интеллекта, разработанную в США, применять один к одному в какой-нибудь другой стране.

* * *

В последние десятилетия на Западе, особенно в США, для оценки умственных способностей человека стало широко использоваться тестирование IQ (Ай-кью). С моей точки зрения, это тупиковый и губительный путь проверки уровня интеллекта. Мышление человека в широком смысле (и юного и взрослого, и молодого и старика, и мужчины

и женщины, и американца и китайца, и русского и араба) в принципе нельзя классифицировать по критериям какого-то одного способа тестирования. Знаменитая теорема Гёделя о неполноте формальных систем показывает, что невозможна полная формализация естественных процессов, тем более, таких сложных как мышление человека. А частичная формализация, каковой является тестирование Ай-кью, лишь частично характеризует умственные способности человека и никак не может быть признана как адекватная форма оценки интеллекта. Практическое использование Ай-кью может привести к весьма серьезным ошибкам.

Если IQ — и показатель умственного развития, и показатель уровня имеющихся знаний\осведомлённости, получаемый на основе различных тестовых методик¹, то это не более чем каша-мешанина совершенно разных вещей. Од-

¹ IQ — коэффициент интеллектуальности (результат теста iq) (англ. Intellectual quotient, сокращённо IQ), показатель умственного развития, уровня имеющихся знаний и осведомлённости, получаемый на основе различных тестовых методик.

Идея количественного определения уровня интеллектуального развития (IQ) детей с помощью системы тестов впервые была разработана французским психологом А. Бине (1903). Для каждого возрастного, исчисляемого в годах, периода уровень (норма) достигнутых знаний и умений полагался равным 100. Отклонения от этого стандарта позволяли судить об опережении или отставании в умственном развитии. Сам термин введён австрийским психологом В. Штерном в 1911. С помощью теста на IQ в США, например, проводится отбор в армию, оценивается степень подготовленности учащихся, проводятся социолого-психологические обследования.

Система тестов на определение IQ включает как задания, требующие словесного ответа на поставленные вопросы, так и задачи на манипулирование, например складывание целостной фигуры по данным её частям. Требуется решить — с ограничением времени — простые арифметические задачи и примеры, ответить на ряд вопросов, определить значения некоторых терминов и слов. Ответы оцениваются по определённой, заранее установленной шкале. Общее количество баллов, полученное по всем заданиям, переводится посредством таблиц, заранее отработанных на больших контингентах испытуемых, в соответствующий показатель IQ. При оценке учитывается возраст испытуемого.

По мнению большинства психологов, тест iq оценивает главным образом наличный уровень знаний. — (из Интернета)

но дело — умственное развитие, развитие способности мыслить, а другое дело — познавательный процесс или просто увеличение осведомленности.

Известно, что ум и знание порой противоречат друг другу. Еще Гераклит говорил: многознание не научает уму. Ум нередко нужен человеку там, где не хватает знаний и умений. Отсюда напрашивается вывод: тест IQ — чудовищно нелепая форма оценка интеллектуальности человека.

Если верно утверждение, что тест iq оценивает главным образом наличный уровень знаний, то непонятно, почему его результат именуется коэффициентом интеллектуальности (англ. Intellectual quotient, сокращённо IQ)? Ведь знания, а тем более осведомленность, не гарантируют высокого уровня интеллекта. Нет жесткой причинно-следственной связи между уровнем знаний, осведомленности и уровнем интеллекта (мышления).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЧТО ТАКОЕ ГЛУПОСТЬ? (НАБРОСКИ И ЗАМЕТКИ)

1. Все люди мыслят в той или иной степени. Мыслящие в большей степени — умны, мыслящие в меньшей степени — глупы. Кроме того, одни и те же люди могут быть умны в одном отношении и глупы — в другом. В принципе каждый человек глуп в той или иной степени.

Ум и глупость — это сила и слабость человеческого мышления. Каждый человек и умен, и глуп, бывает силен в своем мышлении, а бывает и слаб.

2. Глупость — слабость ума. Глупый человек слаб умом, обладает минимальными умственными способностями, минимально умен. Глупость — слабость ума, но не слабоумие! Последнее психопатично, представляет собой род психической болезни. Глупость же свойственна психически нормальному человеку. Тем не менее, грань между глупостью и слабоумием может быть весьма условной. Непроходимо глупый человек скорее всего страдает психопатическим слабоумием или его психическое состояние прогрессирует в сторону слабоумия.

От глупости один шаг к психопатическому слабоумию, а от слабоумия — к идиотизму.

Можно выстроить такую шкалу недомыслия:

глупость → слабоумие → идиотизм

3. Синонимы глупости: бестолковость, несообразительность, дурость, наивность. Глупый ≈ неумный.

Из Словаря русского языка С.И. Ожегова (М., 1991):

Глупый ≈ 1. С ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый. *Г.* человек. 2. Не обнаруживающий ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности. *Задать г. вопрос. Глупая статья. Глупое поведение.*

Из Словаря синонимов (Л., 1975):

ГЛУПЫЙ (не обладающий достаточным умом), НЕУМНЫЙ (с очень ограниченными способностями)... БЕЗГОЛОВЫЙ разг., презр., бран., усилит., ПУСТОГОЛОВЫЙ разг., презр., бран., усилит., БЕЗМОЗГЛЫЙ..., МАЛОУМНЫЙ..., ДУРНОЙ..., СКУДОУМНЫЙ..., СЛАБОУМНЫЙ... — Антонимы: Умный, неглупый. — *Ср.* Бестолковый, Неразумный, 2. Ограниченный, Придурковатый, Тупой.

ДУРАК (совсем глупый человек), ГЛУПЕЦ, БОЛВАН..., ДУРЕНЬ, ДУРАЛЕЙ, ДУРАЧИНА, БАЛДА, ОБАЛДУЙ, ОБОЛТУС, ОЛУХ, ОСТОЛОП, НЕДОУМОК, ОСЕЛ, идиот, кретин...

— Ср. Тупица.

4. *Глупость как ошибка.*

Человек делает глупость. Это значит, что он совершил ошибку, недодумал, оступился. Ошибку можно сделать по самым разным причинам, например, из-за незнания, из-за неумения, по небрежности, из-за халатности, из-за сильного страха, желания, из-за страсти. Т.е. не всякая ошибка является глупостью. Лишь та ошибка — глупость, которая сделана по недомыслию и которую другие люди в сходных обстоятельствах не сделали бы.

Цицерон говорил: «Заблуждаться свойственно всякому, но упорствует в своем заблуждении лишь глупец».

5. Любовь может быть большой глупостью, если до этого человек привык поступать исключительно рассудительно, хладнокровно. Бони поет в оперетте И.Кальмана "Сильва":

Любовь такая / Глупость большая...

И это действительно так бывает. Что-то из ряда вон выходящее, необычное с точки зрения обычного поведения воспринимается как глупость. Человеку порой кажется, что действия, которые он или кто-то другой совершает, никак не объяснимы, иррациональны и даже безумны, т.е. глупы.

6. Глупый человек легко или часто, как правило, впадает в крайности: либо легковерен, либо излишне недоверчив, подозрителен, либо ничего не боится, безрассуден, либо труслив и склонен к панике, либо чересчур строг, требователен, авторитарен, либо чересчур мягок, уступчив, попустительствует, и т. д. «Если глупец избегает порока — впадает в другой», говорил Гораций. Или: «Добродетель кончается там, где начинается глупость» (Неизвестный автор).

Глупый человек, пытаясь избежать одной крайности, впадает в другую. Пример: цензура и свобода слова; одни закручивают гайки в стремлении подавить инакомыслие, другие выступают против всякой цензуры. И то, и другое плохо.

7. Глупость заражает. Русская пословица говорит: «В умной беседе ума набраться, в глупой свой растерять». Или: «С дураком свяжешься — сам дураком станешь».

Типология глупости

Слабость мышления может быть качественно разной в зависимости от того, какая способность мышления неразвита: рассудок (логика) или ум (интуиция) или то и другое вместе.

При **неразвитости ума (интуиции)** мы имеем дело с рассудочностью, несообразительностью.

При неразвитости рассудка мы имеем дело с нерассудительностью, бестолковостью, безрассудством. См. о глупости нерассудительности выше, п. 21.

При неразвитости ума и рассудка мы имеем дело с общей глупостью (и несообразительностью, и бестолковостью, одним словом, тугодумием, недомыслием).

Возрастная глупость: глупость ребенка, юношеская глупость, глупость старика.

Индивидуальная и коллективная глупость. Пример последней: религия.

Самодурство. Самодур — человек, который действует по своей прихоти, по своему произволу, не считаясь или унижая достоинство других.

Примеры глупости. Рассказ Джека Лондона о двух золотоискателях-неумехах, погубивших себя из-за своей непроходимой глупости.

Детская глупость

Глупость ребенка — от неразвитости ума, мышления. Дети глупы, потому что мало знают, всего боятся или, наоборот, ничего не боятся, безрассудны. Девочки глупы, потому что мало знают-умеют и всего боятся, трусоваты. Мальчики глупы потому, что мало знают-умеют и отчаянны до безрассудства.

Юношеская глупость

Молодые люди уже не дети, но и не взрослые в полном смысле слова. У них еще сохраняются элементы детской глупости. «Кто не был глуп, тот не был молод» — утверждает народная мудрость.

Глупость стариков

Глупость старика — от слабости мышления, вызванной органическими причинами (старческий маразм). Старик бывает упрямым, догматичен до крайности, нетерпим или, напротив, может вести себя как ребенок, во всем уступая и плача.

Благоглупость

Благоглупость — «глупость, совершаемая с серьезным видом (иронич.)» Сл. Ожегова. Очень много благоглупостей гово-

рят философы. См. выше высказывания Ф. Ницше.

Головоотяпство

Головоотяп (разгов., презр.) — человек, который ведет дела безответственно и бестолково. — Сл. Ожегова с. 140.

Глупость мистицизма

Глуп суеверный человек, мистически или религиозно настроенный, верящий в НЛО, экстрасенсов, астрологию, гадания и т.д.

Суеверный человек глуп потому, что он доводам разума предпочитает ложные представления о существовании таинственных сил. Человек, испытывающий суеверный страх, перестает видеть вещи такими, какие они есть, он говорит: “тут что-то не то, нечисто” и всё становится смутным, растяжимым, спутанным, как в кошмарном сне.

Личный пример. В бытность мою холостяком со мной хотела познакомиться одна женщина (ей дали мой телефон знакомые моих знакомых). Она позвонила мне и мы стали разговаривать. После нескольких взаимных вопросов и ответов она задала мне вопрос: под каким знаком зодиака я родился, т.е. в какой день и месяц. Я ответил. Она сказала, что наши знаки зодиака несовместимы и поэтому нам не стоит встречаться. На этом разговор был закончен, знакомство не состоялось. Оказывается, женщина верила в астрологию и отказалась от знакомства исключительно из-за своей веры в магическую силу знаков зодиака.

Недавний пример: китайские женщины, в преддверие наступления года козы (с февраля 2003 г.), стали досрочно рожать (об этом свидетельствует резко увеличившаяся статистика рождений в последние месяцы перед китайским новым годом). Оказывается, астрологи “предсказали”, что ребенок, родившийся в год козы, будет несчастен. В итоге, дети появляются на свет до срока, не вполне сформировавшимися. А матери переживают психические и испытывают иные травмы (кесарево сечение, родовую стимуляцию и т. п.)

Глупость религии

Чтобы поглупеть, начните верить
Б. Паскаль

Верующие фактически исповедуют неразумие, глупость. В

одном из рассказов Горького есть такой диалог:

“Кто больше знает: дураки или мудрецы?”

— Дураки. Мудрецы во всем сомневаются”.

Верующие именно такие: они всё знают и ни в чем не сомневаются.

Религия оглушает. Служители церкви вольно или невольно оглушают народ. Вот пример: по ОРТ (1-му каналу телевидения) утром 7 января 1999 г. выступает священник и говорит буквально следующее: “один акробат так умилился ликом божьей матери на иконе, что не зная как выразить это умиление стал перед ней совершать акробатические упражнения. Божья мать сошла с иконы и вытерла ему пот”. И такими рассказами священнослужители потчуют простых людей.

Священнослужители не оригинальны в своих рассказах. Библия дает массу примеров нелепостей и глупостей. Взять хотя бы такое заявление Иисуса Христа: “У вас же и волосы на голове все сочтены” (Матф., 10: 30). Подумайте хорошенько, зачем богу считать волосы у людей?! Ему что, нечем заниматься? И вообще какой смысл в этой процедуре? Только лишь доказать, что все мы в полной, абсолютной зависимости от бога?! Не бессмыслица ли это? Что же, каждый наш чих, каждое ковырянье в носу, каждое спотыканье и т. п. — всё это по воле бога и тщательно учитывается им? Эти слова Иисуса Христа могут подействовать лишь на малых детей или на очень наивных и пугливых людей.

Кстати, детскость и глупость "ходят" где-то совсем рядом. Дети малые сверхнаивны, глупы, несмышлены. Их легко ввести в заблуждение, обмануть, одурачить. Так и верующие. Они могут быть по-детски наивны, глупы, легко поддаваться на обманы и одурачивания.

Эразм Роттердамский писал еще в 1509 г.: "Не зарываясь в бесчисленные подробности, скажу кратко, что христианская вера, по-видимому, сродни некоему виду глупости и с мудростью совершенно несовместна. Ежели хотите доказательств, то вспомните прежде всего, что ребята, женщины, старики и юродивые особенно любят церковные обряды и постоянно становятся всех ближе к алтарю, покорные велениям своей природы. Во-первых, позвольте спросить: кто такие были основатели христианства? Люди удивительно простодушные, жестокие враги всякой учености. Засим, среди глупцов всякого рода наиболее безумными кажутся те, кого воодушевляет христианское благочестие. Они расточают свое имение, не обращают внимания на обиды, позволяют себя обманывать, не знают различия между друзьями и врагами, в ужасе бегут от наслаждений, предаются

постам, бдениям, трудам, презирают жизнь и стремятся единственно к смерти, коротко говоря, — во всем действуют наперекор здравому смыслу, словно душа их обитает не в теле, но где-то в ином месте. Что ж это такое, если не помешательство?" (Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. Гл. 66 и далее).

Глупость религии от того, что она сама — **воплощенная глупость человечества**, иными словами, совокупная, организованная, институционализируемая глупость. Борьба с такой глупостью очень трудно, поскольку она поддерживается коллективной волей людей.

Феномен “ученого дурака”

Многознание не научает уму
Гераклит

Одно из величайших бедствий цивилизации — ученый ду-
рак
Карел Чапек

Ученый дурак — много знает, может гладко говорить, но в то же время глуп. Это весьма распространенный тип в современном обществе. Нередко глупы педагоги (учителя, преподаватели), научные работники, политики, юристы, священники...

Примеры:

1. Беликов в чеховском "Человеке в футляре".
2. Иона Андронов, народный депутат РСФСР (1990-1993 гг.).
3. Адвокат в “Воспоминаниях” кораблестроителя Крылова, цитировавший знаменитых юристов, но проигрывавший судебные процессы.

Если просто дурак бывает опасен, то ученый дурак опасен вдвойне. В самом деле, за личиной образованного и красно, гладко говорящего человека не сразу можно разглядеть неумного человека, прохвоста, глупца.

Кант в свое время писал: "Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства. Тупой или ограниченный ум, которому недостает лишь надлежащей силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже учености. Но так как в таких случаях подобным людям обычно недостает способности суждения, то нередко можно встретить весьма ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток"¹.

¹ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3, М., 1964. С. 218.

Мудрость чудака. Феномен Ивана-дурака

Казаться глупым мудрому не страшно.

Эсхил

1. Иван-дурак в русских сказках. Иванушку считают дурачком, но сам он оказывается умнее и хитрее всех (прежде всего, своих старших братьев). Иванушка-дурачок в русских сказках — это Золушка в сказках Европы.

2. Юродивые, блаженные, убогие. Образ юродивого в пушкинском "Борисе Годунове".

3. Лион Фейхтвангер. Мудрость чудака (— о жизни Жан-Жака Руссо).

4. А.С. Пушкин. В середине мая 1826 г. он писал в письме к Вяземскому: "Твои стихи... слишком умны. А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата".

Психопатическая глупость (слабоумие, идиотизм)

Граница между нормальной человеческой глупостью и психопатической глупостью достаточно условна. Она определяется экспертными оценками врачей-психиатров. Поэтому могут быть ошибки в ту или иную сторону.

Тяжелые формы недоразвитости мозга психиатры назвали олигофренией (от греч. *oligos* — немногий, незначительный, *phren* — ум). Слабоумие или умственная отсталость может быть следствием врожденных дефектов нервной системы, результатом болезни или травмы. Психиатры делят олигофренов на дебилов (легкая степень отсталости), имбецилов (средняя) и идиотов (глубокая). Идиотизм, идиотия — крайняя степень слабоумия.

В практике словоупотребления идиотизм нередко представляется как непроходимая глупость, тупость, а идиот — как глупец, дурак.

Психопатическая глупость в строгом смысле не является глупостью. Последняя — слабость ума **психически нормального** человека. Мы смеемся, издеваемся над глупостью, имея в виду, что она могла и не быть. Психопатическое слабоумие — болезнь, а над болезнью не смеются.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПАРАДОКСЫ И ПАРАДОКСАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ (нелепость и идиотизм парадоксального мышления)

Противоречия в мышлении

Величие души обнаруживается не в том, что человек достигает какой-нибудь крайности, а в том, что он умеет сразу коснуться обеих крайностей и наполнить весь промежуток между ними.

Б. Паскаль

Начну издалека. Что такое противоречия в мышлении и как они относятся к парадоксам?

Ясно, что существуют реальные противоречия, внутренние и внешние, гармонические и антагонистические¹. Они своеобразно преломляются, отражаются в человеческом мышлении. Внутренние и гармонические противоречия могут выступать в виде логически непротиворечивых мыслей, суждений, высказываний. Внешние и антагонистические противоречия могут выступать в виде логически противоречивых мыслей, суждений, высказываний.

На одном полюсе мышления мы видим известные законы (принципы, правила) логики — прежде всего закон тождества и закон запрета противоречия. Они требуют тождества (соответствия) в мыслях (об одном и том же), требуют тождества (соответствия) мыслей предмету мыслей.

На другом полюсе мышления мы видим логически противоречивые суждения, парадоксы, антиномии и т. п. Они продуцируют несовпадение, нетождество мыслей (об одном и том же) вплоть до их противоположности, продуцируют несовпадение, нетождество, несоответствие мыслей

¹ См. об этом: Л.Е.Балашов. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). М., 1997. С. 135-178; Л.Е.Балашов. Противоречие (категориально-логический портрет). — В: журнал «Полигнозис», 1998, № 3; Л.Е.Балашов. Философия: Учебник. М., 2012.

предмету мыслей.

В первом случае работает *логика*, во втором — *интуиция*. Логика и интуиция — порядок и хаос мышления, мышление по правилам и мышление без правил. Логика — против отождествления нетождественного и растождествления тождественного, интуиция не против отождествления нетождественного и растождествления тождественного; она допускает и/или продуцирует противоречивые суждения, антиномии, парадоксы. Последние играют отрицательную роль в мышлении, мешают правильному (логическому) мышлению. Тем не менее именно они заставляют думать, будят мысль, тревожат, беспокоят мысль человека. Столкновение противоречащих мыслей — неотъемлемая составная часть мыслительного процесса.

Когда люди утверждают об одном и том же разное или даже противоположное, то возникает ситуация неопределенности или конфликта. Неопределенность, в свою очередь, в зависимости от активности или пассивности субъекта может либо провоцировать постановку задачи, либо сковать и даже парализовать его волю. Ситуация конфликта возникает в тех случаях, когда требуется однозначное понимание или решение, а его нет и нет. Эта ситуация может возникнуть как в мышлении одного человека, так и в общении разных людей.

Парадоксальное мышление

Парадоксальный ум относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации.

Ж. Лабрюйер

...как только противоречия признаются, вся наука должна разрушиться.

К. Поппер

Концепция диалектических противоречий родилась из противопоставления формально-логическому закону запрета противоречия. Согласно этому закону нельзя говорить об одном и том же **да** и **нет**. Например, нельзя говорить, что человек существует и не существует. А некото-

рые философы (во главе с Гегелем) считают, что так можно говорить. Что такое движение по их мнению? — Тело находится в данном месте и в то же время не находится. Вот их характеристика движения как реально существующего противоречия в формально-логическом смысле. На самом деле, диалектическое противоречие — не утверждение и отрицание в одном пакете. Оно представляет собой некое единство, взаимодействие **противоположностей**. Применительно к тезису "тело находится в данном месте и в то же время не находится" точнее следует говорить так: "тело находится в данном месте и находится в другом месте, расположенном где-то рядом с этим местом". Как видим, "находится в другом месте" — не то же самое, что "не находится в данном месте". Так же как "потребление" не тождественно "непроизводству", "черное" не тождественно "небелому".

Противоположности не только отрицают друг друга. Рассмотрим подробнее это на примере соотношения белого и небелого. Белое — утверждение, а небелое — отрицание утверждения. Ясно, что небелое не является противоположностью белого. Таковой является черное. В черном же есть содержание, которое путем отрицания белого никак не высвечивается. Ведь небелым является и зеленое, и красное, и желтое и черное... Как видим, по гегелевски настроенные философы путают отрицание и противоположность. Отрицательное понятие включает в себе абсолютно всё. Если рассматривать небелое, то здесь имеется в виду цвет. А при формально-логическом подходе небелое — всё, кроме белого. Истинно диалектическая формула — это соединение противоположностей типа белого и черного.

Известный философ XX столетия К. Поппер резко выступал против диалектики Гегеля именно по причине ее парадоксальности. Критический запал К. Поппера можно понять. Действительно, эта путаница с логическими и реальными противоречиями ведет порой на дорогу ложного и ядовитого философствования, что пагубно отражается на философии и культуре в целом. За примерами не нужно далеко ходить. Тот же К. Поппер демонстрирует, какие опасные нигилистические выводы можно сделать из вроде бы безобидного отождествления Гегелем бытия и ничто. В

самом деле, последний недвусмысленно заявляет о тождестве бытия и ничто, предварительно, правда, выхолостив содержание бытия [говоря о нем как о чистом, лишенном конкретных определений бытии]. По форме это тождество бытия и ничто выглядит как логическое противоречие “А и не-А”. А раз логическое противоречие — из него может вытекать всё, что угодно, в частности прямо противоположные жизненные концепции: оптимистическая, жизнеутверждающая и нигилистическая, жизнеотрицающая. Гегель как философ-оптимист склонял чашу весов в сторону бытия, бытийности [не случайно он “снял” бытие и ничто не в исчезании, не в прехождении, а в *становлении*, т. е. в направленности к бытию]. Хайдеггер же из гегелевского отождествления бытия и ничто вывел нигилистическую концепцию “бытия, идущего к смерти”, о чем пишет К. Поппер:

”М. Хайдеггер добился славы, возродив гегелевскую *Философию ничто*. Гегель “узаконил” теорию, согласно которой “чистое бытие” и “чистое ничто” тождественны; он говорил, что, если вы пытаетесь продумать понятие *чистого* бытия, вы должны абстрагировать от него все конкретные “определения объекта”, и, следовательно, оно, как выражался Гегель, “есть на деле... не более и не менее, как ничто”. (...) Хайдеггер изобретательно применяет гегелевскую теорию ничто к практической философии жизни, или “существования”. Жизнь, существование могут быть поняты только благодаря пониманию ничто. В своей книге “Что такое метафизика?” Хайдеггер говорит: “Исследованию подлежит только сущее и больше — ничто,... единственно сущее и сверх того — *ничто*”. Возможность исследования ничто (“Где нам искать Ничто?”) Как нам найти Ничто?”) обеспечивается тем фактом, что “мы знаем Ничто”; мы знаем его через страх: “Ужас приоткрывает Ничто”.

“Страх”, “страх ничто”, “ужас смерти” — таковы основные категории хайдеггеровской философии существования, т. е. такой жизни, истинным значением которой является “заброшенность в существование, направленное к смерти”. Человеческое существование следует интерпретировать как “железный штурм”: “определенное существование” человека является “самостью, страстно желающей свободно умереть... в полном самознании и страхе”...¹⁾

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. — М., 1992. С. 91-92.

К. Маркс, который считал себя учеником Гегеля, часто рассуждал как софист, софистически отождествлял противоположности и даже оборачивал их. В одном случае он, например, говорил о “сущности человека”, что “в действительности она есть совокупность всех общественных отношений”, а в другом — об обществе, что это “сам человек в его общественных отношениях”. Пойми, разберись: где человек, а где общество! Маркс не очень заботился о соответствии своих мыслей друг другу. Он даже питал слабость к парадоксам¹. Это в конечном счете его и подвело. На бумаге парадоксы выглядят красиво и даже гениально. Когда же они проводятся в жизнь, то перед практиками-исполнителями всегда возникает ситуация жесткого выбора: либо-либо, либо проводить в жизнь одну (утвердительную) половину парадокса, либо другую (отрицательную) половину. В итоге мы наблюдаем *мозаичную* картину: где личность приносится в жертву обществу, а где общество заботится о личности так, будто личность — младенец, не способный к самостоятельной жизни. В СССР мы постоянно наблюдали такую мозаичную картину.

В марксизме путали формально-логические противоречия с диалектическими, и в результате этого возникло много парадоксов и софистических уловок, которые приводили к грубым ошибкам и трагедиям.

Это было характерно не только для марксистов. Есть такое высказывание Екатерины Медичи, матери французского короля Карла IX: “С ними человечно — быть жестоким, жестоко — быть человечным” — так она сказала в оправдание резни гугенотов, устроенной в Варфоломеевскую ночь². Она обернула понятия. Это пример псевдодиалектики, парадоксального высказывания. То же у Шекспира: «Чтоб добрым быть / Я должен быть жесток» — гово-

¹ Вслед за ним и Ф. Энгельс не чурался парадоксальной формы изложения своих мыслей. Вот два примера: “жить значит умирать” (см. разбор этой фразы ниже в п. “Жить значит умирать?”); “...случайное необходимо, а необходимое точно также случайно” (т. 20, с. 532; Диалектика природы).

² В эту ночь в Париже (Франция, 24 августа 1572 г., ночь св. Варфоломея) были убиты в результате массовой резни, устроенной католиками, 20 тысяч гугенотов. Резня была организована Екатериной Медичи и Гизами.

рит Гамлет. Или: Шекспир устами Катарины, героини комедии "Укрощение строптивой", сказал: "Сила женщины в ее слабости". Если вдуматься в буквальный смысл высказывания, то оно чудовищно. Влечение к другому полу основано на том, чего нет в тебе самом и в чем ты нуждаешься. Под слабостью можно понимать разные вещи: физическую слабость, слабость ума и т. д. Если эту фразу понимать логически, то это абсолютно неверное высказывание. Женщина сильна в том, в чем мужчина слаб. Да и вообще для характеристики мужчин и женщин не подходят координаты "сила—слабость". Сила—слабость устанавливаются в борьбе, преодолении. Мужчина и женщина не борются между собой, а любят друг друга. Их отношения гармонические, а не конфронтационные-конфликтные. Там, где мужчины и женщины борются, конфликтуют друг с другом, там нет мужчин и женщин, есть просто люди.

Еще один пример: «Так нежно ненавижу и так язвительно люблю» (поэт Владислав Ходасевич). Жутковато становится, когда **так** выражаются. Опасное словоблудие...

Писатели, драматурги, философы часто грешат этим способом выражения мыслей, поскольку не чувствуют, не сознают ответственности за практические последствия своих мыслей-слов. Они играют, играют порой опасно, как это делают малые дети, играющие с огнем. И ведут себя подобно детям-глупышам или подросткам-сорванцам.

Глупость нерассудительности. Нерассудительный человек часто вступает в противоречие с самим собой и не замечает этого противоречия. Вот пример из шекспировской «Двенадцатой ночи»:

Шут говорит своей госпоже Оливии:

« — Хотите, я Вам докажу, что Вы глупое создание.

Оливия отвечает:

— Попробуйте.

— Добрейшая мадонна, о чем ты грустишь?

— Добрейший шут, о смерти моего брата.

— Я думаю, душа его в аду, мадонна.

— Я знаю, что душа его в раю, шут.

— Тем более глупо, мадонна, грустить о том, что душа Вашего брата в раю. Ха-ха-ха!.. Убе-ди-те глупое создание, господи!»

Оливия по достоинству оценила эти рассуждения своего шута.

Есть люди, которые не любят рассуждать и даже кичатся своей нерассудительностью, не стесняются противоречить себе, говорить парадоксами.

Встречаются такие и среди философов. Н. А. Бердяев, например, ставил интуицию выше рассудка. Каждую свою мысль он лепил как отдельную самостоятельную вещь. Он, кстати, и не скрывал того, что не способен рассуждать. В автобиографии "Самопознание" читаем: "мое мышление интуитивное и афористическое, в нем нет дискурсивного развития мысли. Я ничего не могу толком развить и доказать" (стр. 92).

Таким был и Ф. Ницше. Он сразу лепит всё, что приходит на ум и непременно шокирующее, бьющее на внешний эффект. Б. Рассел по этому поводу заметил: "Ницше очень любит говорить парадоксами, желая шокировать рядового читателя. Он делает это, употребляя слова "добро" и "зло" в обычных им значениях, а потом заявляет, что предпочитает зло добру." (Рассел Б. История западной философии. Кн. 3. Новосибирск, 1994. С. 247). Ницше не аргументирует, не утруждает себя аргументами, а утверждает-изрекает как остроумец-иронист или мистик-пророк.

Ф. Ницше обожал язык парадоксов. Вот некоторые примеры:

"Мы должны освободиться от морали, чтобы уметь морально жить" (Spazier K. Antiphadon. Berlin, 1961. S. 142). (Цит. по: Свасьян К. А. Ницше — мученик познания // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 25).

«Можно с одинаковым успехом выводить свойства добрых людей из зла, а свойства злых людей из добра» (Злая мудрость. № 108. — Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 737).

«Правдивый человек в конце концов приходит к пониманию, что он всегда лжет» (Злая мудрость. № 147. — Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 742).

Главный его труд "Так говорил Заратустра" имеет подзаголовок "Книга для всех и ни для кого". Непредубежденный читатель скажет: у человека не все в порядке с головой. И в самом деле, Ницше в большинстве случаев говорил абсолютно аномальные вещи, как юродивый. Он — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии.

Вслед за Ницше и другие философы стали злоупотреблять парадоксальными высказываниями. Например, О. Шпенглер, почитатель Ницше, признавался в том, что всегда принципиально презирал философию ради самой философии¹. Это в ответ на упрек в дилетантизме.

Иные благоглупости можно время от времени слышать из уст людей, по-своему неглупых. Вот что сказал в свое время писатель Оскар Уайльд: "Единственный способ избежать соблазна — это поддаться ему"... Так и хочется задать ехидный вопрос: а если соблазн уколется героином или прыгнуть с высокого этажа или изнасиловать или своровать-ограбить или убить?

Уинстон Черчилль отличился такой фразой: «Демократия — это самая плохая форма правления, но с одним допущением: лучшей, к сожалению, нет»². Эта фраза дурно пахнет. За версту от нее отдает индульгенцией. Делай, что хочешь: демократия всё спишет. Ведь это самая плохая форма правления, а лучше ее нет.

Недавно (9.08.2003—10.30) в рубрике «Полное собрание откровений Радио России» прозвучала такая сентенция артистки Фаины Раневской: «Мое богатство очевидно в том, что мне оно не нужно». Ну что говорить: Радио Рос-

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 523.

² Эта фраза взята из фильма «От любви до ненависти. Уинстон Черчилль», показанного по РТР 22 февраля 2005 г. А вот что я нашел в интернете: «Образчик английского юмора продемонстрировал Уинстон Черчилль. Его фразу не раз перевирали на все лады, поэтому приведу английский текст и точный перевод: «Democracy is the worst form of government except for all those others that have been tried» («Демократия является наихудшей формой правления, исключая все те, что были опробованы до сих пор»)» — Официальный сайт еженедельной газеты Новомосковский посредник.htm Александр БОЕВ 20.07.2004

сии растиражировало однажды сказанную глупость. И это, конечно, не делает ему чести.

Список парадоксальных высказываний можно продолжить. Поэт В. В. Маяковский как-то сказал: «Я люблю смотреть, как умирают дети». Чудовищный смысл этого высказывания как раз следует из его парадоксальности. Практически все люди любят детей. Это дано им природой. И видеть как умирают дети, совершенно невыносимо для всякого мало-мальски нормального человека. Маяковский перевернул отношение: он любит как раз то, что по всем нормам жизни должен ненавидеть. Внешне это выглядит как полуневинная шутка, эпатаж, поза, вызов, плевок, нонконформизм, наконец. А по сути гнусное, подлое, аморальное высказывание. По гнусности и аморальности я могу сравнить его только с поступком испанского художника Сальвадора Дали. На одной из своих картин этот художник сделал надпись: «Иногда ради удовольствия я плюю на портрет своей матери». Узнав о выходке сына, отец проклял его. Кстати, это тоже парадоксальное и противоречивое в своей основе высказывание.

Писатель В. Ерофеев, будучи ведущим программы «Апокриф» на телеканале «Культура», заявил в самом конце передачи, посвященной андеграунду (4.02.2004. — 20.40; повторение 5.02.2004. — 12.40): «Я должен с прискорбием сказать, что мы живем в свободной стране». Называется, пошутил. Очень скользкая и далеко не безобидная шутка. Для тех, кто любит свободу, она неприемлема, поскольку эмоционально отрицает свободу. Тем же, кто ностальгирует по времени несвободы (коммунистический режим), эта фраза как бальзам. Сам писатель, без сомнения, за свободу. Поэтому по форме его высказывание является противоречивым: нельзя скорбеть по поводу того, что любишь.

В отдельных случаях парадоксальные высказывания имеют определенный положительный смысл, как перчик в мясном блюде или гомеопатическая доза в лечении. При-

мер: сократовское "я знаю, что ничего не знаю"¹. По форме это логически противоречивое утверждение (если человек **ничего** не знает, то не может знать и о том, что он не знает). По содержанию же это своеобразная попытка сформулировать принцип познавательной скромности. (Сравн.: Олкотт: «Пребывать в неведении относительно собственной невежественности — такова болезнь невежд». Или Дж. Бруно: «Тот вдвойне слеп, кто не видит своей слепоты; в этом и состоит отличие прозорливо-прилежных людей от невежественных ленивцев»). Сократовский парадокс указывает еще на такую особенность познавательного процесса: чем больше мы узнаем, тем больше соприкасаемся со сферой незнаемого, т. е., попросту говоря, чем больше мы знаем, тем больше знаем, что не знаем. Такое противоречие можно наглядно представить следующим образом:

С познанием, т. е. увеличением круга знания увеличивается сфера соприкосновения с миром незнания.

Именно про такие случаи А. С. Пушкин говорил: «И Гений, [парадоксов] друг». Многие ссылаются на эти слова Пушкина. или держат их в уме как нечто безусловно истинное. На самом деле, у Александра Сергеевича здесь явное художественное преувеличение. Гений далеко не всегда является другом парадоксов. Какой парадокс мы можем найти в Патетической симфонии П. И. Чайковского или в «Джоконде» Леонардо да Винчи, или в законе всемирного тяготения Ньютона? Да никакого! Кстати, сам Пушкин, поставив слово «парадокс» в указанную стихо-

¹ Доподлинно неизвестно, произносил ли Сократ эту фразу. В сочинении Платона «Апология Сократа» приводится близкое по смыслу рассуждение Сократа. Подобное утверждение ("Я знаю только то, что ничего не знаю") приписывается Демокриту. — В 304 Diels. См. примечание № 16 к «Апологии Сократа» издания 1968 года, под редакцией А. А. Тахо-Годи.

творную строку, затем зачеркнул его, оставив открытым вопрос о том, какое слово должно стоять в этом месте. Вообще указанная строка принадлежит незаконченному черновому варианту задуманного стихотворения. Вполне возможно, что по зрелом размышлении А. С. Пушкин вставил бы здесь другое слово.

Кстати у Александра Сергеевича можно найти немало совершенно очевидных художественных преувеличений. Вот что он, например, писал в письме к В. Л. Пушкину:

Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.

А. С. Пушкин выразил в этих стихах свое субъективное отношение к ситуации в стране, навеянное конкретными печальными размышлениями. Попробуйте всерьез воспринять слова поэта об исчезновении рассудка на Руси. Это совершенно невозможно.

Поэты, как и философы, любят играть словами и порой строят воздушные замки поэтической мысли, которые могут быть весьма оторваны от земли, далеки от реальности.

А. В. Гулыга в книге «Кант» писал: «...парадоксов бояться не следует: они будоражат мысль и направляют ее по новому пути.»¹ Многие так считают. Я согласен с тем, что парадоксы **будоражат** мысль, но не могу согласиться с категорическим утверждением, что они «направляют ее по новому пути». Правильнее говорить о том, что парадоксы могут как направлять по новому пути², так и сбивать с толку, вносить путаницу и сумятицу в умы людей. Ницшеанские и подобные им парадоксы чаще всего именно последнего свойства.

¹ А. Гулыга. Кант. М., 1977. С. 110.

² Да и это выражение «по новому пути» весьма сомнительного свойства. Новое не всегда лучше старого. Я уже говорил в других книгах, что «глупо уничтожать старое только потому, что оно старое, и поддерживать новое только потому, что оно новое». О *С.И. Танееве*-педагоге говорили: «Ни одна новая мысль не пугала его потому, что она новая, и ни одна новая мысль не покоряла его потому, что она новая».

Парадоксальное высказывание — это интеллектуальный крик, крик ума. На крик, конечно, могут обратить внимание. Но он же может сбить с толку, привести к панике, к другим хаотическим настроениям и действиям.

И вообще вопрос не в том, бояться парадоксов или не бояться. Это всё эмоции. Надо предметно, спокойно-рассудительно разбираться и с самим феноменом парадоксов, и с тем как отдельные обозначенные парадоксы влияют на мышление и поведение человека.

Злоупотребляющие парадоксальными высказываниями, в сущности, снимают с себя ответственность делать выбор, решать задачу в ту или иную сторону, принимать решение по одному варианту, как бы запирают себя в пределах (в темнице) мышления, не позволяют мысли выйти на простор действия. Кажется безграничной свободой — думать и говорить парадоксами (думать и говорить как хочется). На самом деле, парадоксально мыслящие — крайне несвободные люди. Принимаемая-примиряемая альтернативные, взаимоисключающие варианты, они тем самым отвергают самую возможность выбирать, лишают себя и других права на выбор. Такие люди в буквальном смысле не могут судить. Допустим, они признают человека совершившим преступление и в то же время оправдывают его, ссылаясь на то, что он оказался в беде и не виноват в своем преступлении. Иллюстрацией к этому служит старая притча:

К судье пришли двое спорящих с просьбой рассудить их. Судья внимательно выслушал доводы истца и, когда тот кончил говорить, заявил ему: "Да, ты, безусловно, прав!" Тогда заговорил ответчик. Судья и его внимательно выслушал от начала и до конца, и потом сказал: "Ты совершенно прав!" Тут вмешалась жена судьи. "Как это может быть, чтобы оба спорящих были правы?" — спросила она с возмущением. Судья подумал и сказал ей: "Знаешь что? Ты тоже права."¹

Вот такие бывают судьи. **«Кто объявляет все истинным, тем самым делает истинным и утверждение, про-**

¹ См.: Молла Насреддин. М., 1970. С. 64-65

тивоположное его собственному» — говорил Аристотель. Этот величайший мыслитель древности создал науку логики, чем положил начало развенчанию парадоксального мышления.

В практической сфере нельзя вести себя парадоксальным, противоречивым образом. Когда это всё же случается, наступает хаос. Н. Г. Чернышевский отмечал, что непоследовательность в мыслях ведет к непоследовательности в поступках. У кого не уяснены принципы во всей логической полноте и последовательности, писал он, у того не только сумбур в голове, но и в делах чепуха.

Как-то ученые проводили эксперимент с собаками: им давали пищу и одновременно били током. В итоге собаки буквально сходили с ума.

Психиатр П. Б. Ганнушкин писал о людях с парадоксальным мышлением:

«Больше всего шизоидов характеризуют следующие особенности: аутистическая оторванность от внешнего, реального мира, отсутствие внутреннего единства и последовательности во всей сумме психики и причудливая парадоксальность эмоциональной жизни и поведения...

Эмоциональной дисгармонии шизоидов нередко соответствует и чрезвычайно неправильное течение у них интеллектуальных процессов. И здесь их больше всего характеризует отрешенность от действительности и власть, приобретаемая над их психикой словами и формулами. Отсюда — склонность к нежизненным, формальным построениям, исходящим не из фактов, а из схем, основанных на игре слов и произвольных сочетаниях понятий. Отсюда же у многих из них склонность к символическому. Сквозь очки своих схем шизоид обыкновенно смотрит на действительность. Последняя скорее доставляет ему иллюстрации для уже готовых выводов, чем материал для их построения. То, что не соответствует его представлению о ней, он, вообще, обыкновенно игнорирует. Несогласие с очевидностью редко смущает шизоида, и он без всякого смущения называет черное белым, если только этого будут требовать его схемы. Для него типична фраза Гегеля, сказанная последним в ответ на указание несоответствия некоторых его теорий с действительностью: «Тем хуже для действительности».

Особенно надо подчеркнуть любовь шизоидов к странным, по существу, часто несовместимым логическим комбинациям, к сближению понятий, в действительности ничего общего между собой не имеющих. Благодаря этому отпечаток вычурности и парадоксальности, присущих всей личности шизоида, отчетливо сказывается и на его мышлении. Многие шизоиды, кроме того,

люди «кривой логики», резонеры в худшем смысле этого слова, не замечающие благодаря отсутствию у них логического чутья самых вопиющих противоречий и самых элементарных логических ошибок в своих рассуждениях.

Надо добавить, однако, что при наличии интеллектуальной или художественной одаренности и достаточной возможности проявить свою инициативу и самостоятельность шизоиды способны и к чрезвычайно большим достижениям, особенно ценным благодаря их независимости и оригинальности.»¹

Последняя оговорка П. Б. Ганнушкина (насчет одаренных шизоидов) весьма сомнительного свойства. Люди, действительно пренебрегающие логикой, ведут себя в реальной жизни неадекватно, вследствие этого несамостоятельны и не способны к сложным формам деятельности, каковыми являются разные виды творчества. Люди, приближающиеся к шизоидному типу — да, могут. Но ведь П. К. Ганнушкин, как психиатр, имел в виду (или обязан был иметь в виду) патологическую шизоидность.

Люди, допускающие алогизм в высказываниях и действиях, делятся, как минимум, на две категории: на тех, кто делает это иногда и без тяжких последствий, и на тех, кто делает это часто и поэтому рискует очень многим.

Первые — нормальные люди; они играют, развлекаются, кокетничают, эпатируют в меру или не совсем в меру (пример: "жизнь гнусна, но жить хорошо" — любил повторять Ролан Быков, киноартист и кинорежиссер [— из документального фильма "Мы любим тебя, Ролан!", показанного по телеканалу "Культура" 24 января 2003 г.]).

Вторые — патологические типы, которые могут быть опасны для общества; их нужно лечить или держать в изоляции, если они безнадежны.

Есть еще люди, которые балансируют на грани нормы и патологии. Например, некоторые циничные политики, сознательные или бессознательные провокаторы ведут себя по поговорке "чем хуже, тем лучше". Они надеются на то, что когда станет хуже, наступит нарушение порядка, хаос и в этой ситуации они могут решить свои проблемы (как тот рыбак, который ловил рыбу в мутной воде).

¹ См.: Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М., 1981. С. 385-386.

Религия против логики

Верую, ибо абсурдно

Тертуллиан

Апологеты и защитники религии пренебрежительно относятся к логике. Тому есть много свидетельств. Резюме пренебрежительного отношения — в знаменитом высказывании Тертуллиана, одного из отцов церкви: “Верую, ибо абсурдно (*credo guia absurdum*)”. Данное высказывание — циничная констатация того, что религиозная вера сплошь и рядом нарушает логику, прежде всего логические законы тождества и запрета противоречия.

А. И. Уемов пишет: “Много противоречий содержится в сказаниях, легендах и религиозных сочинениях. В одной мордовской легенде, повествующей о сотворении мира, рассказывается следующее.

“Бог шел по морю и думал, как сотворить мир, думал, и ничего не придумал, тогда он рассердился и плюнул. Сейчас же возник диавол. Бог велел ему погрузиться в море и достать со дна кусок земли. Диавол достал, и мир был сотворен из этого куска” (К. Ф. Жаков. Логика, Спб, 1912. С. 4).

Итак, когда-то мира не было, но была вода и земля. Но если существовала вода и земля, то существовал и мир. Следовательно, здесь одновременно признаются истинными два противоречащих суждения: “мира не было” и “мир был”, года как, согласно закону исключенного третьего, истинным может быть только одно из них. *Вся религиозная литература изобилует подобного рода нелогичностями* (курсив мой — Л.Б.). Особенно много противоречий в Библии. Бог все прощает, и вместе с тем создает ад, где вечно мучаются души грешников. А эти грехи опять-таки возникли по воле бога, без которого “ни один волос не упадет с головы”. Уже в VIII веке один ученый насчитал в Библии несколько сот противоречий. Но, несмотря на это, религии удавалось и все еще удается убеждать отдельных людей. Если бы они лучше разобрались в логике, конечно, было бы значительно труднее убеждать их в истинности

всякого рода вопиющих нелепостей.»¹

Вот некоторые парадоксальные высказывания религиозных деятелей:

Евангелие от Луки: "Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее." (XVII, 33)
В передаче В.С.Соловьева: "Кто будет стараться спасти душу свою, погубит ее, а кто погубит ее, тот оживотворит ее".

Евангелие от Матфея (5: 3), от Луки (6: 20): «Блаженны нищие духом».

Евангелие от Матфея (11: 30): «иго Мое благо, и бремя Мое легко» — слова Иисуса Христа.

Евангелие от Луки (14: 26): «Если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником».

Откровение Иоанна: "Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю" (3:19).

Апостол Павел: "Ибо когда немощен, тогда силен"

«Кого бог наказывает — того любит» — священнослужитель по телеканалу «Культура» 2 сент. 2003 г. в передаче о Сабашниковых.

А. Н. Чанышев в «Курсе лекций по истории древней и средневековой философии» пишет об одном из отцов церкви: «В сочинении «Об исправлении донатистов» он (Августин Аврелий — Л. Б.) цинично заявляет, что «церковь преследует, любя». В «Письме к Донату» гиппонский епископ говорит, что церковь теперь «не только приглашает к добру, но и принуждает к нему». Это принуждение включает в себя не только душеспасительные беседы, но и телесные истязания. В своей «Апологии гонений» Августин заявляет, что «лучше раны, нанесенные другом, чем поцелуи врага». Под «другом» же Августин понимает следователя-палача. Нельзя сказать, чтобы Августин был полным садистом. Так, он хвалит следователя за то, что тот добился признания «одними розгами, не прибегая ни к растяжению тела на станке, ни к вырыванию крючьями

¹ Уемов А.И. Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить. М., 1958. С. 61-62.

мяса, ни к обжиганию его пламенем» (192). Но все это во имя любви! Во имя спасения души еретика! Августин говорит следователю-палачу, успокаивая его совесть: «Ты накажешь его (еретика. — А. Ч.) розгой и спасешь душу его от преисподней». Он ссылается на текст Псалма: «Служите Господу со страхом, и радуйтесь (перед ним) с трепетом» («Псалом» 2, 11/ Библия. 1956. С.528).» (А. Н. Чанышев. Курс лекций по истории древней и средневековой философии. М., 1991. С. 435.)

Августин придумал фразу «ликовать в трепете». Ты радуешься, ликуешь и одновременно испытываешь страх-трепет. Как это можно совместить? А очень просто. Закрой глаза на логику, на здравый смысл и верь, верь безоглядно-неистово. А. Н. Чанышев пишет об этом:

«Нет, Августин не разрешил противоречия в апостольских посланиях, противоречия между ветхозаветным мифом о творении мира богом (который, как мы знаем, присутствует там в двух вариантах) с новозаветным мировоззрением. Нет, Августин не разрешил противоречие между античной философией и христианским мировоззрением, даже между христианским мировоззрением и неоплатонизмом, который, как мы знаем, был ближе его душе в пору язычества, о котором сам Августин говорит так: «...чтение книг неоплатоников надоумило меня искать бестелесную истину» (7, XX, 26). Он просто уверовал. Это был акт воли, а не акт интеллекта. На Августина снизошло, как он сам думал, озарение, а на самом же деле тьма. Он утратил критическое мышление. Сам Августин рассказывает об этом Богу так: «Итак, я с жадностью схватился за почтенные книги, продиктованные Духом Твоим, и прежде всего за послания апостола Павла. Исчезли все вопросы по поводу тех текстов, где, как мне казалось когда-то, он противоречит сам себе, и не совпадает со свидетельствами закона и пророков проповедь его: мне выяснилось единство этих святых изречений, и я выучился «ликовать в трепете». Я начал читать и нашел, что все истинное, вычитанное мной в книгах философов, говорится и в Твоем писании при посредстве благодати Твоей» (7, XXI, 27) (193). Итак, мы видим капитуляцию разума перед верой. Вместо научно-критического метода изучения предмета — «ликование в трепете».» (Там же. С. 437).

Конечно, «ликование в трепете» иногда бывает. Но эти состояния либо целиком продукт безумия, либо на грани безумия, либо результат весьма редких случаев непосредственных переходов от страха к радости или от радости к страху. Они невозможны как постоянно действующие,

длительные переживания.

«Смертью смерть поправ» — так говорят об Иисусе Христе священнослужители при совершении богослужения на пасху в православной церкви.

"До тех пор, пока человек не готов умереть, он не готов жить". — эти слова завершают страницу христианского календаря. Заголовок: «Самая большая жертва», затем цитата: «...я... готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деяния 21:13). (Хлеб наш насущный. — Ежедневное христианское чтение. Пер. с англ. М., 1993. Издатель М.Маргулис).

Чудовищна фраза Л. Толстого, навеянная подобными парадоксальными высказываниями религиозных деятелей: "Чтобы полюбить жизнь, надо полюбить смерть". Воистину язык без костей!

Религия — антинаука

Нам после Христа не нужна никакая любознательность; после Евангелия не нужно никакое исследование

Тертуллиан

Пренебрежительное отношение религии к логике вполне корреспондируется с таким же пренебрежительным отношением к науке. Религия не просто ненаучна, внеаучна, а антинаучна, агрессивно настроена против научного знания, мракобесна по сути. Например, Библия рассказывает о всяких чудесах, нарушающих законы природы. Иисус Навин якобы остановил солнце ("И остановилось солнце, и луна стояла..." — Навин, 10; 13). Иисус Христос превратил "5 хлебов и 2 рыбы" в многие тысячи хлебов и рыб, накормив ими "5 тысяч мужей" и наполнив ими еще "двенадцать коробов"(Марк, 6; 41-44), ходил по воде "аки по суку"(Марк, 6; 48-51), в одно мгновение превратил воду в вино, оживил умершего Лазаря, труп которого разложился и смердил. Это всё чудеса, противоречащие элементарным научным представлениям.

А что стоит история с сотворением мира и человека богом?! Ученые на протяжении столетий по крупицам соби-

рают факты, информацию об эволюции нашей части Вселенной, о происхождении жизни на Земле, о становлении живой природы, о происхождении человека. Наукой установлено множество бесспорных фактов, которые камнями на камне не оставляют от библейских сказок о происхождении мира и человека. И что же? Проповедники религии продолжают повторять эти сказки так, будто они вовсе не сказки, а быль, истина. Какое смятение в головы людей они вносят этими якобы былями! Ведь современный человек уже в школе получает минимум научных знаний о себе и о мире. Как он может совместить эти библейские легенды с научными представлениями?! Остается ему либо не доверять науке, либо плюнуть на логику и принять обе противоречащие версии происхождения мира и человека. И тот и другой вариант губителен. ***Недоверие к науке ведет к обскурантизму, к диким, невежественным представлениям. Принятие же обеих версий означает скорую или медленную смерть логического мышления. Алогизм в практическом плане ведет к тому, что можно говорить и делать всё, что угодно. Это либо сумасшествие, либо легкомыслие и безответственность.***

О любви к парадоксам

Любовь к парадоксам свойственна определенной части людей. Этих людей называют иррационалистами, мистиками.

Рационалисты склонны к порядку, любят его и абсолютизируют его. Соответственно они абсолютизируют знание, всё непознанное пытаются истолковать с позиций познанного, наличного знания.

Иррационалисты, наоборот, не любят обычный порядок вещей, склонны к беспорядку, готовы допустить все, что угодно. Иррационалисты — это любители парадоксов, загадок, мистики и т. п. Они абсолютизируют незнание, сферу неизведанного, непознанного, тайну.

Рационализм и иррационализм — это логика и интуиция, рассудочность и алогизм, возведенные в ранг философской концепции или сознательно принятые в качестве методологических установок, парадигм.

Различие между рационализмом и иррационализмом не только в их отношении к порядку и беспорядку. Слово “рационализм” происходит от французского “rationalisme”, которое в свою очередь происходит от латинского “rationalis”, а последнее от латинского же “ratio”. Одно из основных значений слова “ratio” — разум. Соответственно рационализм часто понимают как концепцию, утверждающую верховенство разума в жизни человека. А иррационализм методом от противного рассматривается как концепция, отвергающая верховенство разума в жизни человека. Кто же прав?

Кажется очевидным непререкаемый авторитет разума и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т. д. и т. п.

В том, что разум управляет человеком, его поведением, есть *противоречие*. С одной стороны понятно, что в разуме сосредоточены основные нити управления человеческим поведением. Но, с другой, как может “часть” (а разум лишь “часть” человека, пусть главная, но всё же “часть”) управлять, “вертеть” целым?

Да, действительно, разум лишь “часть”, но такая, которая делает целое целым. Разум — интегральное “свойство” человека, делающее его целым, т. е. он в известном смысле и часть, и целое, является связующим звеном между “частями” человека и человеком как целым.

Рационалисты любят декартовское “я мыслю, следовательно, существую”. Иррационалистам ближе шекспировские слова: “есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам”.

Рационалисты акцентируют внимание на верховенстве разума, а иррационалисты — на его ограниченности, на том, что разум меньше самого человека, меньше жизни, и поэтому не может быть верховным руководителем жизни. И те и другие правы по-своему. Истина, как всегда, где-то посередине. Человек, с одной стороны, старается руководствоваться в своем поведении доводами разума, а, с другой, ведет себя порой как существо *вне*разумное, лишенное разума, а то и просто безумное, как чувствующее, наслаждающееся или страдающее, как волящее или безвольное и

В нашей стране после десятилетий господства рационалистического умонастроения (а марксизм в основных своих частях рационалистичен) маятник качнулся в обратную сторону, а именно в сторону иррационализма и даже мистицизма. Многие деятели культуры, представители средств массовой информации стали почти открыто третировать логику, разум, порядок, норму и акцентировать внимание на всяких нарушениях, отклонениях от логики, нормы, порядка, в частности, высказывать и высказывать свою любовь к парадоксам.

Яркий пример: положение дел в российской философии. Сейчас дает о себе знать антисциентизм-иррационализм. Это определенно реакция на предшествующие десятилетия философского сциентизма-рационализма. Раскрепощенные философы вдруг заговорили как богословы, мистики, ясновидцы, пророки...

Ни сциентизм, ни антисциентизм не делают философа философом. Мы, философы, должны научиться говорить своим голосом — без наукообразности и сциентизма, с одной стороны, и без религиозно-мистической, пророческой риторики-аффектации, с другой.

В масс-медиа логика, логическое мышление, рассудок всё чаще подаются в негативном свете и, наоборот, в позитивном свете подается парадоксальное мышление. В частности, оценка идей, взглядов как парадоксальных нередко фигурирует как позитивная. Вот один характерный пример: по телеканалу «Культура» (!) в рекламе образовательного проекта нового сезона «Плоды просвещения» (сентябрь 2003 г.— 2004 г.) среди других рекламных фраз звучит и такая: «Каждый раз это парадоксальный взгляд на историю, общество, личность...». Слово «парадоксальный» звучит в контексте рекламы не просто как нечто позитивное, а как нечто очень хорошее, завлекательное.

Вообще сейчас в моде всякие парадоксальные высказывания. Опять же по телеканалу «Культура» в рекламе (!) концерта, посвященного композитору Альфреду Шнитке, воспроизводится его фраза: «Он сказал: «Я нашел ответ,

когда понял, что ответа нет» (24.11.2004 г.).

В рекламе НТВ телепрограммы «Личный вклад» звучала парадоксальная фраза, которую затем постоянно повторяет (как рефрен) в самой телепрограмме ведущий Александр Герасимов: «Если вы всё понимаете, это значит, что вам не всё говорят» (сентябрь 2003 г. — апрель 2004 г.). Парадокс-противоречие: если я всё понимаю, то, естественно, обладаю достаточной информацией; а если мне не всё говорят, значит, я не обладаю достаточной информацией и не могу всё понимать. Как хочешь, так и понимай эту фразу. Морочат голову телезрителю. Неужели телевизионщики думают, что таким образом привлекут внимание телезрителей к данной телепрограмме?!

Среди парадоксальных высказываний встречается и негативная оценка любви как таковой. Ее порой изображают как нечто чудовищное, опасное для жизни, как патологию. Так, на телеканале «Культура» в рекламе ток-шоу «Черный квадрат» (сентябрь 2003 г.) среди других слов из уст одного «деятеля» прозвучала такая фраза: «Любовь — это клиническая форма жизни». Насколько надо быть сбитым с толку, чтобы делать подобные заявления! Меня удивляет, что такое заявление делается в рекламе и притом на телеканале «Культура». Ладно, сказал кто-то глупость, но зачем же ее тиражировать и в буквальном смысле рекламировать?! И это на телеканале, который должен нести светкультуру людям, должен показывать образцы хорошего-лучшего, того, что составляет цвет-основу жизни. Ведь смотрят эту рекламу миллионы молодых людей и что они должны думать? Что любовь — болезнь? Значит, долой любовь?! Это невообразимо! Сбитые таким образом с толку молодые люди будут вести себя в делах любви настороженно-подозрительно или даже цинично, издеваясь над своими чувствами и/или чувствами любящего их. А некоторые из них будут избегать любви или бороться с ней, если она случилась. Сколько драм и трагедий может породить это нелепое утверждение «деятеля», подкрепленное авторитетом телевидения и, особенно, телеканала «Культура»!

28 сентября 2005 г. по телеканалу «Культура», отмечая разные даты, в том числе дату рождения Андре Бретона,

французского писателя, одного из основоположников сюрреализма, не нашли ничего лучшего, как озвучить абсурдное высказывание этого художника: «Красота должна быть подобна судороге; иначе ей не выжить». Судорога — нечто весьма болезненное, ненормальное и опасное для организма. И вот писатель уподобляет ей красоту! А телеканал «Культура» тиражирует это безумное заявление писателя. Судорога и красота несовместимы как несовместимы жизнь и смерть. Как можно выжить с помощью судороги?! Если, например, человек оказался в воде в глубоком месте и у него свело ногу, то его ждет скорее не выживание, а гибель.

Или в рекламе порошка Кнорр (вот уже больше года) звучит фраза: «Правила существуют, чтобы их нарушать». Эта фраза содержит логическое противоречие: тезис "правила существуют (если правила существуют, то они должны выполняться, иначе зачем они существуют)" и антитезис "правила не существуют (поскольку они должны постоянно нарушаться, то по факту их вроде бы и нет)".

Такая любовь к парадоксальному стилю мышления сочетается со всё увеличивающимся мутным потоком дезинформации и мракобесия. Многие масс-медиа передают без критической оценки астрологические прогнозы (в науке давно установлено, что астрология — лженаука), рекламируют всяких знахарей, ясновидящих, так называемых «народных целителей», без всякой критики-анализа сообщают о разных квази-, псевдонаучных теориях и т. д., и т. п.

Нарастает и градус мракобесия. То есть во все увеличивающихся масштабах передается не просто ложь-дезинформация, а замалчиваются и/или третируются правда-истина, научно обоснованные теории, концепции. Пример: общепризнанная в науке дарвиновская теория происхождения человека всё чаще упоминается со знаком минус.

"Парадоксы жизни"

Солнце на лето — зима на мороз

В принципе, парадоксов в жизни не бывает, не должно

быть. Ведь они относятся лишь к утверждениям-высказываниям, т. е. к сфере мышления и языка. Мы воспринимаем-оцениваем те или иные события жизни, явления реальности как парадоксы. Это наше **субъективное** восприятие жизни-реальности. На самом деле парадоксов (в смысле логически противоречивых ситуаций) не может быть по определению. "Парадоксы жизни" — лишь фигуральное выражение, метафора. Слово "парадокс" в этом выражении означает нечто удивительное, неожиданное, странное, что противоречит каким-то устоявшимся представлениям.

К парадоксам жизни можно отнести феномен, описываемый поговоркой "солнце на лето — зима на мороз". В самом деле, с одной стороны, солнце "движется" к лету (увеличивается день, а вместе с этим должно увеличиваться количество тепла на поверхности Земли), а с другой, зима по-настоящему "расходится" (увеличивающееся количество тепла после зимнего солнцестояния оказывается настолько ничтожным в первый месяц-полтора, что никак не отражается на продолжающемся по инерции охлаждении поверхности Земли и, соответственно, нижних слоев атмосферы). Парадокс (противоречие) мы видим в тенденциях, но не в действительности. Тенденция — это переход возможности в действительность или действительности в возможность. "Солнце на лето" — это возникновение тенденции, т. е. появление возможности перехода одной действительности (зимы) в другую (лето). "Зима на мороз" — это возникновение прямо противоположной тенденции: возможности перехода от менее морозной зимы к более морозной или от отсутствия мороза к его появлению. Наличие двух противоположных тенденций в одном и том же месте и в одно и то же время вполне допустимо, как допустимо наличие взаимоисключающих возможностей наступления событий в одно и то же время и в одном и том же месте (например, я сегодня вечером могу пойти в кино или остаться дома). В поговорке "солнце на лето — зима на мороз" — видимый-словесный парадокс, т. е. парадокс, который мы якобы видим-формулируем, но которого на самом деле нет. Ведь, действительно, в одно и то же время и в одном и том же месте не может быть сразу летней жары

и зимнего мороза.

* * *

О парадоксальном поведении людей

О подобных парадоксах жизни пишет психолог В. Л. Леви. В его книге «Искусство быть собой» парадоксам состояния посвящен целый параграф:

«Парадоксальные состояния: логика подсознания»

Перед вами на полу средней толщины бревно. По нему надо пройти. Вы спокойно проходите. Еще и еще раз — с полной уверенностью.

Бревно поднято на высоту полтора метра. Вы проходите... уверенности меньше: раз-другой покачнулись...

И вот бревно на большой высоте. Вы не идете.

Страшно, что и говорить. Но разве это не то же самое бревно по которому вы с такой легкостью проходите на полу? Ведь оно не стало уже. Пройти можно свободно, вы это знаете!

Но знать мало... Вы уже не верите, что пройдете. Не верите потому что боитесь. Боитесь, потому что не верите. И если с таким страхом идете, действительно падаете.

Теперь немножко умственного напряжения: попытаемся понять, что происходит.

Субъективное объяснение причины падения: «Закружилась голова... Покачнулся...» Физиолог скажет, что это результат произвольных движений и изменения потока импульсов, идущих от мышц тела. Это и вызвало потерю равновесия. Но почему этого не было на том же бревне на полу? Потому что у подсознания есть своя безотчетная логика — и в восприятии, и в действии. Выразить эту логику в словах в данном случае можно приблизительно так.

«Бревно... Достаточно толстое, чтобы пройти... Низко... Падать не опасно. Падать можно... Все равно, упадешь или нет... Вероятность падения можно не принимать в расчет и идти спокойно».

«Бревно, все то же бревно... Высоко! Бревно плюс высота! Падение с такой высоты опасно. Далеко не все равно упадешь или нет... Падать нельзя. Все, что угодно, только не упасть... Значит, надо учесть эту вероятность максимально. Я могу упасть!.. А мне нельзя... А я могу...»

И вот мышцы напрягаются, чтобы получше удержаться, вестибулярный аппарат приходит в возбужденное состояние — на

всякий случай, как будто бы вы уже начали падать... Это самопрогноз и эмоция сливаются в опережающем действии: вы оказываетесь жертвой непроизвольной перестраховки.

Получается парадокс. Именно то, что «нельзя падать», увеличивает вероятность падения! Субъективную, а в результате и объективную! Сознание уговаривает: «Этого не случится, потому что этого не должно быть», подсознание отвечает: «Этого не должно быть, значит это может случиться...»

Это вообще интересная особенность подсознания — смещать субъективную вероятность события в зависимости от его потенциальной значимости. Есть парадоксальные состояния противоположного знака — защитные вытеснения, когда, например, явная, неотвратимая угроза непостижимым образом игнорируется.

Теперь вы уже не удивитесь, если я скажу, что заикающийся часто заикается лишь потому, что слишком хочет не заикаться, а страдающий бессонницей не спит от чересчур сильного желания уснуть; что мужчина в интимной ситуации терпит фиаско по той только причине, что считает себя обязанным быть на высоте во что бы то ни стало... Понятными становятся и многие невротические приступы, которые возникают, когда их подсознательно ожидают: «Только бы не...» Таково и парализующее волнение спортсменов, актеров, экзаменующихся. А почему так трудно «не думать о белой обезьяне»? Что побуждает нас обязательно дернуться и пролить полный стакан, если велено не пролить ни капли? Не то же ли, что заставляет начинающего велосипедиста обязательно наехать на препятствие, стоящее в стороне от дороги? Его просто «тянет» на него! Это все тот же механизм превращения опасения в явь из-за эмоционального смещения внутренних вероятностей. Во всем виновата логика подсознания, та самая, по которой запретный плод всегда сладок...

Ну, а кто же пройдет по высоко поднятому бревну?

Конечно, специально натренированный акробат. Он пройдет свободно, легко, при этом еще жонглируя. Именно это ему, кстати, и помогает. Рабочие-высотники говорят о том же: если тебе удалось отвлечься и думать о чем угодно, только не о высоте, — все в порядке.

Пройдет глубоко загипнотизированный, которому внушено либо то, что бревно низко, либо — что он ловкий и бесстрашный акробат. (Один загипнотизированный мною подросток, которому я внушил, что он знаменитый канатоходец, легко прошел по верхней штанге футбольных ворот.)

Пройдет (пробежит!) и спасающийся от смертельной опасности. Подобные случаи описаны: спасаясь или спасая, люди

чуть ли не по нитке преодолевали пропасти: здесь клин клином.

Наконец, пройдет человек, в достаточной мере овладевший АТ (аутотренингом — Л. Б.)...

Милый читатель! Ваше счастье, если в вашей жизни совсем нет, не было и не будет таких «бревен». Парадоксальное состояние может возникнуть у каждого. Оно возникает тем легче, чем больше значит для вас данный момент, дело, человек...» (В. Л. Леви. Искусство быть собой.)

Обратите внимание: В. Л. Леви описывает по сути чрезвычайные ситуации. О чем это говорит? В нормальной жизни, а это, наверное, 90 процентов всей жизни человека, парадоксальных состояний не бывает, не может быть! Потому что нормальная жизнь это **мерная** жизнь, жизнь **в меру**. Всякий значительный выход за пределы меры **вызывает** другой выход за пределы меры, прямо противоположное движение по принципу «крайности сходятся» или «клин клином». Сверхсильное возбуждение (например, в результате приема большой дозы алкоголя) непременно приводит к другой крайности: сверхсильному расслаблению. Парадоксальные состояния — это продолжение нормальных состояний (как наши недостатки — продолжение наших достоинств). Любое нормальное состояние — колебательный процесс, качание маятника, качели. Например, бодрствование сменяется сном, а сон — бодрствованием или забота о других сменяется заботой о себе и наоборот, или интерес к одному сменяется интересом к другому. Чрезмерное бодрствование (сильное возбуждение в результате алкогольного опьянения) сменяется чрезмерным расслаблением-сном (в таких случаях говорят о мертвецки пьяном человеке).

Всякие подобные парадоксальные состояния чрезвычайно опасны для жизни и здоровья человека. Поэтому они достаточно редки. Если бы их было много, если бы они были обычным явлением, жизнь была бы просто невозможна. Представим себе, что люди вынуждены ходить по бревну на большой высоте постоянно, все время. Кто-то привыкнет, научится ходить как акробат. А большинство после первой или второй попытки свалится с бревна и разобьется.

Эти рассуждения о парадоксальных состояниях под-

тверждают высказанную выше мысль о том, что нельзя всё время думать и говорить парадоксами, что парадоксальные высказывания могут быть хороши лишь как перчик в мясном блюде, т. е. в небольших дозах.

Вообще, так ли уж парадоксальны указанные «парадоксальные» состояния? Резкое движение в одну сторону всегда вызывает обратную реакцию. Это закон меры. Когда слишком много порядка, это всегда вызывает обратную реакцию — движение к хаосу. И наоборот, когда люди устают от хаоса, они желают самого жесткого порядка.

О так называемом парадоксе свободы

К. Поппер следующим образом описывает этот парадокс: “Так называемый *парадокс свободы* показывает, что свобода в смысле отсутствия какого бы то ни было ограничивающего ее контроля должна привести к значительному ее ограничению, так как дает возможность задире поработить кротких. Эту идею очень ясно выразил Платон, хотя несколько иначе и совершенно с иными целями.”¹

В другом месте К. Поппер пишет: “Этот парадокс (свободы — Л.Б.) может быть сформулирован следующим образом: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании силь-

¹ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 1, М., 1992. С. 328. Примечание К. Поппера: “См. “Государство”, 562 b-565 с. В тексте я подразумеваю, главным образом, 562 с: “...такое ненасытное стремление к одному” (к свободе) “и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании”. См. далее 562d-e: “А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над нами власти... Именно из этого правления... и вырастет, как мне кажется, тирания”...

У Платона имеются и другие замечания о *парадоксах свободы и демократии* (“Государство”, 564 а): “Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства обращается не во что иное, как в чрезмерное рабство... Так вот тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии: иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство”. См. также “Государство”, 565 с-d: ...)”

ных над слабыми. Этот парадокс, в смутной форме восстановленный Руссо, был разрешен Кантом, который потребовал, чтобы свобода каждого человека была ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех.”¹

Как видим, К. Поппер следует И. Канту в понимании парадокса свободы. Между тем уже Гегель подверг критике указанный кантовский тезис. Он писал: “... нет ничего более распространенного, чем представления, что каждый должен *ограничивать* свою свободу в отношении свободы других, что *государство* есть состояние этого взаимного ограничения и законы суть сами эти ограничения. В таких представлениях, — продолжает он критику, — свобода понимается только как случайная прихоть и произвол.”² В самом деле, если свободу понимать только в негативном смысле, как то, что надо ограничивать, она неизбежно сближается с прихотью-произволом.

Именно такое понимание свободы присутствует в известной французской легенде. В ней рассказывается о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека.

Насколько распространено это понимание — можно судить по такому факту: Н. Ю. Сенкевич при вступлении в должность генерального директора телеканала НТВ заявил на прессконференции 25 января 2003 г.: “Лично гарантирую, что никаких ограничений свободы слова на канале НТВ не будет”. Это популистское и утопическое/демагогическое заявление.

¹ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 56. См. также: “...то, что в предшествующей главе мы назвали *парадоксом свободы*. Свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом. Никто не должен жить за счет милосердия других, все должны иметь право на защиту со стороны государства.” — Там же, С. 145.

² Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 3, М., 1977. С. 353-354 [§ 539].

Свободы, любой свободы не бывает без ограничений. Поэтому с самого начала несостоятелен и просто не имеет смысла вопрос о том, ограничивать свободу или не ограничивать. Правильнее ставить вопрос о качестве и количестве ограничений, как они влияют на свободу и в каком отношении они находятся к прямо противоположным действиям — допущениям разного рода. Ведь свобода каждого из нас не только ограничивается в обществе, но и *допускается*. Иными словами, имеет место не только взаимоограничение свободы, но и ее взаимодопущение. В этом суть правопорядка. И в этом также регулирующая роль государства. Из взаимоограничения свободы вытекают многообразные *обязанности человека*; из взаимодопущения свободы вытекают не менее многообразные *права человека*. Гегель, споря с Кантом, выступает против представления о неограниченности свободы (что она может быть неограниченной). Он справедливо полагает, что имеются ограничения, внутренне присущие свободе. Свобода без внутренних ограничений — не свобода, а произвол.

Итак, **на самом деле** нет никакого парадокса свободы. Ведь неограниченной, абсолютной свободы не бывает (своеволие, произвол — не свобода; да и они имеют свои границы). Реальная свобода всегда ограничена и извне, и изнутри (извне: внешней необходимостью, обстоятельствами; изнутри: потребностями и долгом). А то, что в результате свободных выборов к власти может придти тиран-диктатор (как это было в 1933 году в Германии), говорит лишь о том, что свобода сама по себе не дает абсолютных гарантий самозащиты. Свобода всегда включает в себе риск, в том числе крайний риск уничтожения самой себя¹. Свобода — это возможность, а возможность может содержать в себе и отрицание.

(По поводу же абсолютных гарантий чего-либо можно сказать: их не бывает **в принципе!** Касается ли это свободы, безопасности, успеха, выигрыша, долгой жизни и т. д.)

Еще один парадокс свободы сформулировал Ж.-

¹ "Свобода — острый нож; им можно и зарезаться" — так остро сказала В. И. Новодворская, председатель партии "Демократический союз" в телепередаче по 3-му каналу 24 января 2003 г.

П. Сартр: «мы суть свобода, которая выбирает; но мы не выбираем бытие свободными: мы осуждены на свободу...». — С одной стороны, мы сама свобода, а, с другой, «мы не выбираем бытие свободными», «осуждены на свободу». Если слово «осуждены» правильно переведено на русский язык, то из фразы «мы осуждены на свободу» вытекает два взаимоисключающих суждения: «мы осуждены» и, следовательно, несвободны как несвободны все осужденные, т. е. заключенные большей частью, и мы свободны, поскольку свобода дана нам изначально вместе с нашей жизнью (бытием, как говорит Сартр). Этот парадокс такой же артефакт¹, как и предыдущий. То, что мы не можем что-то выбирать (наше детство, родителей, сам факт нашей жизни и т. д.), говорит не о нашей несвободе, а о том, что внутри самой свободы есть некоторые ограничения, некоторое отсутствие выбора. Очевидно, что **реальная возможность выбора не абсолютна, как нет ничего (чисто) абсолютного вообще**. Если свобода не абсолютна, то это вовсе не значит, что она отсутствует, что ее нет. Если не бывает абсолютно здоровых людей, то это не значит, что нет людей практически здоровых.

Жить значит умирать?

В подготовительных материалах к “Диалектике природы” можно найти такую фразу Ф. Энгельса: “жить значит умирать”. Ее подхватили некоторые философы и ученые, стали даже рассматривать как пример диалектической мудрости. Между тем, если разобраться объективно, то следует признать, что это высказывание Энгельса является неудачным, псевдодиалектическим по существу. Ведь смерть (умирание) в точном смысле слова есть конец, прекращение жизни многоклеточного организма. Ни о каком умирании организма *в течение жизни*, т. е. умирании отдельных тканей, органов, клеток, белков в этом организме говорить нельзя. Эти “части” не являются самостоятельными живыми организмами. Говорят, правда, об *отмирании* клеток. Но отмирание не есть умирание, смерть. Тем

¹ Артефакт — искусственный феномен.

более нельзя говорить о распаде белков, как их смерти, умирании. Ведь белки не относятся к разряду живых систем; они всего лишь органические соединения, входящие в состав живых систем.

Умирание, смерть — это тотальный, всеохватывающий процесс разрушения многоклеточного организма, который относится к завершающему периоду его жизнедеятельности. Он происходит лишь при условии тотального разрушения клеток, распада белков. Как целое не сводится к части, так и смерть многоклеточного организма не сводится к отдельным распадам, разрушениям клеток, белков. Чтобы эти распады, разрушения вызвали смерть целого организма, нужно, чтобы они достигли в количественном и качественном отношении некоторого *критического* значения. А так распады, разрушения белков, клеток происходят с самого начала формирования многоклеточного организма. Они являются составной частью процесса диссимиляции. Энгельс имел в виду как раз эти распады, разрушения, когда говорил “жить значит умирать”. В сущности, он употребил слово “умирать” не в точном научном смысле, а в метафорическом, обозначив им любые процессы распада, разрушения, связанные с жизнедеятельностью организмов. И все же, употребляя слово “умирать” в метафорическом смысле, Энгельс не имел права приравнивать жизнь к смерти. Независимо от его субъективных намерений, от того, что он имел в виду, фраза “жить значит умирать” содержит, прямо скажем, ядовитый, гнилой смысл. С ее точки зрения мы — живые мертвецы и вся наша борьба против смерти, бессмысленна, так как сама жизнь есть смерть. Какая это, в сущности, насмешка над живой природой, живыми людьми, которые порой предпринимают героические усилия, чтобы одержать победу в борьбе со смертью! (Кстати, выражения “борьба за жизнь”, “борьба со смертью” ясно указывают на отношения противоборства, противостояния жизни и смерти. Формула “жить значит умирать” *смазывает* это противостояние жизни и смерти, как бы разрушает плотину, воздвигаемую жизнью против смерти).

У галлов в ходу была поговорка: “*не умирай — пока живешь*”. В этой поговорке выражено требование живых,

здоровых людей — сопротивляться смерти до последнего вздоха. А что же мы видим в формуле “жить значит умирать”? Она, по существу, морально разрушает человека. Хирург, который делает операцию, чтобы спасти жизнь больному, вспомнив формулу, может подумать: — А зачем, собственно, я борюсь за жизнь этого больного? Ведь он все равно умрет, если не сегодня, так завтра. От смерти не уйдешь, как ни старайся. Жить значит умирать. Так пусть он (больной) умирает. Зачем я буду ему в этом препятствовать? Вот такие мысли могут быть навеяны энгельсовским тезисом.

Если бы герой рассказа Джека Лондона “Любовь к жизни” руководствовался этой философской сентенцией, то он наверняка бы в смертельно опасных обстоятельствах ослабил свою волю к жизни, а то и совсем потерял бы желание бороться со смертью.

Всем самоубийцам должна быть близка формула “жить значит умирать”. В ней они, наверное, нашли бы оправдание своему стремлению уйти из жизни.

В указанной формуле мы видим лишь псевдиалектическую игру в отождествление, оборачивание противоположностей. Такой псевдиалектикой можно доказать и оправдать все, что угодно.

Если мы посмотрим, в каком контексте возникла у Энгельса фраза “жить значит умирать”, то увидим, что она появилась в связи с обсуждением гегелевского тезиса о том, что смерть есть момент жизни, что последняя содержит в себе “зародыш смерти”. Точка зрения Гегеля, как видим, достаточно осторожна. И насколько прямолинейна фраза Энгельса “жить значит умирать”.

Далее, почему собственно мы акцентируем внимание на соотношении жизни и смерти?! Ведь для жизни как таковой *рождение* имеет, по меньшей мере, такое же значение как и *смерть*. Жизнь — как весы; рождение — одна чаша весов, смерть — другая. Рождение означает начало индивидуальной жизни, смерть — ее конец. Отсюда можно видеть, что диалектика жизни не сводится к диалектике существования и перехода в небытие (а именно эта “диалектика” присутствует в формуле “жить значит умирать”). Диалектика жизни на самом деле есть диалектика рожде-

ния, развития, существования и смерти. С таким же успехом, с каким мы говорим “жить значит умирать”, мы можем сказать “жить значит рождаться”. Диалектика перехода из небытия в бытие так же значима для жизни, как и диалектика перехода в небытие. А с точки зрения общей перспективы жизни (как планетарного или даже космического явления) первая диалектика важнее второй.

Мы так подробно остановились на формуле “жить значит умирать” потому, что в ее основе лежит мысль, которую часто озвучивают философы и писатели в разных вариантах. Одни — с драматическим пафосом, другие — как бы кокетничая. Выше я приводил известное выражение “бытие перед лицом смерти”. Сравнительно недавно писатель Виктор Ерофеев в программе НТВ “Намедни” (15.X.1994) бросил фразу: “Главное, наверное, не жить, выживать, а стареть, умирать”. Что это? Глупая оговорка писателя или желание поразить воображение обывателя своим нонкорформизмом? (Комментарий 6.02.2004: думаю, это была не оговорка писателя, а его стиль. Не раз я слышал подобные высказывания из его уст. Вот и в настоящей работе выше приводится еще одно мрачного свойства парадоксальное высказывание В. Ерофеева. См. стр. [175](#). В. Ерофеев и подобные ему — «деятели» антикультуры, болезнь общества, духовные микробы, разлагающие тело культуры).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Об уме-разуме

Eugene Sturzhovskiy

Тема: Письмо к Уважаемому Льву Балашову касательно запутанного философского вопроса!

Уважаемый господин Балашов, пишу Вам с города Полтавы, Украины касательно одного вопроса, который скорее всего в обществе признали бы агностическим. Я никогда не увлекался философией, и в своих размышлениях скорее всего вызову лишь немного смеха. Я прекрасно понимаю, что Вам как Великому человеку с глубокомысленными думами и размышлениями мой

ответ может показаться не вполне достойным внимания, но все же очень надеюсь на то что Вы найдете время и сможете ответить на вопросы, которые так сильно заинтересовали меня.

Любой человек наверное задавал себе следующий вопрос: является ли человеческая мысль и разум чем то ограниченным и несовершенным, или же интеллект может решить всякую проблему и познать любые тайны мира? Задав себе подобный вопрос, я начал искать на сайте www.wikipedia.org список великих Философов и принялся читать работы Эммануила Канта, а именно "Критику Чистого Разума". Многое я, наверное как самый обычный человек, из его размышлений попросту не понял, но насколько внимательно мне удалось прочитать текст я понял, что Кант считал разум исходящим и полагающимся на опыт, т.е. на мир вокруг себя. С этой мыслью я лично полностью согласен. Возможно это не представляет из себя некоего доказательства или факта, но разум и человек живет в мире, он можно сказать "участвует" в нем, так как мир породил человека, а не человек породил мир. Исходя из этой мысли, можно предположить что человеческий интеллект является как минимум до определенной степени ограниченным. Вроде бы даже на страничке Иммануила Канта написано, что он считал, что человек может и должен познавать, но не всё. Должен признаться, я многого не читал, наверное не привык анализировать столь важную и интересную работу. Следом за чтением Канта, я вспомнил, что философа Бенедикта Спинозу очень любил Альберт Эйнштейн, и решил прочитать немного его размышлений, и приступил к познанию основ его "Этики". Должен сказать, что если из работ Эммануила Канта для меня остались ясными хоть некоторые точки его зрения, то после чтения Баруха Спинозы я только понял, что "Субстанция" это то, что является неким началом или корнем всего, а модусом является ответвления Субстанции. Так, можно сказать, что наш разум (модус) является частью Вселенной (Субстанции). Спрашивал на очень многих сайтах, считал ли Бенедикт Спиноза человеческий интеллект абсолютным или же считал его ограниченным как и Кант, но четкого ответа не получил, хотя те кто отвечали, заявляли, что как и в философии Канта, мысли Спинозы подчеркивают что наш разум является ограниченным по отношению мира, который его породил.

Здесь я задал для себя вопрос, на который ни могу дать себе ответ, потому что он кажется безответным, а именно: если человеческий разум является предельным, то стоит считать что всякая мысль, включая бесконечность, отрицание или соглашение со всякой мыслью (нет или да) правда или ложь и вообще всякая мысль является порождением в сфере человеческого интеллекта,

а раз человеческий интеллект является не совершенным, то получается и всякая мысль порожденная и существующая в разуме, есть суть дела только в нем, и правда или ложь относительны? Следовательно такая мысль, как например "Субстанция" Бенедикта Спинозы, которая затрагивает действительность вселенной исходит из мыслей, и не может быть абсолютно точной, верно? Конечно можно сказать что мысли исходят из мира вокруг них, что в подобном случае дает им некое подобие действительности, но все же получается, что всякая мысль, такая как даже например смерть или бессмертие, произошли от разума, который с точки зрения некоторых философов ограничен миром вокруг него, а значит мысли не могут быть "абсолютно" правдивыми?

Надеюсь Вы ответите на мой скромный вопрос, если у Вас есть желание и время.

- С глубочайшим уважением

Евгений

Уважаемый Евгений!

Вы написали: "Любой человек наверное задавал себе следующий вопрос: является ли человеческая мысль и разум чем то ограниченным и несовершенным, или же интеллект может решить всякую проблему и познать любые тайны мира?". С моей точки зрения — это ложная дилемма типа "Алкоголь — яд или лекарство?" У меня есть книга "Как мы думаем?" В ней подробно разъясняется, что может человеческий ум, а что не может. Электронный текст книги на моем сайте balashov44.narod.ru в разделе "Рукописи". Разум человеческий не является ни тупо ограниченным, ни способным решать все задачи, раскрывать все загадки мира. Он в чем-то ограничен, слаб и в то же время способен "выходить за пределы", решать всё более сложные задачи. Ум человеческий как сам человек. Человек в чем-то совершенен и в чем-то несовершенен. Поэт Державин говорил про человека: "Я телом в прахе истлеваю, умом громам повелеваю. Я царь — я раб, я червь — я бог!"

Ваши вопросы обнаруживают, что Вы мыслите по типу "или-или", т.е. строгой дизъюнкции. Между тем в жизни много такого, что предполагает поиск золотой середины по типу "и-и", то и другое. Иногда поиск золотой середины напоминает хождение по лезвию бритвы.

Абсолютное и относительное — вот еще противоположности, о которых спотыкаются некоторые люди. Истина либо абсолютна, либо относительна — так думают некоторые. На самом деле, истина в чем-то абсолютна, в чем-то относительна. О крайностях абсолютизма и релятивизма я писал в своей книге "Ошибки и перекосы категориального мышления" (ее текст на том же сайте).

Л.Балашов

Быть умным — всегда благо. Если ты умный, тебе с ЛЮБЫМ интересно общаться!

Oleg Churymov в Твиттере оставил такую запись:

Быть слишком умным — не такое уж и благо. Тебе может быть мало с кем интересно общаться.

Мой ответ:

Быть умным — всегда благо. Если ты умный, тебе с ЛЮБЫМ интересно общаться! Потому что умный человек, по крайней мере, всегда исследователь. Ему не может быть неинтересно в этом мире по определению.

Comments

Ольга Поросная: согласна, что быть умным — благо. но наверно не ум определяет, с кем интересно/не интересно общаться, а сферы интересов и умение общаться.

lev_balashov:

Умный человек — всегда исследователь и уже поэтому ему интересно общаться с ЛЮБЫМ человеком. Другой разговор, что он делает ВЫБОР между тем, что для него может быть более интересно или менее интересно (в данный момент и в данных обстоятельствах). Тут уже вступает в действие "закон" борьбы (конфликта) интересов (желаний, стремлений).

lakealex:

Я знаю, что Вы скорее сторонник золотой середины. Но в данном случае, слишком категоричны — но, по-видимому, сами этого не замечаете. А вот оппонент не был столь категоричен.

lev_balashov:

Принцип золотой середины не всегда действует. Например, нельзя искать золотую середину между добром и злом, жизнью и смертью. Также нельзя искать золотую середину между умом и глупостью. Если ум не всегда благо, как утверждает оппонент, то, значит, глупость может быть благом. Такой вывод следует из его утверждения. Тьма "умников"-парадоксалистов готова признать глупость в отдельных случаях благом, а ум злом. Особенно, если слова "ум" и "глупость" употреблять не в основных их значениях, а в периферийных, так сказать, малоупотребительных значениях. Ум потому и ум, что он служит благу (в фундаментальном смысле), а не злу. Это прописная истина. А мой оппонент пытается оспорить эту прописную истину.

В тех случаях, когда ум не благо, он уже не ум, а глупость!

И насчет интересного-неинтересного. Настоящий, сильный ум пытлив и поэтому ему интересно всё, практически всё. Очень опасно, в частности, когда человек перестает интересоваться людьми, когда он теряет интерес к тому или иному человеку. Это уже признак ослабления ума, старения. Интерес к жизни — важная категория, свидетельствующая о жизненной силе. А он, этот интерес к жизни, складывается из множества интересов, в том числе таких, как интерес к людям как таковым. Посмотрите, как пишет оппонент: "Тебе может быть мало с кем интересно общаться". — Это ли не признак потери интереса к жизни, одряхления-старения, стремительного движения к смерти духа?! Я бы понял своего оппонента, если бы он говорил не так общо, а применительно к какой-то конкретной жизненной ситуации. Его сентенции претендуют на философскость, на некую жизненную мудрость... А на самом деле они псевдофилософские. Никакой мудрости в них нет, а есть негодная попытка возвести свое разочарование (умом и людьми) в абсолют.

Влияние наших мыслей на здоровье. Аффирмация

Как мы думаем, так и живем. Лучше думаем - лучше живем!

В качестве иллюстрации к этим моим мыслям предлагаю вниманию читателей небольшое эссе психолога Е. Горшковой на тему:

Влияние наших мыслей на здоровье. Аффирмация

Почему одни люди никогда не болеют, а другие постоянно жалуются на свое здоровье или же бесконечно лечатся? Можно ли с помощью мыслей повлиять на здоровье, защитить себя от опасных заболеваний? Что такое аффирмации и как ими пользоваться?

Мы управляем мыслями или они нами?

Наш организм — это сложная и многогранная система. Один конкретный орган не может "знать" о намерении человека в целом, но он должен действовать так, чтобы человек был здоров, и чтобы его намерения осуществлялись. Подобная система нуждается в управлении.

Для решения этой задачи все тело человека и все его органы пронизаны огромным количеством нервных волокон, которые, подобно проводам в компьютере, собираются в жгуты-нервы. Тридцать одна пара таких жгутов соединена со спинным мозгом, а 12 пар с головным мозгом.

Наибольший поток информации обрабатывается скрытым от сознания человека образом, т.е. подсознательно. Подсознательно управляются все органы и системы человека, подсознательно управляются его мышцы, перемещающие его в пространстве, подсознательно управляются голосовые связки, участвующие в обмене информацией с окружающим миром.

Подсознание беспрекословно выполняет распоряжения человеческого разума. Одинаково старательно исполняются как распоряжения, идущие на благо, так и распоряжения, идущие во вред. Причиной "разрегулирования" подсознания являются разрушительные эмоции, полученные им от сознательного разума.

Только у нас в голове решается вопрос о том, быть ли нам здоровыми и счастливыми, или нет. Достаточно поменять «плохую» картину мира на «хорошую» в своей голове, и задуманное осуществится, болезни уйдут, и мы станем счастливыми.

Человек, который фокусирует свои мысли на болезни, много говорит об этом, слушает разговоры других людей о болезнях, таким образом настраивает свое подсознание на болезнь.

Человек, который сосредотачивается на здоровье, как правило, здоров и избегает всяких разговоров о болезнях.

Меняя свои мысли, мы начинаем вести себя по-другому и добиваемся иных результатов. Но как отогнать от себя негативные мысли и заполнить свою голову позитивом?

Самая простая в исполнении техника управления собственными мыслями известна как аффирмации. Именно они помогают создать позитивные мысленные образы.

Аффирмации представляют собой позитивные фразы, которые произносятся в виде утверждений по многу раз, до тех пор, пока они не становятся вашими собственными мыслями.

Фразы нужно произносить в настоящем времени, как будто это происходит уже сейчас. То есть, «Я здоров и прекрасно себя чувствую», а не «Я хочу быть здоровым» и не «Я выздоравливаю» - в этом случае вы рискуете надолго застрять в процессе выздоровления, так и не добившись положительных результатов.

Впервые способ лечения с помощью аффирмаций предложила американский психолог Луиза Хей. Ее идея состоит в том, что любая болезнь не возникает просто так, а вызывается эмоциональным и психологическим состоянием человека. Определенной болезни соответствует своя психологическая проблема. К каждой проблеме подбираются свои аффирмации, направленные на изменение психологического состояния, а в итоге на излечение от болезни. Аффирмации нужно повторять много раз, до тех пор, пока они не станут вашими собственными мыслями.

Эффективность этой техники подтверждается многими положительными примерами, но все же есть люди, которые, как бы ни старались, не получают результатов от применения аффирмаций. Почему так происходит?

Человек способен напрямую воздействовать на своё подсознание, но не приказами, а посредством эмоций, причем чаще

всего он не осознает этого воздействия. Именно в этом и состоит проблема самовнушения. Дело в том, что, сколько бы мы себе ни повторяли, что у нас все хорошо, если на уровне подсознания мы не верим в это, ничего не выйдет. Осуществляться будет только то, о чем мы думаем или беспокоимся больше всего.

Например, мы можем сколько угодно повторять аффирмации о богатстве, но в то же время постоянно думать о неоплаченных счетах и собственной никчёмности. В результате аффирмации не помогут, ведь сбывается только то, на чем мы фокусируем свое внимание чаще всего.

Аффирмации — это то, что мы делаем сознательно, но наше подсознание может иметь свое собственное мнение по любому вопросу. Если мы полны страхов и предрассудков, злобы, то ни какие позитивные утверждения не помогут справиться с болезнью. И в этом случае подсознание вовсе не является нашим врагом, оно сопротивляется, потому что пытается защитить нас от излишних разочарований.

Еще одна из причин, по которой аффирмации не действуют, это неправильное их составление.

Как же правильно составить аффирмации и сделать так, что бы они эффективно работали?

Определите, какой результат вы хотите получить и запишите это. Например: я хочу быть здоровым.

Сформулируйте из своего желания позитивное утверждение в настоящем времени: я здоров.

Проверьте фразу на здравый смысл и точность. Дело в том, что наш мозг понимает все буквально, и в некоторых случаях ничего хорошего из этого не получается. Например: У меня здоровая печень. В принципе утверждение правильное, но в данном контексте оно несет двойной смысл. Слово «здоровая», может означать «большого размера», а это для печени уже не очень хорошо.

Аффирмация должна звучать не как какое-то действие, а как уже свершившийся факт, иначе вы никогда не достигнете результата, а всегда будете находиться в процессе его достижения. Например: фраза «я выздоравливаю» блокирует процесс выздоровления и делает его бесконечным, а фраза «я здоров» создает позитивный образ и фокусирует вас на результате.

Обманите подсознание. Чтобы подсознание не мешало вам осуществлять задуманное, вам нужно твердо верить в то, что вы говорите.

Существует несколько способов заставить подсознание поверить в правду произносимой вами фразы.

Действуйте. Аффирмации бесполезны, если вы продолжаете саморазрушающее поведение. Если вы хотите вылечиться от хронического бронхита, но продолжаете курить по пачке в день, то вряд ли добьетесь положительного результата. Предпримите что-либо для реализации вашего намерения.

Простите всех, на кого вы обижены, и в первую очередь себя. Это освободит позитивную энергию, которая блокируется обидой и злобой. Без прощения разрушительные эмоции не покинут наш мозг и будут продолжать разлагать организм.

Аффирмации не следует противопоставлять медицинским средствам лечения. Продолжайте выполнять рекомендации своего лечащего врача.

Каждая клеточка организма реагирует на любую мысль, которая рождается в голове, на каждое слово, которое мы произносим. Вы не должны злиться на себя и свой организм, потому что злость — это аффирмация, которая сообщает телу, что вы ненавидите его. Если вы хотите быть здоровым, то должны полностью принять и полюбить себя, окунуться в атмосферу любви.

Мой комментарий

С текстом, посвященным влиянию наших мыслей на здоровье, согласен. А вот с аффирмациями дело сложнее. Очень мало людей, которые готовы повторять много раз искусственные фразы. Т.е. этот метод далеко не для всех. Другой разговор, если применяются фразы, слова, подобные аффирмациям, но встроенные в нашу повседневную жизнь, так сказать, являющиеся естественными элементами нашего поведения. Я как раз отношусь к числу людей, которые с детства научились "уговаривать", "убеждать" себя в том, что жизнь прекрасна, что отдельные неприятности, мелкие или крупные, - всего лишь эпизоды, зигзаги жизни по сравнению с "мировой революцией".

Мне представляется, психологам и практическим философам надо разработать способы более естественных

аффирмаций, не бесконечные повторения одних и тех же слов, не заклинания и молитвенные подвиги, а способы РАБОТЫ НАД СОБОЙ, которые естественным образом связаны со всем строем жизни. Например, я регулярно перечитываю (примерно раз в два-три года) "Робинзона Крузо" Д.Дефо и эта книга заряжает меня вновь и вновь своей жизнестойкостью-жизнелюбием. Или музыка. Классическая музыка, великие образцы поп-музыки необыкновенно вдохновляют меня на новые труды и подвиги, поддерживают жизненную энергию, волю к жизни. Или общение с природой... Это вообще бесконечный источник жизнерадостности, бодрости духа. А главное, имей хотя бы одно любимое дело и живи ради него! Я, например, занимаюсь философским творчеством и мне это так нравится, что ради него хочется жить, жить и жить, хоть до бесконечности.

Некоторые другие комментарии

Наталья. Одно время я очень увлекалась книгами Луизы Хей и даже сильно похудела, используя ее аффирмации. Реализовалось это очень иногда неожиданно - например, я потеряла кошелек, лишилась возможности брать такси от метро до работы и целый месяц бегала пешком. Потом мне стала неприятна практически вся еда, кроме кефира и фруктов. Результат примерно через полгода очень порадовал. Но аффирмации требуют значительного усилия воли, времени и т.п. Стало лень этим заниматься. Года через три достигнутые результаты стали исчезать :-)

Елена Ахмадеева. Когда аффирмации становятся неотъемлемой частью твоей жизни, когда мысленно проговариваешь их в любую свободную минутку, когда мысли становятся всегда позитивными и несут добро себе и окружающим, тогда и времени на них практически не тратишь, ты пользуешься им попутно. Я, например, аффирмации, молитвы и настрои на позитив мысленно проговариваю по пути на работу, в транспорте, по дороге домой. Практически получается специального времени я на это не выделяю, все по пути. Молитва и аффирмация стали ежедневными моим мыслями, а когда мысли постоянно заняты позитивом, то и негативу не остается места. Все делается просто на автомате. Но к этому нужно прийти. Существует теория, если в течение 40 дней заниматься чем-либо, то потом это дело дела-

ется уже легко и ты становишься профессионалом. Нужно выдержать первые 40 дней. Со мной эта теория сработала на отлично. Желаю всем здоровья и благополучия!!!

Светлана. А разве можно обмануть подсознание?

Natalia Filatova. Нельзя!))) НО пытаться стоит! А вдруг что-то получится. Воля нужна. И на создание хороших установок, и на то, чтоб не создавать плохие, ненужные и опасные

Елена Ахмадеева. А никто и не собирается обманывать подсознание, это все равно, что обманывать самого себя. Нужно постараться найти общий язык со своим подсознанием и подружиться с ним. Тогда будет полная гармония.

Л. Тема очень интересная! И ведь это действительно работает, если этому следовать не абы как, а с толком-чувством-расстановкой! Знаю по себе! Взять хотя бы наличие в мире такой шелухи, как гороскопы, приметы и прочие "порчи-сглазы"... Так вот в какой-то момент времени я отвергла всю эту шелуху, не верю я теперь в это всё ... и Вы знаете, жить стало намного легче, лучше, интереснее и безбоязненнее!! Это как будто очистка состояния произошла, мировоззрение поменялось, мыслить стала другими категориями (более настоящими и жизненными), и т.д.... А всё потому, что произошла переоценка ценностей!

Лев Балашов. Вы молодчина! Я всю жизнь живу без этой шелухи, других стараюсь отвадить и прекрасно себя чувствую.

Л. Спасибо, Лев!

А ведь навязалась эта шелуха ко мне в далеком детстве бабушкой и мамой: постоянно одёргивали, руководствуясь приметами: "Не сиди на углу стола-не выйдешь замуж! ...Не свисти в доме- денег не будет! Не зашивай пуговицу на себе (не сняв с себя одежду)- ум зашьёшь! ..Не оставляй недочитанную книгу открытой -черти прочтут и все знания в твоей голове твоей спугают!" ...и т.д...и т.п.)))))... А все эти "овны-козероги"....Ой, как вспомню, так вздрогну)))))...Прошла это сама, а вот однажды посмотрела это сверху и со стороныС тех пор и стала свободной от этого всего!!! И уверенность вошла в меня, твёрдость и противостояние невзгодам!!!

Лев Балашов

Вы знаете, я давно занимаюсь этой проблемой. Как влияет мировоззрение на жизнь человека. У Вас хорошо получается с описанием и объяснением указанных феноменов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. РАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ

Рассудок, разум и другие способности мышления. К истории вопроса

Философы давно говорили и писали о сложной структуре мышления, разных его способностях и типах.

Еще Платон проводил различие между рассудком, разумом и мнением. Он писал:

«— Пойми также, что вторым разделом умопостигаемого я называю то, чего наш разум достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ни чем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним.

— Я понимаю, хотя и не в достаточной степени: мне кажется, ты говоришь о сложных вещах. Однако ты хочешь установить, что бытие и все умопостигаемое при помощи диалектики можно созерцать яснее, чем то, что рассматривается с помощью только так называемых наук, которые исходят из предположений. Правда, и такие исследователи бывают вынуждены созерцать область умопостигаемого при помощи рассудка, а не посредством ощущений, но поскольку они рассматривают ее на основании своих предположений, не восходя к первоначалу, то, по-моему, они и не могут постигнуть ее умом, хотя она вполне умопостигаема, если постичь ее первоначало. Рассудком же ты называешь, по-моему, ту способность, которая

встречается у занимающихся геометрией и им подобных. Однако это еще не ум, так как рассудок занимает промежуточное положение между мнением и умом.

— Ты высказал полнейшее понимание. С указанными четырьмя отрезками соотнеси мне те четыре состояния, что возникают в душе: на высшей ступени — разум, на второй — рассудок, третье место удели вере, а последнее — уподоблению, и расположи их соответственно, считая, что, насколько то или иное состояние причастно истине, столько же в нем и достоверности» ("Государство" 511 b-e).

Очень близко подошли к разгадке структуры мышления Кант и Гегель.

II. Кант о разных способностях мышления

В книге А. Гулыги "Кант" излагается позиция Канта на соотношение различных способностей мышления, весьма сходная с излагаемым в настоящей работе подходом. Вот что писал А. Гулыга: "Итак, рассудок и интуитивная способность суждения. Кроме этих двух, Кант называет еще одну сферу интеллектуальной деятельности, высший ее этаж — *разум*. В широком смысле слова разум для Канта равнозначен всему логическому мышлению. Иногда, правда, Кант бывает непоследователен и употребляет в этом значении термин "рассудок". В узком смысле слова рассудок — сфера науки, здесь осуществляется познавательный синтез; разум — высшая контрольная и направляющая инстанция, это сфера философии. Аналитика — учение о рассудке, диалектика — учение о разуме."¹

Развивая идеи Платона Кант разработал теорию разума как высшей способности мышления. И это самый настоящий прорыв в познании мышления. Кроме того, Кант, наверное, был первым, кто определил статус идеи как мысли Разума. «Трудности разума связаны с тем, что он имеет дело не с научными понятиями (сфера рассудка), а с идеями. Идея — это такое понятие, для которого в созерцании не может быть дан адекватный предмет. Разум непосредственно направлен не на опыт, а на рассудок, подготавливая

¹ Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 116.

ему поле для деятельности. Разум вырабатывает основоположения, общие принципы, которые рассудок и способность суждения применяют к частным случаям. Разум выполняет направляющую функцию в познании, он направляет рассудок к определенной цели, ставит перед ним задачи. (Функция рассудка конститутивна, то есть конструктивна, он создает понятия.) Разум очищает и систематизирует знание...

Именно благодаря разуму теория переходит в практику, идеи регулируют не только наше познание, но и наше поведение. Из того, что человек никогда не будет поступать адекватно чистой идее добродетели, вовсе не следует, будто она химера. Всякое суждение о моральном достоинстве возможно только при посредстве такой идеи»¹.

Гегель о различии между рассудком и разумом

В “Лекциях по истории философии” Гегель писал: “Общераспространенный предрассудок полагает, что философская наука имеет дело лишь с абстракциями, с пустыми общностями, а созерцание, наше эмпирическое самосознание, наше чувство, наше “я”, чувство жизни, есть, напротив, внутри себя конкретное, внутри себя определенное, богатое. И в самом деле, философия пребывает в области мысли, и она поэтому имеет дело с общностями; но хотя ее содержание абстрактно, оно, однако, таково лишь по форме, по своему элементу; сама же по себе идея существенно конкретна, ибо она есть единство различных определений. В этом и состоит отличие разумного от чисто рассудочного познания; и задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное. Если истина абстрактна, то она — не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная теория, она не истина — она правильна лишь в голове — и, между прочим, также и не практична; философия же наиболее враждебна абстракт-

¹ Там же. С. 117.

ному и ведет нас обратно к конкретному»¹.

В предисловии к *Науке логики* он пишет: «*Рассудок дает определения и твердо держится их; разум же отрицателен и диалектичен, ибо он обращает определения рассудка в ничто; он положителен, ибо порождает всеобщее и постигает в нем особенное. Подобно тому как рассудок обычно понимается как нечто обособленное от разума вообще, так и диалектический разум обычно принимается за нечто обособленное от положительного разума. Но в своей истине разум есть дух, который выше их обоих; он рассудочный разум или разумный рассудок. Он есть отрицательное (das Negative), то, что составляет качество и диалектического разума, и рассудка. Этот дух отрицает простое (das Einfache) и тем самым полагает определенное различие, которым занимается рассудок; он также разлагает это различие, тем самым он диалектичен. Однако он не задерживается на этом нулевом результате, а выступает в нем и как нечто положительное, и, таким образом, восстанавливает первоначальное простое, но как всеобщее, которое конкретно внутри себя. Под конкретно всеобщее не подводится то или другое данное особенное, а в указанном процессе определения и в разлагании его уже определилось вместе с тем и особенное. Это духовное движение, дающее себе в своей простоте свою определенность, а в ней — и равенство с самим собой, это движение, представляющее собой, стало быть, имманентное развитие понятия, есть абсолютный метод познания и вместе с тем имманентная душа самого содержания»².*

Как люди сами себя обманывают (недальновидность)

Мудрый человек — дальновидный, прозорливый. (Китайская мудрость: “мудрый человек не лечит болезни, а предотвращает их”).

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 1, С.-Петербург, 1993. С. 88

² Гегель. Наука логики, т. 1., М., 1970. С. 78-79.

В известном смысле дальновидность — главное качество человеческого мышления.

Недальновидный человек — глупый.

Вот один пример. Я постоянно слышу от студентов, что они недосыпают. Чаще всего студенты объясняют свой недосып тем, что времени у них не хватает. Получается, студенты отнимают время у сна, чтобы использовать это время для своих дел. Студенты думают, что таким образом выгадывают время. Что же происходит на самом деле? Недосып (недостаток сна) ведет к ослаблению организма, в частности к ослаблению **иммунитета**. А это последнее ведет к заболеваниям, которые заставляют человека тратить время на лечение, восстановление сил и т. п. Это время, как правило, значительно превышает время, отнятое у сна. Вот и получается, выгадывая время за счет сна, студенты на самом деле теряют время. Они обманывают себя, думая, что могут увеличить время жизни за счет сна.

Кстати, ученые недавно установили, что **невысыпание ослабляет память и способность мыслить**. Выходит, студенты вредят себе и в этом отношении. Ведь для них чрезвычайно важно поддерживать ум и память в хорошем состоянии.

Самоанализ

Человек, способный к самоанализу, — это человек разумный. Он, безусловно, в выигрыше перед тем, кто не анализирует свои поступки, чувства, мысли.

Выше я говорил о некотором автоматизме мышления (см. стр. 58). Автоматизм мышления или, по-другому, умственный автопилот не всегда хорош. Здесь как раз и выручает самоанализ.

Мышление животных

Человеческое мышление возникло не на пустом месте. Оно имеет свою предысторию в мышлении животных. В неразвитом виде у животных имеются все те же элементы мышления, что и у человека: рассудок, вероятностное мышление, интуиция и даже начатки разума, разумной деятельности. Ученые собрали огромный фактический ма-

териал, свидетельствующий о начатках рассудка, интуиции и разума у животных.

Можно много говорить, например, о хитрости животных. А хитрость — частный случай смекалки, сообразительности. Эти умственные способности с лихвой присутствуют у животных.

Насчет рассудка (логического мышления) у животных можно сказать следующее. Конечно, рассуждать они не могут, поскольку бессловесны. Но рассудок существует не только в виде суждений и рассуждений. Животные по-своему умеют рассчитывать, соизмерять, аналогизировать, обобщать...

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ВЫСКАЗЫВАНИЯ РАЗНЫХ АВТОРОВ ОБ УМЕ, СПОСОБНОСТЯХ И КАЧЕСТВАХ МЫШЛЕНИЯ

Чтение для ума — то же, что физическое упражнение для тела.

Аддисон 1, 342

Ум заключается не только в знании, но и в умении прилагать знание на деле.

Аристотель

Ум — это духовное оружие человека.

В.Г. Белинский 6, 218

Величайшая слабость ума заключается в недоверчивости к силам ума.

В.Г. Белинский (Собр.соч. Т. 8. С. 274)

Можно уступить силе, но безропотно покоряются только разуму.

Л. Бланки 6, 209

Слабый храбростью силен хитростью. *У. Блейк 12, 284*

Чтобы стать циником, нужно быть умным; чтобы хватило ума не стать им, нужно быть мудрым.

П. Буаст 12, 289

Сильный телом одолеет одного,
сильный мудростью одолеет многих.

Из к/ф “Василий Буслаев”

Жаден человеческий разум. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается все дальше.

Ф. Бэкон 5, 718

Голая рука и предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны не меньше разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движения, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.

Ф. Бэкон 5, 718

Остроумие далеко не то, что ум. Ум отличается изобретательностью, остроумие же только находчивостью.

К. Вебер 6, 213

Знанием может владеть ум ученого, но мудрость — это дыхание народа.

Вудберри 1, 116

Ум жаждет вечности, он дышит широтой,
И надобно любить, чтоб мыслить вдохновенно.

Э. Верхарн

Разум — высшее состояние сознания и самосознания, то есть знания о предмете и знания о себе.

Гегель 12, 206

Человек, не допускающий сомнений, ставит предел своему уму.

К. Гельвеций 12, 240

Многознание не научает быть мудрым (умным).

Гераклит

О значительнейших вещах не будем судить слишком быстро.

Гераклит

...ум человека складывается из совокупности его идей. Без идей нет ума.

К. Гельвеций 5, 721

Всякий слышит лишь то, что он понимает. *Гете 1, 117*

Прежде чем упрекать писателя в неясности, нужно анализировать свой собственный ум, не в нем ли кроется причина непонимания. В сумерки даже крупный шрифт с трудом читается.

Гете 6, 214

Ум можно сравнить с зорким зрением, быстро замечающим вещи. Здравый ум — это ум, замечающий предметы и отношения так, как они суть на самом деле. Путаный ум — это ум, замечающий только неверные отношения. Гениальный ум — это зрение, охватывающее одним взглядом все пункты обширного горизонта.

П. Гольбах 5, 722

Великая любовь неразлучна с глубоким умом: широта ума равняется глубине сердца. Оттого крайних вершин гуманности достигают великие сердца; они же — великие умы.

И.А. Гончаров 6, 202

Поступки — плоды помыслов. Были разумны помыслы — будут хороши поступки.

Б. Грасиан 12, 182

Ум человеческий имеет три ключа, все открывающие: знание, мысль, воображение — все в этом.

В. Гюго 6, 218

Остроумие — качество, крайне редкое встречающееся у образованных людей, но как правило, присущее людям простым.

Гэзлит

Дедукция — ум памяти,
интуиция — ум воображения.

Р. Декарт

Телесная красота человека есть нечто скотоподобное, если под ней не скрывается ум.

Демокрит 9, 156

... мудрость приносит следующие три плода: дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать.

Демокрит 9, 163

Большой ум, а не многознание должно развивать.

Демокрит

Умный человек видит перед собой неизмеримую область
возможного, глупец же считает возможным только то, что есть.

Дидро 3, 77

Люди перестают мыслить, когда перестают читать.

Д. Дидро

Народная мудрость высказывается обыкновенно афористиче-
ски и никогда не прибегает к форме силлогизма, столь любимой
книжниками.

Н.А. Добролюбов 6, 210

Сильные умы именно и отличаются той внутренней силой,
которая дает возможность не поддаваться готовым воззрениям и
системам и самим создавать свои взгляды и выводы на основа-
нии живых впечатлений. Они ничего не отвергают сначала, но
ни на чем и не останавливаются, а только все принимают к све-
дению и перерабатывают по-своему.

Н.А. Добролюбов 4, 99

Человек по-настоящему мыслящий, черпает из своих ошибок
не меньше познания, чем из своих успехов.

Д. Дьюи 1, 133

Умному человеку и плохие вещи хорошо служат, а глупому и
хорошие приносят беду.

Индийская поговорка

Мудр человек, умеющий всюду найти достойное изучения и
из каждой незначительной вещи извлечь полезный для себя
урок.

Индийская мудрость

Великие умы ставят перед собой цели; остальные люди сле-
дуют своим желаниям.

В. Ирвинг 1, 118

Мелкие умы смиряются и покоряются несчастьям, но вели-
кие умы поднимаются выше их.

В. Ирвинг 6, 209

... разум есть способность видеть связь общего с частным.

И. Кант 5, 722

Часто силен умом тот, кому природа отказала в телесной си-
ле.

Дионисий Катон

Люди, которые не имея своего ума, умеют ценить чужой, часто поступают умнее умных, лишенных этого умения.

В.О. Ключевский 6, 208

Парадоксальный ум относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации.

Ж. Лабрюйер

Отличительный признак большого ума — сказать много в немногих словах; ограниченный ум, наоборот, обладает даром много говорить и ничего не сказать.

Ф. Ларошфуко 5, 719

Люди недалекие обычно осуждают все, что выходит за пределы их кругозора.

Ф. Ларошфуко 6, 208

Неправ тот, кто считает, будто ум и проницательность — различные качества. Проницательность означает лишь особенную ясность ума; она добирается до сути вещей, отмечает все, что следует отметить и видит порою даже то, что кажется невидимым. Поэтому нужно признать, что все приписываемое проницательности, является лишь следствием ясности ума.

Ф. Ларошфуко

Мудрость есть дочь опыта.

Леонардо да Винчи

Ум человека можно определить по тщательности, с которой он учитывает будущее или исход дела.

Г.К. Лихтенберг 12, 267

Хитрость есть обезьянье подобие мудрости.

Д. Локк 12, 283

Если сравнить интеллект с растением, то книги подобны пчелам, переносящим оплодотворяющую пыльцу от одного ума к другому.

Лоуэлл

Много вина — мало ума.

Менандр 1,119

Я старался развить в читателе дух пытливости, не довольствующийся простым описанием и созерцанием, а возбуждающий и приучающий к упорному труду и стремящийся везде, где можно, мысли проверять опытами. Таким путем возможно избежать трех одинаково губительных крайностей: утопий мечта-

тельности, желающей постичь все одним порывом мысли, ревнивой косности, самодовольствующейся обладаемым, и кичливого скептицизма, ни на чем не решающего остановиться.

Д.И. Менделеев (“Основы химии”)

Я знавал множество людей, обладавших огромными познаниями и не имевших ни единой собственной мысли.

Мизнер 1, 25

Если можно быть учеными чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью.

М. Монтень 12, 276

Пылливости нашей нет конца... удовлетворенность ума — признак его ограниченности или усталости. Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом: он всегда станет притязать на большее...

М. Монтень (“Опыты”. Т. 3. С. 359)

Остроумие — непринужденность ума.

А. Моруа 12, 161

Своим разумом превзошел род человеческий.

Надпись на могиле И. Ньютона

Чем более совершенно существо, тем больше выводов оно способно делать из тех сигналов мира, которые ему доставляют его органы чувств. Мы видим не глазами и слышим не ушами, а мозгами. Орел видит лучше человека — с высоты птичьего полета он способен заметить мушку на стволе ружья целящегося в него охотника, но при этом не может понять, что через секунду может покинуть лучший из миров. Гений видит то же самое, что видят все, но при этом думает по-другому, поэтому совершает открытие. Сигналы мира не всегда лежат на поверхности — требуется пронизательность ума, чтобы их заметить. Чем более развито существо, тем больше сигналов мира оно замечает и более адекватно их интерпретирует.

Неизвестный автор

Истинный пророк — разум: лишь он предсказывает будущее.

Овидий

Ученый человек — сосуд, мудрец — источник. *Олджер*

Если не имеешь в голове идей, то не увидишь фактов.

Чем умнее человек, тем более он находит оригинальных людей. Дюжинные личности не находят разницы между людьми.

Б. Паскаль 6, 220

Умственная посредственность всегда отличается пассивным консерватизмом и противопоставляет натиску новых идей тупое сопротивление инерции... Слепой фанатизм и дешевый скептицизм одинаково часто встречаются в людях ограниченных.

Д.И. Писарев 6, 218

Благоразумие — воздержанность души по отношению к естественно возникающим к ней вожелениям.

Платон (“Определения”)

Лиса, убежавшая однажды из западни, больше в нее не попадет.

Плутарх 1,120

Всяк умен, кто сперва, а кто опосля. *Поговорка*

Видя чужие пороки, умный избавляется от своих.

Публилий Сир 1,121

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки.

А.С. Пушкин 5, 724

Мудрый находит себе помощь во всем, потому что его дар состоит в том, чтобы извлекать добро из всего.

Д. Рёскин 12, 133

Из всех способностей человека разум, представляющий собою объединение всех других, развивается труднее всего и позже всего.

Ж.Ж. Руссо 5, 721

Для того, чтобы человеку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать.

Л.Н. Толстой

Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты.

Л.Н. Толстой 6, 203

Пусть за мечту корят, но к славе ты

придешь, когда в свой разум дерзкий
веру обретешь

Узбекская мудрость

Не умея обращаться с памятью человека, мы утешаем себя мыслью, что дело воспитания — только развить ум, а не наполнить его сведениями; но психология обличает ложь этого утешения, показывая, что самый ум есть не что иное, как хорошо организованная система знаний.

К.Д. Ушинский

Человек живет не тем, что он съедает, а тем, что переваривает. Положение это одинаково справедливо относится к уму, как и к телу.

Б. Франклин 5, 722

Чтобы стать циником, нужно быть умным; чтобы хватило ума не стать им, нужно быть мудрым.

Хёрст 1, 122

Самому умному философу трудно отвечать на глупые вопросы.

Хилон 6, 215

Ошибки людей сильного ума именно тем и бывают страшны, что они делаются мыслями множества других людей.

Н.Г. Чернышевский 6, 213

Рассудительность необходима для того, чтобы соблюсти меру в наших поступках.

Ф. Честерфилд 12, 209

Мысли лучших умов всегда становятся в конечном счете мнением общества.

Ф. Честерфилд 1, 134

Управлять нужно с помощью разума: нельзя играть в шахматы с помощью доброго сердца.

Шамфор 1, 123

Обладающий развитым здравым смыслом обычно редко впадает в крайности. Он умеет согласовывать свои слова и поступки. Поскольку он координирует свои действия и обычно не теряет головы в экстремальных или сложных ситуациях, о нем говорят, что он человек “здравый”. Очевидно, что тот, кто обладает здравым смыслом, не даст легко увлечь себя научными и философскими идеями, которые недостаточно им продуманы и осмыслены.

В. Шаповалов¹

То, что приобрел ум, приобретено навеки. *Шеффер*

Для умных подражание унизительно. *Ф. Шиллер*

Всякая революция была поначалу мыслью в мозгу одного человека.

Эмерсон 1, 134

Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны.

Эсхил 1, 86

Мудр — кто знает нужное, а не многое. *Эсхил*

Казаться глупым мудрому не страшно. *Эсхил*

ГЛУПОСТЬ

Глупцы замечают только промахи людей и не обращают внимания на их достоинства. Они подобны мухам, которые норовят сесть только на воспаленную часть тела.

Абуль-Фарадж 6, 205

Лишь тупицы копируют один другого.

У. Блейк 1, 125

Истина для глупцов — то же, что факел среди тумана: он светится, не разгоняя туман.

П. Буаст

Молчание — добродетель дураков. *Ф. Бэкон 1, 126*

Где глупость — образец, там разум — безумие.

Гете 1, 126

Нет ничего опаснее дурака, который пытается изобразить умного.

Гете

Если глупец избегает порока — впадает в другую.

Гораций

Когда человек говорит мало — он кажется умнее.

¹ См.: журнал “Здравый смысл”, 1997, № 3. С. 36.

М. Горький 6, 207

Глупцов благоразумию научают несчастья.
Не слово, а несчастье есть учитель глупцов.

Демокрит 9, 162

Глупцы стремятся к выгодам, доставляемым счастливым случаем, знающие же ценность таких выгод стремятся к выгодам, доставляемым мудростью.

Демокрит

Глупцы желают жить, боясь смерти, вместо того, чтобы бояться старости.

Демокрит 9, 163

Злословие и клевета не имели бы такой силы, если бы глупость не пролагала им пути.

Александр Дюма-сын 6, 207

Веселые люди делают больше глупостей, чем печальные, но печальные делают большие глупости.

Клейст

Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства. Тупой или ограниченный ум, которому недостает лишь надлежащей силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже учености. Но так как в таких случаях подобным людям обычно недостает способности суждения, то нередко можно встретить весьма ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток.

И. Кант¹

Осел и в лвиной шкуре будет реветь по-ослиному.

Лукиан 1, 128

Молчаливость — мудрость глупца.

Публилий Сир 1, 128

Кто глуп и понял это, тот уже не глуп.

Публилий Сир 12, 59

Голод обостряет ум и у глупцов.

Федр 1, 130

¹ Кант И. Соч. в 6 т. Т. 3, М., 1964. С. 218.

Заблуждаться свойственно всякому, но упорствует в своем заблуждении лишь глупец.

Цицерон 1, 131

Одно из величайших бедствий цивилизации — ученый дурак.
Карел Чапек 6, 212

* * *

Глупость — та или иная степень слабоумия. Каждый бывает слаб умом и, следовательно, каждый бывает глуп.

Если просто дурак может быть опасен, то ученый дурак может быть опасен вдвойне.

Материал для размышлений

«Война — это не то, кто кого перестреляет, а то, кто кого передумает» («А зори здесь тихие», к/ф, Б. Васильев)

Лев Евдокимович БАЛАШОВ

КАК МЫ ДУМАЕМ ?

(ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ МЫШЛЕНИЯ)